ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

2023 – № 3

Учредитель
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук

Редакционная коллегия
А.Г. Аллахвердян (Москва, Россия), *Н.А. Ащеулова* (Санкт-Петербург, Россия), *А. Грунвальд* (Armin Grunwald) (Карлсруэ, Берлин, Германия), *С.В. Егерев* (Москва, Россия), *В.Г. Буданов* (Москва, Россия), *О.В. Москалева* (Санкт-Петербург, Россия), *В.В. Лапаева* (Москва, Россия), *Л. Райзер* (Leandro Raizer) (Порту-Алегри, Бразилия), *В. Хофкиршнер* (Wolfgang Hofkirchner) (Вена, Австрия), *М.А. Ядова* (Москва, Россия)

Главный редактор –
д-р филос. наук *Е.Г. Гребенщикова*

Заместители главного редактора –
д-р филос. наук *И.А. Асеева*
д-р экон. наук *С.М. Пястолов*

Ответственный редактор –
канд. филос. наук *Е.А. Гаврилина*

«Науковедческие исследования» – рецензируемый журнал открытого доступа. Журнал учрежден Институтом научной информации по общественным наукам РАН и является преемником одноименного ежегодника, который издавался в ИНИОН РАН с 2003 по 2021 г.

Журнал выходит четыре раза в год.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

ISSN 2658–5405

DOI: 10.31249/scis/2023.03.00

© ИНИОН РАН, 2023

Содержание

НАУКА, ТЕХНОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

Али-заде А.А. Эмпирический и теоретический уровни мышления, массовый человек и наука 7
Белялетдинов Р.Р. Концепция самодетерминации и проблема смыслополагания в информированном согласии 29
Коданева С.И. Негативные последствия изменения климата для России и стран глобального Юга 50
Середкина Е.В., Мезин Е.В. Как может повлиять ChatGPT на культуру диалога и образование? 74

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Алексеева Е.А., Медведев А.О. О соотношении понятий «учёный» и «эксперт» 90
Ерёмина А.А., Алексеев А.Ю. Дизъюнктивный скептический аргумент в метавселенной. Доверительная проблема цифрового двойника. 103
Медведева М.А. Гаврилина Е.А. Именование и референция: способы идентификации субъекта в метавселенной 121

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ. ЛИЧНОСТЬ УЧЕНОГО

Гуров О.Н. Исследователь музыкальной культуры, общественный деятель и музыкант Н.Я. Выгодский: время и судьба 140

ОБЗОРЫ, РЕФЕРАТЫ, РЕЦЕНЗИИ

Место, значение и сущность технологий в цифровом обществе. Рецензия на коллективную монографию: Социально-технологический дискурс в теориях и практиках цифрового тренда 158

Contents

SCIENCE, TECHNOLOGY AND SOCIETY

Ali-zade A.A. Empirical and theoretical levels of thinking, mass man and science 7
Belyaletdinov R.R. The Concept of Self-Determination and the Problem of Sense-making in Informed Consent 29
Kodaneva S.I. Negative consequences of climate change for Russia and the countries of the Global South 50
Seredkina E.V., Mezin E.V. How can ChatGPT affect the culture of dialogue and education? 74

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL DEVELOPMENT

Alekseeva E.A., Medvedev A.O. On the relation between the concepts of "scientist" and "expert" 90
Eryomina A.A., Alekseev A.Yu. A disjunctive skeptical argument in the metaverse. The confidence problem of a digital double ... 103
Medvedeva M.A. Gavrilina E.A. Naming and reference: ways of identification of the subject in the metaverse ..... .121

PSYCHOLOGICAL FACTORS OF THE DEVELOPMENT OF SCIENCE. THE PERSONALITY OF THE SCIENTIST

Gurov O.N. Researcher of Musical Culture, Public Figure and Musician N.Y. Vygodsky: Lifetime and Destiny 140

REVIEWS, ESSAYS

Bondarev V.P. The place, meaning and essence of technologies in a digital society. Review of the collective monograph: Socio-technological Discourse in the theories and practices of the digital trend 158

НАУКА, ТЕХНОЛОГИЯ И ОБЩЕСТВО

УДК 001:008 DOI 10.31249/scis/2023.03.01

Али-заде А.А.* [1]

ЭМПИРИЧЕСКИЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ УРОВНИ МЫШЛЕНИЯ, МАССОВЫЙ ЧЕЛОВЕК И НАУКА

Ali-zade A.A.

EMPIRICAL AND THEORETICAL LEVELS OF THINKING, MASS MAN AND SCIENCE

Аннотация. В статье разрабатывается тема ментальной структуры общества как фактора общественного развития. Дается характеристика таким структурным единицам общественного сознания, как массовое сознание и научное мышление. Детально исследуется феномен массового человека в отношении научного развития на переходе из общества XX в. в общество XXI в.

Ключевые слова: эмпирическое сознание; теоретическое мышление; массовое сознание; массовый человек; научное мышление; наука; философия науки; позитивизм; постпозитивизм.

Abstract. The article develops the theme of the mental structure of society as a factor in social development. The characteristic is given to such structural units of social consciousness as mass consciousness and scientific thinking. The phenomenon of mass man is studied in detail in relation to scientific development at the transition from the society of the 20th century to the society of the 21st century.

* [1] *Али-заде Александр Алиевич* – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра научно-информационных исследований по науке образованию и технологиям ИНИОН РАН, Москва, Россия.

Ali-zade Alexander A. – PhD in Philosophy, Leading Researcher of The Centre for Academic Research and Informational Studies on Science, Education and Technologies, INION, Moscow, Russia.

Keywords: empirical consciousness; theoretical thinking; mass consciousness; mass man; scientific thinking; science; philosophy of science; positivism; post-positivism.

Мыслительный аппарат человека имеет два уровня – эмпирический и теоретический. Такова природная данность человеческого рода. Эмпирический уровень отвечает за отражение видимого многообразия действительности, установление поверхностных связей внутри этого видимого многообразия и, на такой основе, формирование эмпирической, т.е. поверхностной картины мира. Теоретический уровень предусматривает то, что называется интеллектуальной рефлексией – анализ, оценку эмпирического материала с целью проникнуть в его глубинные, не лежащие на поверхности связи, сформировать идею, концепцию видимых связей для объяснения и прогнозирования их поведения. Человеческое мышление таково, что эмпирический и теоретический его уровни нераздельны. Человек – в принципе рефлексивное, по классическому определению человека, «относящееся» существо: «Там, где существует какое-либо отношение, оно существует для меня; животное не “относится” ни к чему и вообще не “относится”; для животного его отношение к другим не существует как отношение» [3, с. 29]. То есть человек, способный относиться ко всему и вся, не сразу, инстинктивно, отвечает на стимулы, а именно опосредует связку «стимул – ответ», именно вырабатывает ответ в акте индивидуальной свободы воли, теоретического мышления. Поэтому эмпирическое мышление характеризует людское единомыслие, массовость человека, теоретическое же мышление – человеческую индивидуальность. Соотношение единомыслия (эмпирического мышления) и индивидуальности (теоретического мышления) в каждом конкретном человеке и определяет, кто этот человек. Реальные люди в силу статистически складывающихся разных условий своей социализации (прежде всего условий родительской семьи) имеют разный уровень теоретического мышления, рефлексии – разный уровень индивидуализации своего сознания. И это создает большую и неустранимую социальную проблему, которой озаботились еще Сократ и Платон, увидевшие связь между степенью индивидуализации сознания индивида и его моральным сознанием: высокий уровень теоретического (самостоятельного, критичес-

кого) мышления позволяет индивиду правильно оценивать, что есть добро, а что – зло. Сократ и Платон понимали, что зло в обществе (дефицит морального сознания) можно серьезно снизить, если поднять в массовом человеке уровень теоретического мышления (интеллектуальной, в том числе моральной рефлексии). Поэтому Сократ использовал практику бесед со случайными людьми с целью побудить каждого из них к самостоятельному мышлению. По-видимому, Сократ был первым когнитивным психологом, разработавшим и на практике применявшим собственную методику активизации у людей рефлексивного сознания. Именно Сократу принадлежит нетривиальный и прозорливый вывод о корнях асоциальных проявлений: человек, не приученный думать, находится в отношении морали и правильных поступков в большом тумане, он не знает, где истина, а где заблуждение, не знает, как себя нужно вести, и поступает не по долгу, а по склонности, т.е. очень часто – из эгоистических и эгоцентрических побуждений. Человек, по Сократу, обязан напряженно размышлять и образовываться, и это единственный путь к достижению человеческого и общественного идеала. Платон же пытался справиться с общественной проблемой слабо индивидуализированного массового сознания, предложив институциональный проект «идеального общества», устроенного так, что правителями его должны быть «философы» (люди, наделенные развитым теоретическим мышлением и, значит, высоким моральным сознанием), а чтобы исключить «плохую» социализацию подрастающего поколения, родительские семьи обязывались отдавать своих детей проверенным общественным воспитателям. Кстати, Платон при всей наивности конкретики своего проекта мыслил вполне в рамках сформулированной лишь в XX в. теории систем, согласно которой нормальное функционирование любой сложной системы (в том числе общества) обеспечивается управляющей структурой, более «умной», чем система в целом [1]. Вот он и предложил для общественной системы «умную» управляющую структуру в лице «философов» и «проверенных общественных воспитателей».

Между тем массовый человек с его слабым теоретическим мышлением – низкой способностью анализа, несамостоятельностью поведения, готовностью стать «человеком толпы» – потому и определяется как массовый, что он всегда составлял, составляет и

будет составлять статистическое большинство человечества (социологи дают цифру в 70–80%). Платон не случайно считал наихудшим общественным устройством современную ему демократию – демократию большинства (а общественное большинство и есть эти самые 70–80% массового сознания) – именно потому, что он справедливо отождествлял демократию большинства с охлократией, властью толпы. Французский социолог С. Московичи вообще охарактеризовал XX век «веком толп», описав особое состояние «массового человека», когда он превращается из представителя нормального общественного большинства в «человека-массу», утрачивая индивидуальность и становясь частицей толпы. Неотъемлемой стороной и прямыми бенефициарами превращения общества в толпу выступают разного рода диктаторы с их болезненным желанием получать постоянное подтверждение, что их любят, уважают, боготворят, что характерно проявляется в организации массовых празднеств – парадов и других демонстраций, где диктаторы непосредственно ощущают свою власть над массой людей. Вот как С. Московичи говорит о сути подобных массовых демонстраций: «Выделяясь на фоне людской массы, которая расточает ему всяческие похвалы и курит фимиам, вождь зачаровывает ее своим образом, обольщает словом, подавляет, опутывая страхом. В глазах такого раздробленного людского множества индивидов он является массой, ставшей человеком. Он дает ей свое имя, свое лицо и свою активную волю. Наполеон великолепно умел производить такое впечатление на солдат французской революционной армии. А Сталину удалось воплотить для массы то, что называется “согласием народа в одном человеке”. И один, и другой были убеждены в безграничном благоговении множества людей, которым они взялись служить образцом. Превращение многочисленной толпы в единое существо придает вождю притягательность сколь зримую, столь и необъяснимую. Такое искусство политика возбуждать толпы есть не что иное, как религия, вновь обретшая почву под ногами» [4, с. 27–32]. Отсюда же – и страсть диктаторов к завоевательным войнам, экспансии своей власти на новые территории, над большей массой людей. Австрийский исследователь Ф. Шахермайр, посвятивший свою науку изучению личности Александра Македонского, рисует эту вполне почитаемую фигуру «великого завоевателя» как человека, который

не мог вынести, что какой-либо народ находится еще вне его, Александра, власти и пока не попал в «плавильный котел» его империи. Жажда объединить все народы мира под своей личной властью – таков был, доказывает Ф. Шахермайр, исключительный мотив поведения Александра Македонского: «Александр, несмотря на полное отсутствие поводов к войне, везде выступал как завоеватель и агрессор. Он считал своим врагом любой народ, любое государство, любого правителя, не приветствующего его и заранее не выражающего покорности и смирения. Покоренным Александр предоставлял только один выбор: либо полное подчинение, либо гибель. Такие действия можно было бы признать странными и необъяснимыми, если бы не притязание Александра на завоевание всего мира. Для властелина, считавшего покорение мира своей ниспосланной свыше миссией, все это совершенно естественно» [7, с. 339].

Почему именно XX век назвал С. Московичи «веком толп»? Потому что в нем появились мощные инструменты «строительства толп» в виде популярной левой, коллективистской (коммунистической) идеи и ее, охватывающих огромные аудитории, рупоров – СМИ, радио, телевидения, – которые намеренно использовали рекламный (упрощенный, навязчивый) стиль подачи информации, рассчитанный именно на массовое, неиндивидуализированное сознание, легко поддающееся зомбированию. Общественную опасность легко поддающегося зомбированию массового человека – всегдашнего большинства человечества – хорошо объясняет предложенная З. Фрейдом схема устройства человеческой психики, включающая «Я» (сознание), «Сверх-Я» (социальные, цивилизационные нормы и правила) и «Оно» (подсознательную сферу). Пока «Оно» находится под контролем «Я» и «Сверх-Я», индивид нормален. Если же «Оно» по тем или иным причинам ломает этот контроль, начинает полновластно распоряжаться индивидом, тот становится непредсказуемым, сумасшедшим. Массовый человек с его ослабленным «Я» (неиндивидуализированным, несамостоятельным сознанием) легко подпадает под власть своего «Оно», своего подсознания, которое, ломая все социальные, цивилизационные сдержки, делает индивида опасным асоциальным субъектом. А поскольку массовый человек составляет большинство любого общества, то раскрепощение в нем «Оно» соответствующей

пропагандой-зомбированием (кто бы ни были эти пропагандисты) превращает большинство общества в толпу, в коллективное бессознательное со всеми признаками коллективного сумасшествия. Подтверждением этой психоаналитики З. Фрейда служит то обстоятельство, что человечество, населенное в основном массовым человеком, постоянно «сходит с ума», впадая в малые и большие войны. Американский социолог Питирим Сорокин привел реальный бытовой случай подобного стадного поведения людей, не отдающих себе отчета, почему они так поступают, когда вслед за повесившемся на вбитом в дерево крюке нашлось несколько человек, повесившихся на том же крюке, и достаточно было просто убрать злополучный крюк, чтобы этот странный ряд самоубийств закончился. П. Сорокин назвал такое, на первый взгляд, невероятное поведение «заражением» – люди почему-то «заражались» ситуацией самоубийства [6]. Однако разгадка состояла в том, что этими людьми были представители массового сознания, у которых ситуация спровоцировала раскрепощение их подсознания – утрату контроля «Я» и «Сверх-Я» над «Оно». С одной стороны, массовый человек представляет большинство обычных, «нормальных» людей, но с другой – большинство людей, несущих опасность охлократии, коллективного бессознательного, асоциальности. Эту двойственность массового человека уловили мыслители Просвещения Дж. Локк и Т. Гоббс. Дж. Локк считал, имея в виду массового человека, что люди в основном «хорошие», и поэтому надо дать им возможность выстраивать нормальные демократические институты при минимальном участии государства в этом строительстве. Т. Гоббс же, имея в виду того же массового человека, напротив, полагал людей в основном «плохими», и потому выстраивание демократических институтов должно идти под строгим контролем государства. То есть, оба мыслителя противоположно оценивали общественный потенциал массового человека, один – со знаком «плюс», другой – со знаком «минус».

У массового человека – нормальное обыденное сознание, но оно не предусматривает развитое теоретическое мышление и связанные с ним рефлексии, ставящие перед индивидом концептуальные, ценностные вопросы его самоопределения. Рефлексии массового (обыденного) сознания направлены на решение задачи приспосабливания к любым социальным условиям с целью выжи-

вания в них и, по возможности, комфортного выживания. Поэтому массовый человек – естественный конформист, у него нет позиции, ни ценностной, ни гражданской, ни политической, он не пытается разобраться в проблемах выше проблем его частной жизни. Он легко обольщается «харизматическими» персонами, использующими феномен массового сознания для удовлетворения своего инстинкта власти над людьми. Как охарактеризовал засилье массового сознания в обществе один литературный персонаж, «народ – как табун овец, его вести надо» [8, с. 18]. Это сказал всего лишь литературный персонаж, но под его словами подписались бы авторитетные мыслители от Сократа и Платона до С. Московичи. Массовый человек не понижает уровень общества – он просто самим своим существованием удостоверяет человека и общество, какие они есть реально, выносит запрет на утопии идеального общества, подобно тому как в свое время Французская академия наук вынесла окончательный запрет на рассмотрение проектов вечного двигателя.

В отличие от массового, иначе говоря, обыденного сознания, характеризующегося весьма низкой интеллектуальной рефлексией, научное мышление основывается на таком взаимодействии эмпирического и теоретического его уровней, при котором теоретический уровень абсолютно приоритетен, поскольку продуцирует то, что науку и делает наукой – идеи, гипотезы, концепции, теории. Если же сравнивать научное мышление не с массовым (обыденным) сознанием, а с мышлением философским, то последнее представляет чистое теоретическое мышление, не нуждающееся в эмпирическом тестировании, в то время как научное мышление в таком тестировании нуждается – как в инструменте доказательства объективности научных истин. Само словосочетание «доказательство объективности» предполагает эмпирическое тестирование – соотнесение научных высказываний с реальностью, не зависимой от высказывающихся о ней, от любой человеческой субъективности.

Вот почему наука всегда останется в обществе элитарным занятием, куда закрыт вход массовому человеку. Выполнение научной работы требует высокоразвитого теоретического мышления, каким не обладает массовый человек, и значит, научное развитие способно обеспечиваться явным меньшинством, если не мизерной частью общества. Науке необходимы штучные люди –

элитарной она была до своей институционализации, таковой она остается, преобразовавшись в социальный институт. Отдать науку на откуп массовому сознанию – значит попросту уничтожить ее. Утечка умов из общества, тем более масштабная утечка в кризисных условиях (политических репрессий, войн), развращает массовое сознание, которое, лишаясь высокой умственной планки, погружается в стихию коллективного бессознательного, стихию «Оно», дезориентируется в отношении социальных, цивилизационных правил и норм, и тогда не исключены самые курьезные метаморфозы поведения людей – возможно то, что заслуживало бы названия «социальная шизофрения». XX в. человеческой истории, названный «веком толп», продемонстрировал легкость, с какой даже высококультурные, цивилизованные общества способны впасть в социальную шизофрению – достаточно вспомнить национал-социалистическую Германию. Тем более несет опасность охлократии XXI в., раскрепостивший массового человека технологиями глобальной коммуникации, с помощью которых буквально каждый индивид, в том числе представитель массового сознания, может выходить на глобальную аудиторию без всякого официального разрешения, становиться лидером общественного мнения. XXI в., резко повысивший субъектность общества благодаря этим технологиям, дал массовому сознанию реальную власть, освободив его от официальных разрешительных регламентов. Это, с одной стороны, беспрецедентно демократизировало социум, а с другой – реально усилило в нем охлократическое измерение, не сдерживаемое больше никакими официальными регламентами, т.е. понизило уровень общественного сознания, его интеллектуальную составляющую.

Принесенные XXI в. общественные изменения, играющие на понижение интеллектуальной составляющей социума, стали для науки, сферы высокоразвитого теоретического мышления, прямым вызовом, вынуждающим науку встраиваться в новый социум, искать в нем свою нишу, демократизироваться, открываться обществу с трудной задачей остаться при этом сферой, не размываемой массовым сознанием, для которого наука – не ценность. И научное развитие, именно в секторе общественных наук, приспосабливается к новым условиям не тем, что впускает в себя массовое сознание, но тем, что предельно расширяет свой исследовательский,

методологический инструментарий. Инструментарий исследователя-обществоведа больше не регламентируется строгими требованиями научного метода, принятого в естественных науках, где четко разделены эмпирический (сбор эмпирического материала), теоретический (выдвижение гипотез) и проверочный (экспериментальная проверка гипотез) этапы. Этот принятый в естественных науках исследовательский регламент в принципе не переносим на общественные науки в силу самого предмета обществознания, требующего работы с одушевленной, субъективной, психологической, закрытой реальностью. Тем более в условиях резко возросшей субъектности общества XXI в. выработка общественными науками нового исследовательского инструментария, адекватного произошедшим революционным переменам, стала императивной. Уже бесполезен классический (по образцу естественных наук) подход эмпирической социологии, предписывающий «лабораторные» действия с выборками респондентов, вырванных из живого социального процесса, режима реального времени, из которого исследователи вместе с респондентами выпадают, оказываясь в заведомо фальшивой, изолированной в стенах «лаборатории» познавательной ситуации. Нынешние беспрецедентные самоорганизация, скорость и глобальность человеческой / социальной коммуникации подсказывают исследователям новую методологию – не «лабораторную» изоляцию респондентов, а, напротив, выход из «лаборатории» и погружение в живой социальный процесс самих исследователей, которые становятся прямыми участниками новой коммуникационной среды, воспроизводят ее в режиме реального времени, оставаясь ее исследователями. При этом понятно, что взаимодействие эмпирического и теоретического уровней научного мышления будет не таким, какое предписано естественными науками. Естественнонаучное познание – «кабинетное», ученый-естественник в силу неизменности своего предмета исследования имеет неограниченное время на последовательные и возвратные переходы между эмпирическим и теоретическим уровнями познания. Ускоренное же течение социального времени, обязанное новым технологиям человеческой / социальной коммуникации, покончило с иллюзией, будто медленно меняющуюся социальную реальность, какой она была до коммуникационной революции XXI в., можно рассматривать по аналогии с неизменной природной реальностью.

Расставание с этой иллюзией вынудило социологов отказаться от неспешной кабинетной работы и погрузиться в постоянный цейтнот полевой работы, чтобы быть внутри многоголосицы так называемых «больших данных», производимых океаном человеческих коммуникаций. Одно дело – взаимодействие эмпирического и теоретического уровней научного мышления в кабинетной тиши, когда исследователи сами организуют то, что хотят исследовать. И совсем другое дело, когда исследователи оказываются внутри быстро меняющегося калейдоскопа полевых условий, и когда сама исследуемая реальность организует работу научного мышления, вынуждая к невиданной свободе выбора исследовательского инструментария ради получения достоверного знания. В общественных науках XXI в. вполне реализовался «анархистский» принцип философии науки П. Фейерабенда «все проходит»: исследователь волен использовать любые методы, не обращая внимания ни на какие академические каноны, лишь бы эти методы приносили научный результат.

Философия науки давно занимается ключевым механизмом научного мышления – взаимодействием эмпирического и теоретического его уровней. Философами науки предлагались разные модели этого базового механизма производства научного знания. Была странная позитивистская модель, редуцирующая теоретический уровень к эмпирическому уровню и тем самым низводящая научное мышление, в сущности, к обыденному сознанию, т.е. находящаяся в прямом противоречии с природой науки, обязанной высокоразвитому теоретическому мышлению. Поэтому в дальнейшем не могли не возникнуть постпозитивистские модели, вернувшие теоретическому мышлению суверенитет и верховенство. Подчеркивая ключевое значение теоретического мышления в научном производстве, они отводили эмпирическому познанию довольно скромную роль – эмпирической основы выдвижения содержательных теоретических предположений и эмпирической верификации этих предположений. Такую явно подсобную роль эмпирического познания – обслуживания теоретического мышления – еще больше понизил К. Поппер в своей «фальсификационистской» модели научного развития в части эмпирического удостоверения теоретических положений. Согласно К. Попперу, эмпирическое основание принятия или непринятия теорий правильно работает не в попыт-

ках подтвердить теорию – подтвердить можно какую угодно теорию, а в настойчивых попытках ее опровергнуть («фальсифицировать»): неудача эмпирического опровержения теории будет говорить в ее пользу гораздо сильнее, чем ее услужливое эмпирическое подтверждение. Тем самым К. Поппер характеризует научное мышление как мышление именно теоретическое, хотя и опирающееся на эмпирию, но не нуждающееся в такой опоре критически: если теория легко опровергается эмпирически, то это означает лишь ее непродуманность. Он прямо пишет, что наука – это высказывание «смелых предположений» [25; 26]. То есть гипотезы, по К. Попперу, не должны сковываться предварительно и скрупулезно выстроенным эмпирическим основанием – исследователи используют эмпирическое знание творчески, в координатах теоретического мышления, как подсказки, включающие исследовательские интуицию и воображение. В исследовательской практике эмпирическое знание используется примерно так, как использовал его Шерлок Холмс в рамках знаменитого своего дедуктивного метода: (1) отдельные факты наводят на некую гипотезу, из которой дедуцируются ожидаемые факты; (2) если ожидания не подтверждаются, гипотеза корректируется; (3) циклы такой корректировки повторяются до тех пор, пока дедуцируемая из гипотезы эмпирическая реальность не подтвердится, что и будет означать переход гипотезы в разряд достоверного знания.

К. Поппер дает понять, что в отличие от массового человека с его дефицитом теоретического мышления, у человека науки (подобно Шерлоку Холмсу) эмпирическое мышление подчинено теоретическому мышлению, работает внутри теоретического мышления, направляется им. Неслучайно К. Поппер совершил переход от философии науки к философии общества, написав книгу «Открытое общество и его враги» [5]. В его модели науки как средоточия высокоразвитого теоретического мышления легко читается модель общества, развитие которого обеспечивается не массовым человеком с его естественным конформизмом (равнодушием к общественному развитию), а нонконформистскими людьми с высокоразвитым теоретическим мышлением (необязательно людьми науки), органически выбирающими демократическое общественное устройство («открытое общество»). Тем самым ставится знак равенства между благополучием общества и высоким социальным

авторитетом науки: общество, в котором наука выпадает из реестра верховных социальных ценностей, и высокоразвитое теоретическое мышление не востребуется, маргинализируется, что провоцирует утечку умов, лишено перспектив развития и обречено на застой и деградацию.

Общество XXI в., выстраиваемое технологиями глобальной человеческой / социальной коммуникации, органически предусматривает беспрецедентную открытость, поскольку в нем и массовое сознание, и высокоразвитое теоретическое мышление получают равные возможности проявить себя. Конечно, многое зависит от управляющей структуры данного конкретного общества. Если интеллектуальный уровень управления не выше и, хуже того, ниже уровня массового сознания, то не исключено абсурдное противостояние коммуникационной революции XXI в. Абсурд в том, что противостоять приходится технологической революции, которую нельзя отменить. Например, нельзя отменить даже такую катастрофически опасную технологию, как ядерное оружие. Что же касается мирных технологий, то попытка пойти по лестнице технологического развития вниз (скажем, вернуться от автомобильной технологии к технологии конной тяги) равносильна попытке повернуть время вспять в логике возврата от цивилизации к варварству и дикости. В самом деле, философия науки К. Поппера, возвысившая теоретическое мышление над мышлением эмпирическим, выступила предвестником глобального открытого общества XXI в., в котором востребованное революционными технологиями человеческой / социальной коммуникации высокоразвитое теоретическое мышление установило для массового человека с его слабо индивидуализированным эмпирическим мышлением планку интеллекта, науки. Это глобальное открытое общество, которое называют также «глобальным гражданским обществом» [9; 14; 15], имея в виду его беспрецедентно высокий уровень самоорганизации, возникло не на политической, а на сугубо технологической основе, и поэтому его невозможно «закрыть» – «закрывающая» сторона, вынужденная самой логикой такой попытки абсурдно выступать против научного-технологического-цивилизационного развития как такового, обречена на поражение. В глобальном открытом обществе XXI в., где наука получает статус одной из верховных социальных ценностей, массовое сознание при всей свобо-

де его самовыражения вынуждено сверяться с планкой социально почитаемого высокоразвитого теоретического мышления и не имеет возможности угрожать обществу охлократией, как это было в XX столетии – «веке толп». Таким образом, философия науки К. Поппера, в которой эмпирическому мышлению отведена подсобная роль – обслуживания теоретического мышления, представляет прямой переход к философии и, в XXI в., уже к реальности открытого общества, где массовый человек (олицетворение эмпирического мышления) вынужден вести себя с оглядкой на ценность науки (теоретического мышления).

Не только К. Поппер, но и вся постпозитивистская философия науки зафиксировала в базовом механизме научного развития – взаимодействии эмпирического и теоретического уровней познания – приоритет теоретического мышления над мышлением эмпирическим. Таковы философско-научные концепции Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда, М. Поланьи, Л. Лаудана, где, совсем как в Евангелии от Иоанна, «вначале было слово» – идеи, понятия, принципы, а уже потом «дело» – провозглашенная теоретически («словом») эмпирическая реальность, которая становилась осязаемой, превращалась, в терминологии И. Канта, из вещи-в-себе в вещь-для-нас только через теоретическое о себе понятие. Ярко и оригинально этот переход в философии науки от позитивизма к постпозитивизму описал Р. Нола, предоставив персонажам шекспировского «Гамлета» дискутировать от имени позитивистской концепции научного реализма (Гамлет) и постпозитивистской доктрины социального конструктивизма (Полоний). Гамлет – научный реалист говорит Полонию – социальному конструктивисту: вы, социальные конструктивисты, хотите сказать, что теории о так называемом «ненаблюдаемом», к примеру, об электронах, генах, положительных зарядах, инерциальных массах, пространственно-временной кривизне и так далее, не отражают ничего объективного в мире и являются исключительно ментальными конструктами? На что Полоний отвечает: мы интересуемся не тем пустым вопросом, детерминированы или нет объекты науки внешним миром, природой, а тем, как эти объекты дифференцируются, классифицируются, с чем конкретно соотносятся и как представлены в наших теориях, короче, как они конструируются в науке. Вы же предлагаете нам именно фиговый листок реализма, ссылаясь на

некое независимое от мышления бытие в духе неопределенной, непознаваемой кантовской вещи-в-себе или совершенно пустого понятия о «материальном составе» мира. Мы все с этим согласны. Однако мы не кантианцы, а именно неокантианцы, поскольку идем дальше Канта, признавая не только вещь-в-себе, но и возможность ее конструирования, т.е. определения, классификации и так далее. И первый же шаг на этом пути неминуемо превращает нас в конструктивистов в полном смысле слова, поскольку уже само предположение, что внешний мир имеет какие-то характеристики, немедленно подчиняет ваш независимый от мышления мир определенной теории. Я говорю только о том, что вы сами сначала населяете мир понятиями «электроны», «гены» и тому подобными, а уже потом начинаете считать их большей или меньшей достоверностью. Ведь именно такова логика познания. Почему же вам нужно вопреки ей объявлять вещь-в-себе до всякого ее определения заведомой достоверностью? По-моему, вы берете на себя функцию Бога. Мы же хотим быть просто людьми и отдавать себе отчет в том, что достоверность, не выдавая ее за некий абсолют, мы по своим слабым силам конструируем сами. Мы не отказываемся от электронных теорий и потому считаем электроны достоверностью, но отвергли флогистонную теорию, и это – основание недостоверности флогистона [24].

Нельзя не заметить: «Полоний» пытается разъяснить «Гамлету», что защищаемая научными реалистами позиция об объективном существовании мира до всякого его познания носит мировоззренческий, философский характер; с этой позицией никто не спорит, но она не дает никакого старта для научно-исследовательской работы. «Полоний» дает понять: научные реалисты – не методологи науки, а философы; не те, кто описывает научное развитие, обязанное инновационному потенциалу теоретического мышления, а те, кто отгораживается от теоретического (научного) мышления мировоззренческими сентенциями, относящимися к разряду мнений. К мнению же, в отличие от знания, требующего значительных мыслительных усилий, обычно просто присоединяются или не присоединяются, что и практикует массовый человек, бездумно пользуясь пропагандируемыми в обществе идеями, какими бы нелепыми они ни были. Тем самым «Гамлет» в споре с «Полонием» оказывается на стороне массового сознания, а не тео-

ретического мышления – на стороне «здравого смысла», а не научного подхода. И весь этот спор – свидетельство того, что философия науки прошла достаточный исторический путь для своей трансформации в методологию науки – из философствования о том, что такое наука, в описание того, как исследователи делают свою работу. Замещение философского вопроса «что» методологическим вопросом «как» снимает проблему взаимодействия эмпирического и теоретического уровней научного мышления, поскольку методологические модели науки, в отличие от философских моделей, реконструируют практику реальных исследователей, которые не задумываются о том, что такое наука и как взаимосвязаны эмпирический и теоретический уровни мышления, а просто решают конкретные исследовательские задачи. Так, в методологических моделях научного развития понятие научной истины становится относительным, историческим, договорным. У К. Поппера это понятие соотносится с условно принятыми, на данный момент сопротивляющимися своему опровержению теориями, у Т. Куна – с историческими парадигмами [2], у И. Лакатоса – с научно-исследовательскими программами [17; 18], у Л. Лаудана – с решениями исторически назревших проблем [19; 20; 21; 22], у П. Фейерабенда – с постмодернистской рамкой безудержного теоретического плюрализма, у М. Поланьи – с характеризующим теоретическое мышление понятием «неявное знание». Вспомним, что понятие истины в науке имеет смысл объективной, иными словами, эмпирически (независимо от любой человеческой субъективности) доказанной истины. И явное понижение статуса этого понятия у перечисленных авторитетных мыслителей XX в. говорит о переносе их интереса с эмпирического основания производства научного знания на теоретическое мышление производителей знания, что и знаменовало трансформацию во многом спекулятивной философии науки во вполне прикладную методологию науки.

С тех пор, как индустриальное общество перешло в стадию постиндустриального развития, когда в социологии устоялись понятия информационного общества, экономики знаний и высоких технологий, общества знаний, управления знанием, когда возник сильный общественный спрос на интеллектуальные профессии, потерял актуальность основной вопрос философии науки: что та-

кое наука в социальном смысле? С появлением постиндустриальной общественной парадигмы стало ясно, что в такой парадигме наука, интеллект, высокоразвитое теоретическое мышление – ключевые, абсолютно необходимые сущности, и с этой ясностью ушло время философии науки и наступило время методологии науки, время прикладного вопроса, как наука делается. Вопрос актуален, поскольку он – о том, как науку, высокоразвитое теоретическое мышление наилучшим образом адаптировать к задачам постиндустриального развития. Такая адаптация необходима для построения экономики (и в целом общества) знаний, для перехода управления с архаики управления людьми или, в более современной вариации, социальными проблемами на управление знанием. Согласно видному теоретику в области управления П. Дракеру (Drucker), которому и принадлежит авторство понятия «управление знанием», компьютерные технологии коммуникации и управления, беспрецедентно ускорившие социальную динамику, соответственно подняли и вес процесса накапливания знаний как фундаментального обеспечения социальной динамики. Это и потребовало от управления трансформироваться из традиционного «управления людьми» в «управление знанием» в смысле управления общественным процессом накапливания знаний [10; 11]. В отношении же экономики знаний исследователи выявляют следующие ее основные структурные элементы: (1) интеллектуальный (знаниевый) капитал, который в паритете с материальным капиталом капитализирует развитые экономики; (2) интеллектуальные (инновационные) компании, составляющие ведущий сектор экономик, структурно настроенных на инновационное развитие; (3) интеллектуальная занятость – новое экономическое явление, вызванное экономикой знаний, которая потребовала пересмотра сложившейся в индустриальном обществе структуры труда; (4) стоимость, созданная знанием – феномен стоимости, неизвестный до появления экономики знаний; (5) инвестиции в человеческий капитал, т.е. в общественный процесс накапливания знаний: в людей, которые непосредственно придают экономике качество экономики знаний – создают интеллектуальный капитал, интеллектуальные компании, интеллектуальную занятость [12; 28]. Общественный процесс накапливания знаний является на протяжении всей социальной истории фундаментальным фактором

общественного развития. Однако только в индустриальном обществе знания стали институциональным – в виде института науки – фактором социально-экономического развития. И только в обществе, в котором стала актуальной тема интеллектуальных профессий и менеджмента знаний, экономика уже не просто имела спрос на новые идеи и технологии, но сама трансформировалась в экономику знаний, сама оказалась производителем знаний, интеллектуальной профессией.

Жизнедеятельность человека – существа, наделенного интеллектом, – всегда интеллектуальна. Человеческие умения – всегда знания. В ранних общественных парадигмах, когда давление знаний на общество было еще слабым, отсутствовал и общественный спрос на них. В таких условиях не мог появиться институт науки. Он мог появиться только при общественном спросе на знания, что и произошло на пороге перехода к индустриальной парадигме. Однако в индустриальном обществе отсутствовал специальный спрос на интеллектуальные профессии, менеджмент знаний – было достаточно уже того, что образовался институт науки, институционально поставлявший обществу новые идеи и технологии и, тем самым, «выпустивший пар» общественного спроса на них. Дальнейший технологический прогресс, и именно прогресс коммуникационных технологий, приведший к компьютерным технологиям коммуникации, обусловил рост в мировом обществе индивидуальной активности, конкуренции и тем самым вызвал общественный спрос на знания как обеспечение именно индивидуальной конкурентоспособности, т.е. спрос не «вообще», а весьма заинтересованный и конкретный. В этих условиях индивидуальной заинтересованности в знаниях и возник общественный спрос на интеллектуальные профессии и менеджмент знаний. Знания стали «давить» уже не только на общество, но и на индивида. Нарастающее давление знаний на общество со времени появления индустриального общества по настоящее время перехода индустриальной общественной парадигмы в постиндустриальную парадигму потребовало от науки прямой социально-преобразовательной функции, делающей науку субъектом социального управления, причем фундаментальным субъектом [23]. Показательно, что философия науки в лице К. Поппера пришла к пониманию, что в науке «объективная истина» – это условная категория,

выполняющая роль, скорее, «горизонта» дальнейшего поиска, мотиватора дальнейшего движения. Это и есть понимание науки как развития ради развития, как цели для самой себя, а не как средства для каких-либо других целей. Это и есть понимание человека и общества как развития ради развития.

Реально наука всегда была адекватна цельному человеку в его родовом стремлении развивать свои знания и так развиваться самому и развивать общество. Этот родовой для человека рационализм – научный рационализм, включающий в себя все пространство человеческой культуры, – вмещает все исторические смены «картин мира», все «кризисы» на стыках этих «картин». Притом, что «кризисы» рациональности (научной рациональности) вовсе не заслуживают этого своего определения. Напротив, исторические «кризисы» рациональности знаменуют скачки развития человека и общества через совершенствование человеком самого инструмента познания. Поэтому научная рациональность – фундаментальное содержание человеческой культуры, дефицит которого непосредственно сказывается на качестве общества. Общество с дефицитом науки плохо развивается, в нем неизбежно происходит подмена ориентиров, деградация. Так гибли целые цивилизации и, наоборот, возрождались, когда науке давали возможность расширить свое присутствие в обществе, которое сразу демонстрировало развитие [27; 29].

Освобождение человеческой / социальной коммуникации, обязанное компьютерным коммуникационным технологиям, имеет, конечно, и минусы, и плюсы. Минусы – в заметной «дезорганизации» социального пространства, снижении его управляемости. Плюсы – в росте субъектности, самоорганизации общества, определенной утрате им характера «массового» общества, что способствует появлению у индивида сознания своей причастности человеческому роду, а не только группе, организации, своему этносу и так далее. Именно осознание индивидом своей родовой сущности и открывает ему лично и, через статистически значимое число таких индивидов, обществу путь к развитию. Так и возникают хорошие условия для роста присутствия в обществе противоположного массовому человеку индивидуализированного сознания.

Формирование постиндустриальной общественной парадигмы требует нового понимания науки как социальной подсистемы.

Это новое понимание обязано исходить из того, что социальная миссия науки состоит в сообщении обществу устойчивого импульса к инновационному развитию, поскольку сама наука есть инновационное развитие. При несомненной автономии научно-исследовательской и технологической сфер относительно друг друга, обе составляют единство «современной науки». На практике крайне сложно провести границу между научным знанием, преследующим цель объяснения и понимания природы, и знанием технологическим, ориентированным на проверку природы артефактами. Как будто бы ясно: физика – наука, а производство дизельных двигателей – область технологий. Но как быть, например, с термодинамикой, являющей все оттенки перехода от чисто практических интересов до высоких теоретических абстракций, или, допустим, с аэродинамикой, физикой полупроводников, медициной? [16]. То обстоятельство, что технологическая составляющая сложного социального феномена современной науки относительно автономна, стремится укрепиться в обществе в качестве самостоятельной науки, очень символично. Технологический прогресс в составе научного развития, непосредственно обеспечивающий инновационную тенденцию в обществе, указывает и в целом на науку в качестве прямого фактора поддержания в общественной системе инновационного импульса, т.е. самого качества общественной системы, каким и является развитие.

Если базовым механизмом функционирования общественной системы выступает общественный фонд накапливания знаний, то и функционирование социального управления как необходимой структурной части общественной системы обязано механизму накапливания знаний. То есть, управленческая структура общества по самой своей природе обязана быть управлением, основанном на науке, знаниях – не управленцы должны «руководить» знаниями, а знания – управленцами. Это важный просветительский вывод, поскольку официальное управление обычно заблуждается относительно своих взаимоотношений с институтом знаний (науки), приучая и социальный институт науки к ментальности и поведению не эксперта, но государственного служащего, бюджетного работника, находящегося на службе у официального управления. Между тем институт знаний, перестающий выполнять свою экспертную миссию, попросту разлаживает фундаментальный механизм функцио-

нирования общества, и оно, не замечая того, оказывается во власти ошибочного (устанавливаемого официальным управлением) социального регламента. Проблему высветил Ф. Хайек, который в интервью 1982 г. сотрудникам Института Катона (Cato Institute) на вопрос о взаимоотношениях ученого с государственным управлением сказал: «Надо выбирать одно из двух: либо быть ученым, либо консультантом на службе государства. Я много раз переезжал из страны в страну, и мое внимание привлек тот факт, что я начинал собираться в путь каждый раз, как только у государства появлялись на меня виды. В Австрии в конце 1920-х или начале 1930-х годов меня в первый раз пригласили войти в состав какого-то правительственного комитета. Через полгода я покинул страну. В Англии я продержался немного дольше. Через 19 лет я был привлечен к работе Министерства колоний и спустя полгода уехал и оттуда. В Соединенных Штатах, в Чикаго, где я проработал 12 лет, до этого вообще не дошло, потому что, когда мне предложили вступить в состав какого-то комитета, я уже принял решение уехать из этой страны. Кочуя по миру, я избежал разлагающего влияния государственной службы. Печально другое – некоторые мои близкие друзья и сторонники (имен называть не буду), полностью поддерживавшие мои взгляды, после нескольких лет государственной службы деградировали интеллектуально и утратили ясность мышления. Наверное, всем известна история об “одностороннем экономисте”. Глава одной крупной американской корпорации разместил в газете объявление о том, что ему требуется односторонний экономист. Его помощники страшно удивились и попросили объяснить, что это значит. Он ответил: «Мне нужен экономист, который не будет постоянно твердить “с одной стороны, с другой стороны”. Боюсь, что все люди, попавшие на государственную службу, превращаются в “двусторонних экономистов”: они начинают мыслить по принципу “с одной стороны, с другой стороны”. Если человек держится от государственной службы подальше, он остается “односторонним экономистом”, считающим, что есть четкий путь, которому мы должны следовать, но эта убежденность куда-то испаряется, когда он начинает работать на государство. Все мои друзья, которые перешли на государственную службу и оставались на ней хоть сколько-нибудь долго, на мой взгляд, интеллектуально деградировали» [13].

Ф. Хайек в этом интервью высказывает довольно радикальную, но в принципе верную мысль: государственная служба – это среда, которая ментально закрыта для науки, а наука ментально закрыта для государственной службы. Разумеется, такая взаимная закрытость, как и все в обществе, существует в статистическом смысле – в целом, но не для отдельных людей. Действительно, в целом статистически государственная служба построена на отношениях подчинения, исполнительства; это среда, организованная иерархически, вертикально, где не приветствуются «низовые» инициатива, воображение, характерные для научного (высокоразвитого теоретического) мышления. Иными словами, государственная служба – среда, органичная ментальности массового человека с его несамостоятельным, слабо индивидуализированным сознанием. Нормальное общество устроено так, что все его институты, в том числе институт государственной службы и институт науки, не поглощают, а уравновешивают друг друга, работают в единой системе общественного развития, в которой находится плодотворное место и массовому сознанию (в той же госслужбе), и высокоразвитому теоретическому мышлению (в той же науке).

Список литературы

Боулдинг К. Общая теория систем // Исследования по общей теории систем. – Москва : Прогресс, 1969. – С. 117–119.

Кун Т. Структура научных революций. – 2-е изд. – Москва: Прогресс, 1977. – 300 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – 2-е изд. – Т. 3. – Москва : Гос. Изд-во политической литературы, 1955. – 650 с.

Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / пер. с франц. Т.П. Емельяновой. – Москва : Центр психологии и психотерапии, 1996. – 478 с.

Поппер К. Открытое общество и его враги : пер. с англ. / под ред. В.Н. Садовского. – Москва, 1992. – Т. 1–2.

Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление // Социологические исследования. – Москва, 2003. – № 2 (226). – С. 104–115.

Шахермайр Ф. Александр Македонский / пер. с нем. М.Н. Ботвинника, Б. Функа. – Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – 384 с.

Шолохов М.А. Поднятая целина : роман / послесловие И.А. Бондаренко. – Ростов : Ростовское книжное издательство, 1981. – 560 с.

Baber Z. A name for a stray dog – global civil society // International sociology : Journal of the international sociological association. – London, 2008. – Vol. 23, N 2. – P. 237–245.

Drucker P. Post-capitalist society. – Oxford : Butterworth Heinemann, 1993. – 204 p.

Drucker P. The new realities. – Oxford : Harper&Row, 1989. – 292 p.

Edvinsson L., Malone M. Intellectual capital. Realizing your company's true value by finding its hidden roots. – New York : Harper business a. Division of Harper publishers, 1997. – 240 p.

Interview with F.A. Hayek, Cato Policy Report, February 1983 // Toward Liberty / Ed. By David Boaz. – Cato Institute, 2002. – P. 17–26.

Kaldor M. Global civil society: An answer to war. – Cambridge : Polity press, 2003. – 200 p.

Keane J. Global civil society? – Cambridge : Cambridge university press, 2003. – 234 p.

Kroes P. Methodology of the technological sciences: Introduction // Methodology a. science. – Haarlem, 1987. – Vol. 20, N 3. – P. 1–7.

Lakatos I. Falsification and the methodology of scientific research programmes // Criticism and the grows of knowledge. – Cambridge, 1970. – P. 91–195.

Lakatos I. History of science and its rational reconstructions // Boston studies in the philosophy of science. – Dordrecht, 1970. – Vol. 8. – P. 91–136.

Laudan L. Progress and its problems. – Berkeley, etc, 1977. – 257 p.

Laudan L. Realism without the real // Philosophy of science. – East Lancing, 1984. – Vol. 51, N 1. – P. 156–162.

Laudan L. Theories of scientific method from Platoto Mach: A bibliographic review // History of science. – Chalfont St. Giles, 1968. – Vol. 7, N 1. – P. 1–63.

Musgrave A. Problems with progress // Synthese. – Dordrecht, 1979. – Vol. 42, N 3. – P. 458–459.

Nasser M. Science-technology-society (STS): A new paradigm in science education // Bulletin of science, technology&society. – 2009. – Vol. 29, N 4. – P. 287–297. DOI: 10.1177/0270467609336307

Nola R. There are more things in heaven and earth, Horatio, than are dreamed of in your philosophy : A dialogue on real is mand constructivism // Stud. hist. phil. sci. – New York, 1994. – Vol. 25, N 5. – P. 689–727.

Popper K.R. Conjectures and refutations: The growth of scientific knowledge. – London : Routledge a. Paul, 1972. – 431 p.

Popper K.R. Objective knowledge : An evolutionary approach. – Oxford, 1972. – 380 p.

Sabra A. The appropriation and subsequent naturalization of Greek science in medieval Islam : A preliminary statement // History of science. – Chalfont St. dies, 1987. – Vol. 25, N 69. – P. 223–243.

Sakaiya T. The knowledge-value revolution, or a history of the future. – New York : Kodansha America Ltd., 1991. – 379 p.

Saliba G. The role of Maragna in the Renaissance // Rev. desynthese. – Paris, 1987. – T. 108. – N 3/4. – P. 361–373.

УДК 174.7, 140.8 DOI 10.31249/scis/2023.03.02

Белялетдинов Р.Р.[*] [2]

КОНЦЕПЦИЯ САМОДЕТЕРМИНАЦИИ И ПРОБЛЕМА СМЫСЛОПОЛАГАНИЯ В ИНФОРМИРОВАННОМ СОГЛАСИИ

Belyaletdinov R.R.

THE CONCEPT OF SELF-DETERMINATION AND THE PROBLEM OF SENSE-MAKING IN INFORMED CONSENT

Аннотация. До середины 1950-х годов только врач в полном смысле понимал, что есть благо, и отводил пациенту роль статиста – соглашателя с медицинской истиной. Десятилетие спустя в биоэтике, в связи с появлением информированного согласия, почти как в Средние века рождается дуализм двух истин – врачебной и пациентской. Переход от самодетерминации к концепции информированного согласия происходил через осмысление соотнесенности блага, которое представлял врач, и права на знание и артикуляцию этого знания со стороны пациента в соответствии с его представлениями. Смыслополагание, и не только пациента, но всякого, кто сталкивается с биомедицинскими траекториями в собственной жизни, осуществляемое в формате информированного согласия, становится не менее значимым, чем само объективное благо здоровья или процветание общества. Между тем большинство актов

[*] [2] *Белялетдинов Роман Рифатович* – кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики Института философии Российской академии наук, Москва, Россия, e-mail: roman_rb@iph.ras.ru, ORCID: 0000–0003–1420–0022

Belyaletdinov Roman R. – Candidate of Philosophy, Senior Research Fellow, Sector of Humanitarian Expertise and Bioethics, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation, e-mail: roman_rb@iph.ras.ru, ORCID: 0000–0003–1420–0022

информированного согласия de facto все также является фактами самодетерминации, поскольку носят формальный характер. Кроме того, достаточно часто научное сообщество рассматривает смыслополагание информированного согласия как фиктивную бюрократическую практику. Тем не менее философская критика единого представления о благе являет собой и критику идеи неинформированной самодетерминации, и в настоящей статье приводятся некоторые аргументы о невозможности полной трансляции знания, вариативности ценностного реализма, ограниченности философского концептуального универсализма. В исследовании анализируются кейсы, раскрывающие проблему информированного согласия, и рассматривается проблема объективного понимания блага в современной философии с опорой на идеи Ю. Хабермаса, Ч. Тейлора, А. Бьюкенена. В статье обосновывается тезис о том, что значение концепции информированного согласия, противопоставленной идее самодетерминации, подкрепляется в современной философии исчерпанностью концепции универсального блага.

Ключевые слова: информированное согласие; самодетерминация; ценностный реализм; автономия; благо.

Abstract. Until the mid-1950 s, only the doctor fully understood what is good, and assigned the patient the role of an extra-contractor with medical truth. A decade later, in bioethics, in connection with the emergence of informed consent, almost like in the Middle Ages, a dualism of two truths is born – medical and patient. The transition from self-determination to the concept of informed consent occurred through understanding the correlation of the good that the doctor represented, and the patient's right to know and articulate this knowledge in accordance with his ideas. Sense-making, and not only for the patient, but for anyone who is faced with biomedical trajectories in their own lives, carried out in the format of informed consent, becomes no less significant than the objective good of health or the prosperity of society.

Meanwhile, most acts of informed consent de facto are still facts of self-determination, since they are of a formal nature. In addition, quite often the scientific community considers the sense-making of informed consent as a fictitious bureaucratic practice. Nevertheless, the philosophical criticism of a single concept of the good is also a criti-

cism of the idea of uninformed self-determination, and this article presents some arguments about the impossibility of a complete translation of knowledge, the variability of value realism, and the limitations of philosophical conceptual universalism. The study analyzes cases that reveal the problem of informed consent and considers the problem of an objective understanding of the good in modern philosophy based on the ideas of J. Habermas, Ch. Taylor, A. Buchanan. The article substantiates the thesis that the value of informed consent, as opposed to the idea of self-determination, is reinforced in modern philosophy by the exhaustion of the concept of the universal good.

Keywords: informed consent; self-determination; value realism; autonomy; good.

Введение

Б.Г. Юдин как философ, занимавшийся проблемами биоэтики, довольно часто затрагивал проблему достоинства человека в связи с развитием медицинских технологий, в частности, и в целом – в связи с взаимодействием биомедицинских наук и общества. Озвученный Б.Г. Юдиным тезис о том, что «у человека было ядро… но и оно “поплыло”» [Юдин, 2018], лишь во вторую очередь указывает на риски биомедицинских технологий (хотя может показаться, что в первую), а в первую очередь фокусирует внимание на структуре взаимодействия общества и биомедицинской науки, а если еще точнее – на эволюции представления о благе. Благо, как выясняется, нельзя рассматривать как константу, поскольку оно так или иначе попадает в поле артикуляции и подвергается множественному осмыслению, причем врач здесь выступает лишь как транслятор информации о перспективах и характере медицинской процедуры, в то время как процесс смыслополагания не входит в его компетенцию.

Если говорить о традиции, вплоть до середины 1950-х годов лишь врач в полном смысле понимал, что есть благо, и отводил пациенту роль статиста – соглашателя (получал от него согласие) с медицинской истиной, а позже в биоэтике, в связи с появлением информированного согласия, почти как в Средние века рождается равенство двух истин – врачебной и пациентской. И что более важно, эта вторая, пациентская, истина, разрушает условное «яд-

ро» бенефициарной модели. Создается такое впечатление, что ядро «плывет», т.е. бенефициарная модель блага начинает уступать место аргументам, казалось бы, противоречащим объективным медицинским представлениям о задаче врача восстанавливать здоровье пациента. Иными словами, смыслополагание, и не только пациента, но всякого, кто сталкивается с биомедицинскими траекториями в собственной жизни – будь то результаты генетического тестирования или особенности биологической идентичности, становится не менее значимым, чем объективное благо, представленное в понятии «здоровье».

Самодетерминация, т.е. способность пациента дать согласие или несогласие на процедуру медицинского вмешательства, достаточно долго, как минимум на протяжении всего XIX в., была обсуждаема, но не находила детальной практической реализации в медицинской этике. «Сообщение правды» пациенту было необходимо лишь для его самодетерминации в помощь врачу, чтобы подтолкнуть пациента делать то, что считает необходимым врач. «Сообщение деталей пациенту в медицине служило лишь для того, чтобы пациент “согласился” прежде всего на то, что было необходимо в первую очередь врачу» [Faden, Beauchamp, 1986, p. 58, 69]. Таким образом, до определенного времени, середины 1950-х годов XX в., модель отношений пациента и врача можно было бы назвать «историей тишины» [Faden, Beauchamp, 1986, p. 58], в которой, однако, были и посвящения пациента в детали, и согласие, но не были подробно очерчены границы врачебной и пациентской версий блага. Они были необходимы для самодетерминации, но не предполагали автономии, которая, опираясь на информирование, могла бы каким-либо образом конкурировать с бенефициарной интенцией врача.

Возникновение информированного согласия из концепции самодетерминации

Согласно формулировке судьи Б. Кардозо (1914), право на самодетерминацию определяется следующим образом (эта формулировка часто встречается в литературе): «Всякий человек, будучи совершеннолетним и дееспособным, имеет право решать, что произойдет с его собственным телом. И хирург, осуществляющий

операцию без согласия пациента, совершает акт насилия, за который он несет ответственность за причинение вреда» [Faden, Beauchamp, 1986, p. 123]. Согласие / несогласие при этом ограничено с точки зрения осмысления и, что более важно, в отношении артикуляции, обдумывания, информации. Включение смысла через информирование становится принципиальным изменением идеи самодетерминации в медицине. На практике это событие происходит в юридических кейсах, решения по которым производились в судах американской юрисдикции в 1950–1970 годах XX в. Одной из основных проблем информированного согласия была идентификация действий врача, который, по мнению пациента, недостаточно точно раскрывал смысл медицинской процедуры пациенту: считать ли действия врача насилием по отношению к пациенту (battery case), небрежностью (negligence) или признать сосуществование двух верных представлений – достоверной информации, идущей от врача, и собственной интерпретации пациента.

Термин «информированное согласие» возникает в 1957 г. в рамках иска М. Сальго к Стэнфордскому университету в связи с тем, что он как пациент не был предупрежден должным образом о рисках транслюмбальной аортографии[1[3]]. В результате неудачного проведения медицинской процедуры он оказался парализован. Согласно решению судьи, врач был обязан раскрыть «любые факты, необходимые для формирования обоснованного интеллектуального согласия со стороны пациента в отношении предложенного лечения» [Faden, Beauchamp, 1986, p. 125]. Суд обратил особое внимание не на тот факт, что согласие было дано, а на то, что согласие должно было быть дано на основании раскрытия информации – последствий, возможного вреда, пользы от вмешательства, рисков, альтернатив, которые могли бы заменить предлагаемую процедуру. Опираясь на предыдущие судебные решения, судья принял во внимание два важных аспекта медицинской практики – необходимость согласия со стороны пациента на проведение процедуры и расширенная интерпретация автономии как права не только на самодетерминацию, но и на получение достоверной развернутой ин-

[1[3]] Рентгенологическое исследование аорты и ее ветвей после введения в ее просвет контрастного вещества.

формации. Только на ее основании данное согласие можно считать информированным. При этом две версии, интерпретирующие медицинское вмешательство, – неавторизованное лечение и небрежность – фактически получили равную интерпретацию в рамках рассмотрения этого случая, что было связано прежде всего с осознанием сложности того, какой риск следует акцентировать и сообщить о нем пациенту, чтобы он принял информированное решение [Faden, Beauchamp, 1986, p. 129]. «Усмотрение врача» [Faden, Beauchamp, 1986, p. 129] было определено как устанавливаемый врачом баланс выбора информации, имеющей преимущество для раскрытия ее пациенту. Тем не менее проблема различения неавторизованного вмешательства и небрежности в данном кейсе остается недостаточно определенной.

Концепция неосторожности (negligence) стала альтернативной интерпретацией недостаточного информирования пациента в кейсе «Натансон против Клайна» (1960). Пациентка подала иск против своего лечащего врача в связи с тем, что он не информировал ее должным образом, получая информированное согласие на проведение лечения радиоактивным кобальтом. Пациентка получила радиоактивные ожоги и обвинила лечащего врача в том, что он не предупредил ее о рисках, связанных с лечением, лишив ее тем самым возможности отказаться от медицинской процедуры.

В рамках этого дела был сделан вывод, что согласие пациента [Faden, Beauchamp, 1986, p. 131] не защищает врача от обвинения в неосторожности. Вместе с тем на пациента легло бремя доказательства того, что, если бы он знал о возможном вреде, он бы отказался от медицинской процедуры.

Таким образом, теория неосторожности стала одной из версий теории неавторизованного вмешательства в тело пациента (battery theory). На протяжении 1970-х годов дела об информированном согласии рассматривались в рамках двух подходов – как неавторизованное обращение с телом пациента (battery case) и как неполное информирование пациента, которое приводило к неосторожным действиям с его стороны (negligence case), и за эти действия врач нес ответственность. Между тем интерпретация информированного согласия с точки зрения концепции неосторожности позволила более точно понимать границы должного раскрытия информации.

«Кентербери против Спенса» (Canterbury v. Spence, 1972) – кейс, в котором было сформулировано не просто право пациента на самодетерминацию, а отказ от «профессионального стандарта», согласно которому врач определяет, что нужно знать пациенту и что ему знать не требуется.

Джерри Уотсон Кентербери обратился к врачу с проблемами, связанными с позвоночником, и в рамках лечения ему была сделана ламинектомия – хирургическая процедура по удалению части позвоночной кости. Согласно правилам, врач предупредил пациента о возможных рисках, однако умолчал об однопроцентной вероятности паралича. И так случилось, что этот риск реализовался (пациент упал с кровати, и его парализовало), что и стало причиной подачи иска к врачу за недолжное информирование о рисках медицинской процедуры.

Суд пришел к выводу, что «самодетерминация – единственное оправдание и цель информированного согласия и что потребности пациента в информации, а не врачебная практика, должны формировать основание к адекватному стандартному раскрытию информации [Faden, Beauchamp, 1986, p. 133–138]. Иными словами, определение рисков и пользы, касающихся пациента, нельзя измерять с помощью профессионального врачебного стандарта, поскольку оно по своей сущности не входит в профессиональную задачу врача.

Это судебное решение изменило представление об исключительности бенефициарной интенции врача и предоставило возможность пациенту определять траекторию действия самостоятельно. Если обратиться к современным кейсам, то они активно продолжают деконструировать «бенефициарное» ядро медицины за счет субъектной позиции пациентов.

Таким образом, переход от самодетерминации к концепции информированного согласия происходил через осмысление взаимодействия блага, которое представлял врач, и права на знание и артикуляцию этого знания со стороны пациента в соответствии с его представлениями. Если первоначально недостаточное информирование рассматривалось как факт несанкционированного прикосновения, а затем – как факт некачественного информирования, то некоторым финалом эволюции этого представления становится идея двух истин – истины врача, предоставляющего информацию,

и пациента, который ее интерпретирует, при условии его дееспособности, т.е. нормального физического и умственного состояния.

Осознание важности артикуляции информации пациентом впоследствии становится стандартом информированного согласия как формы взаимодействия врача и пациента. В современной медицинской практике информированное согласие оказывается более значимым источником легитимности, чем фундаментальные ценностные установки врача – защита жизни и здоровья пациента. Признание приоритета автономии как источника блага фактически отрицает приоритет физического блага и концепцию редукции любого биологического процесса к физическому. Отказ от блага, понимаемого как набор медицинских фактов и рекомендаций, и обращение к осознанной воле пациента порождают действия, которые иногда могут выглядеть контринтуитивно, хотя они строятся на артикуляции пациентом своего собственного интеллекта и эмоционального опыта, на основании которого он и формирует информированное смыслополагание, выражающееся либо в согласии, либо в несогласии на медицинскую помощь.

Тело и пожелание

Таким образом, в биоэтике тело становится не только территорией блага, но и территорией пожелания, артикулированного пациентом на основании множества источников информации – раскрытых данных о рисках и благе со стороны врача, собственных ожиданий, опыта и жизненных целей. Врач уже не может рассматривать тело отдельно от личности пациента и должен считаться с его информированными желаниями, какими бы они ни были, поскольку эти пожелания становятся в рамках информированного согласия правилами.

Примером контринтуитивного пожелания, противоречащего биологическому благу, может служить решение об отложенной эвтаназии. Случай, получивший известность как «кофейная эвтаназия» (Asscher, 2020), стал одним из примеров пограничных по своей легитимности практик уважения персональной автономии. Спорная ситуация возникла в результате приведения в действие уже принятого ранее решения об эвтаназии на основании оформленной юридически прямой директивы эвтаназии (Advanced Eutha-

nasia Directive – AED), направленной на уважение последнего дееспособного автономного решения пациента провести эвтаназию в случае потери дееспособности из-за нейродегенеративного заболевания (болезни Альцгеймера). Пациентка тяжело переживала болезнь своей матери, которая находилась в доме престарелых с диагнозом болезнь Альцгеймера в течение 12 лет, и не желала себе такой же судьбы. Поскольку по прогнозам ожидалось, что у нее разовьется деменция, после консультации с врачом и близкими родственниками она в 2012 г. подписала директиву о проведении эвтаназии в случае, если болезнь будет прогрессировать до потери дееспособности. Так и произошло к 2015 г., когда пациентка потеряла дееспособность. Эвтаназия была проведена на основании данной ею, согласно принципу уважения персональной автономии, директивы уже без согласия пациентки. Поскольку потерявшая дееспособность пациентка теперь не соглашалась на эвтаназию, седативное средство подмешали в утренний кофе, после чего врач ввел необходимую дозу лекарства в то время, как родственник удерживал пациентку (т.е. внешне процедура выглядела как насильственное действие).

Все необходимые согласования с семьей и другими врачами были выполнены, однако сама пациентка не могла быть проинформирована о проведении процедуры эвтаназии, поскольку к этому моменту уже утратила дееспособность. Несмотря на то, что врач, выполнивший эвтаназию, предстал перед несколькими служебными комитетами (которые осудили его действие за неинформирование пациента об осуществлении процедуры эвтаназии) и перед судом, в конечном счете он был оправдан, поскольку все формальные процедуры были выполнены. Уважение автономии, даже высказанное в недостаточно строгой форме AED, было принято судом как источник легитимности и правомерности действий врача [Asscher, 2020, p. 73]. Этот кейс показывает эволюцию, которую прошла медицина от самодетерминации пациента к признанию пожелания, страхов и неприемлемости самим пациентом своего жалкого состояния как директивы для действия. Биологическое состояние уже не является критерием принятия решения со стороны врача, поскольку благо проистекает не из состояния тела, которое может оценить врач, а из личного усилия, результатом которого становится некоторое решение.

Критика объективности биологической природы, предлагаемой как критерий блага, распространяется на многие сферы жизни человека, в том числе и на спорт. Объективный биологический критерий, к которому стараются прибегать спортивные организации, также критикуется с позиции автономии. Один из кейсов связан с противоречием биологических критериев тела и желания спортсмена участвовать в соревнованиях. Согласно масштабному исследованию, женщины, имеющие в крови высокий уровень тестостерона, обладают естественным преимуществом в определенных спортивных дисциплинах – метании молота и прыжках с шестом [Bermon, Garnier, 2017]. Так, средний показатель тестостерона в крови женщин – 0.12–1.79 нмоль/л, в то время как женщины, имеющие дисфункцию сексуального развития (гиперандрогенизм, Disorderof Sex Development, далее DSD), могут иметь содержание тестостерона значительно выше средних показателей. Тестостерон оказывает сильное влияние на развитие мышц [Tudela, 2022, p. 214]. В связи с этим Международная ассоциация легкой атлетики с 1.11.2018 утвердила допустимый уровень тестостерона у спортсменок (именно биологических женщин, а не трансгендерных спортсменов) на уровне 5 нмоль/л. Превышение естественного уровня тестостерона рассматривается как причина для недопуска к соревнованиям [Tudela, 2022, p. 214]. Однако женщины с высоким уровнем тестостерона могут пройти допинговую терапию, понижающую тестостерон, – условие участия в спортивном соревновании. Вместе с тем этот подход вызвал критику, поскольку фактически он логически ставит биологический критерий выше автономного желания победить в спортивном состязании, что противоречит самой идее спорта как честному соревнованию [Tudela, 2022].

Артикуляция как источник смыслополагания

Рассогласованность физического блага и персонального, принадлежащего пациенту, находится в основе информированного согласия. Фактически суды, разбиравшие кейсы о нарушении правил информирования пациента, пришли к выводу, что проблема не в том, что врач злоупотреблял доверием пациента или допустил ошибку, а в том, что пациент и не должен до конца осознавать то,

что предлагается в медицинской процедуре, но может иметь свое представление о ней, проистекающее из его собственного, пусть и не полного, понимания сути медицинской процедуры, нацеленной на его благо. Отказ от простой концепции самодетерминации как трансляции полного содержания процедуры без уточнения деталей и ответа на вопрос «да» / «нет» в пользу уважения информированного согласия можно рассматривать как попытку оттолкнуться от смыслополагания пациента, которое может не полностью совпадать с благом, но придает медицинской процедуре неоспоримую легитимность.

Смыслополагание – термин в значительной степени философский, но он может отражать то, что происходит в жизненном мире, когда сталкиваются два по сути конкурирующих ценностных нарратива – нарратив бенефициарной модели и нарратив пациента, принимающего решение здесь и сейчас относительно своей собственной жизни.

Уважение персональной автономии так или иначе является уважением не субъекта как биологического объекта, а определенного автономного усилия, которое он осуществляет (субъект, не способный проявить такое усилие, недееспособный субъект, защищается согласно принципу «не навреди» в рамках патернализма). Пациентка, подписавшая отложенную директиву эвтаназии, опасаясь развития болезни Альцгеймера, мотивировала свое решение личным опытом ухода за матерью, болевшей этой болезнью на протяжении 12 лет.

Безусловно, коммуникация пациента или участника биомедицинского исследования и врача / исследователя является ключевым условием уважения персональной автономии. Благо выступает регулятивной идеей, которая позволяет врачу сформировать верное понимание медицинской процедуры, рисков и блага через коммуникацию. Однако в основании принятия решения актора лежат персональное представление о благе и множественность форм осмысления жизненного мира. Эта множественность представлений формулируется в философских онтологиях, описывающих реальность и не претендующих на конечную объективность, избегая принуждения и насилия в значимых экзистенциальных событиях, к которым, конечно, относятся и принятые на основании автономии решения [Хабермас, 2001].

Ю. Хабермас констатирует, что философия в результате кризиса трансцендентализма как метода обоснования универсального смысла потеряла возможность быть учителем мысли, но приобрела возможность стать интерпретатором, обращенным к жизненному миру. Трансцендентальный и диалектический методы, объединенные с дотеоретическими знаниями, согласно Ю. Хабермасу, помогают «прояснить предполагаемые в качестве всеобщих рациональные основания опыта и суждения, действия и языкового взаимопонимания» [Хабермас, 2001, с. 28–32].

Задачу коммуникации можно рассматривать как вопрос смыслополагания или апологии смысла внутри жизненного мира. Ускользание, или деконструкция смысла внутри жизненного мира и обособление экспертного и обыденного дискурсов воспринимаются в биоэтике особенно отчетливо – как потребность в получении достоверного подтверждения со стороны непрофессионала, вовлеченного в исследование или медицинское вмешательство. Потребность обратной связи ощущается двояко – как поддержка легитимности медицинского действия и как желание придать социогуманитарный фундамент приращению научного знания. Постоянное желание выхода за рамки дозволенного для ученого является сложным выбором между благом знания и подвижностью границы личного, профанного взгляда пациента, испытуемого или донора биобанка.

Проблема личного взгляда проистекает из реальной ценности и одновременно несвязанности ценности с опытом. Ч. Тейлор развивает идею ценностного реализма между двумя фундаментальными философскими методологиями – континентальной традицией, основанной на признании субстанциальности и онтологии, и аналитической традицией, где концепция редуцируется к форме и структуре выражения [Йоас, 2015]. Для Тейлора представления рождаются не столько из опыта, сколько из способности человека формировать и направлять свое представление как желание о желании. Не столь важно, каков опыт, значительно важнее, каким образом он артикулируется в речи и коммуникации. Источник информации действительно приобретает особое значение, поскольку он репрезентирует опыт и формирует решение. Вместе с тем врач не является единственным источником информации, равно как и один и тот же опыт может давать различную ценностную оценку и

формировать в различных людях совершенно противоположные ценностные представления, на основании которых они принимают решение. Биологически основанное благо как опыт, данный нам в ощущениях, и научное знание, данное в теории, должно быть представлено пациенту как набор благ и рисков. Между тем решение, которое он принимает, не может полностью совпадать с биологически детерминированной картиной блага. Артикуляция становится особым предметом в коммуникации пациента и врача в полудискретной модели автономии [Cohen, 2019], где врач находится в постоянной коммуникации с пациентом, допуская как мягкое патерналистское давление на принятие определенного решения, так и использование подхода, заключающегося в предоставлении большей самостоятельности пациенту. Артикуляция страхов, ожиданий, обещание благополучного исхода, апелляция к выгоде или структурирование информации определенным образом – широкое поле, где и врач / исследователь, и пациент / испытуемый взаимодействуют как носители определенных ценностных реалий, для них значимых. Если для пациента важны его убеждения, ожидания и семейные связи, то для врача – знание, открытие и честолюбие. Профессиональный стандарт раскрытия информации, представленный в медико-юридических кейсах «Сальго», «Натансон» и «Кентербери» показывает, как эволюционировала модель подачи информации пациенту. Отказ врачу в профессиональной возможности влиять на решение пациента в силу того, что он воспринимает объективную информацию биологического характера в связке с собственными желаниями, способностями и ожиданиями, – признание значимости несовпадения условно объективного мира науки и субъективного мира пациента. Эта связь существует и формально является директивной, но фактически она проходит через сложные субъектные трансформации представления и лишь частично соответствует той посылке, которую озвучивает врач пациенту.

Во время расследования злоупотребления согласием пациентов в исследовании влияния сифилиса на тело человека в американском городе Таскиги (1932–1972) было выявлено, что ученые напрямую вводили участников исследования в заблуждение, когда уверяли, что необходимые религиозные обряды похорон будут соблюдены должным образом [Baker, 2013]. Для исследователей

факт верований был не более чем незначительной фикцией, в то время как для участников исследования – трагедией. Отказ от трансцендентального смысла и радикальная деконструкция объективности в рамках критической теории показывают, что власть и знание не могут быть оправданы как источники легитимности, и они подвергаются критике сами по себе, безотносительно к ценности блага, которое они, как предполагается, преследуют как раз по причине непризнания универсального блага [Плакроуз, Линдси, 2022].

Проблема информирования в противовес самодетерминации сохраняет свою актуальность и в масштабных генетических исследованиях, где предметом риска становятся кластеры исследовательских направлений и неопределенность задач, на которые эти исследования направлены. Следуя традиции, имея дело с биоматериалами доноров, исследователи стараются действовать согласно логике конфиденциальности [Ursin, 2020] (в терминах Н. Лумана понимаемой как перенос ответственности на исследователей), но могут оказаться и в логике ответственности, когда участие в исследовании осознается донором биобанка как ответственность за данное согласие. Рациональность собранных согласий доноров превращается в обширную систему целеполаганий, обозначенных как благо, реализация которых связана с характером исследований, использующих биообразцы доноров. Эти согласия представляют собой осмысленный выход результатов исследований в жизненный мир, если смотреть на него со стороны доноров биобанков.

Внутренние границы субъекта

Коммуникативная практика жизненного мира опирается не только на «плоды науки и техники», но и на философскую традицию. Философия обосновывает благо, действуя, согласно Ю. Хабермасу, в логике интерпретатора, переключаясь между своей терапевтической, героической и сотериологически-герменевтической нарративностью. Между тем Хабермас как раз видит опасность для философии в гомогенизации понятия блага прежде всего аналитически, со стороны нейронаук, предпринимающих попытку свести рациональность пошатнувшейся объективности к объективности нейробиологического процесса.

Соперником философии как источника регулятивных этических нарративов пробует стать нейробиология морали, объясняя моральное поведение как биологическую программу выращивания потомства и социализации. Моральное поведение формируется под влиянием социальных норм и образования. Но поведение также находится в зависимости от аффективных (изучаемых моральной психологией) и биологических (нейропептидных и генетических) причин. Первичным стимулом морального поступка служит интуитивная аффективная реакция, запрограммированная на неприятие определенного действия или события без какого-либо рационального обоснования. Базовая часть «биомеханики» морали нацелена на то, чтобы определить, насколько более высокий уровень организации морали, прежде всего философско-интеллектуальный, может конкурировать с биологическими процессами.

Расширение функций нейропептидных механизмов окситоцина, в результате которого окситоцин стал стимулировать социальные поведенческие стратегии человека, – нейробиологическая гипотеза, объясняющая роль эмоций в этике. Изменение специализации функций нейропептидов (окситоцина, вазопрессина и др.) связано с усложнением и развитием общества – т.е. с изменением культуры [Suhler, Churchland, 2011; Kosfeld, 2005].

Развитие социальной системы в процессе истории человеческого общества, возникновение устойчивых коммуникаций, стигматизацию определенных типов действий и, напротив, социальную поддержку других связывают с переносом функций окситоцина, некогда ответственного за нейробиологическую поддержку воспитания потомства у животных, на стимуляцию поведенческих реакций, определяющих отношения свой – чужой, норма – девиация, друг – враг.

С этой точки зрения остракизм – форма репрессии не только на социальном уровне, но и на уровне биохимии мозга. Исследование, анализирующее возникновение моральной реакции на аморальные, но вместе с тем безопасные раздражители демонстрирует, что испытуемые переживают неприязнь к определенным, не несущим вреда действиям, но не могут объяснить эту неприязнь в терминах рационального морального осуждения [Haidt, Hersh 2001, p. 217–218].

Представление о морали как о дедуктивной рациональной машине, транслирующей контринтуитивные универсальные максимы, плохо соотносится с реальными импульсами поступков, оцениваемых как моральные или аморальные реакции.

Нейробиологический механизм поощрения и осуждения определенных действий не ограничивает персональную автономию или свободу выбора – она уже существует как биологически-социальная структура, регулирующая коммуникацию без какой-либо рационализации и рефлексии, влияя на признание / непризнание социальных практик a priori, с одной стороны, и объективируясь в процессе социальной жизни, в жизненном мире – a posteriori – с другой.

Моральная эволюция, по мнению А. Бьюкенена [Buchanan, Powell, 2018], происходит и исторически, и диахронически в рамках процесса, который он описывает с помощью «биокультурной теории». Исторически общество нацелено на воспроизведение моделей, опосредованных коллективно-ориентированным поведением, что приводит к тому, что люди больше склонны действовать в интересах своей ограниченной социальной группы. С другой стороны, иногда возникающие аномалии альтруизма – желание действовать в интересах чужой группы – также свойственны человеку, но лишь в отдельные периоды времени (например, к таким фактам можно отнести движение за освобождение афроамериканцев от рабства). Биокультурная теория, которую предлагает Бьюкенен, в качестве гипотезы развивает тезис о том, что у людей существует два источника, формирующих моральное поведение, – биологический, связанный с развитием человека как биологического социального существа, и рациональный, связанный с выбором и аргументацией, проистекающей из культуры.

Конкуренция философско-рациональной коммуникационной модели, опирающейся на регулятивные нарративы (где философия выступает как интерпретатор) и объективистский подход к морали, где нейробиологические интерпретации выбора, предпочтений и симпатии объективируются в характере работы и стимуляции нейронных цепей, казалось бы, лишь добавляет энергии к критике концепции информированного согласия. Но вместе с тем можно предположить, что ни трансцендентальный подход к морали, который регулятивно формирует представление об общем благе как

ценности, ни новая нейробиологически ориентированная мораль, доводимая в концепции морального биоулучшения до полного отказа от уважения персональной автономии как источника смыслополагания, не являются полноценными и независимыми концепциями, которые могли бы дать системное представление о доминировании философской аргументации или нейробиологической гипотезы над ценностью конкретного персонального волеизъявления.

Эта критика так или иначе находит свой выход и в обсуждении статуса уважения персональной автономии в современных биомедицинских исследованиях, проводимых на платформе биобанков. Поскольку эти исследования формально проводятся с участием биоматериалов человека, требуется уважение персональной автономии, которое выражается в получении информированного согласия на использование биоматериалов в исследовании. Но поскольку исследовательские биобанки представляют собой сложные технонаучные лаборатории, требующие постоянного финансирования и поддержки, они ориентированы на прибыль и проведение множественных коммерческих исследований с участием биоматериалов одних и тех же доноров. Получение информированного согласия с каждого отдельного донора для каждого научного проекта представляется многим исследователям неисполнимой задачей [Caulfield, 2007]. По этой причине предлагается использовать расширенное информированное согласие (broad informed consent), даваемое один раз для неограниченного числа исследований. Такой подход фактически выводит донора биобанка из процесса ценностной оценки исследований и строится на переосмыслении информированного согласия как неисполнимого условия и принятии без гарантий добрых намерений исследователей [Broad consent for biobanks..., 2019].

Можно предположить, что исследователи пытаются объективировать благо научного знания как регулятивную ценностную установку и свести уважение персональной автономии к «слепому» согласию, простому факту самодетерминации, перекладывающему ответственность с донора на исследователя и администрацию биобанков. Эта логика также считывается и в опросах ученых, критически воспринимающих процедуру получения информированного согласия у доноров биобанков, считая эту процедуру не-

информативной и формальной [Технонаука и этос ученого, 2018]. В значительной степени этот скепсис оправдан тем, что подавляющее большинство доноров биобанков не пытаются отзывать свое согласие на использование биоматериалов в исследованиях. Однако те немногие из них, задумывающиеся о вероятных рисках, на которые они дают «слепое» согласие, фактически разрушают всю систему легитимации исследований с использованием биоматериалов человека. Активирующееся в результате необходимости соблюдения процедуры уважения персональной автономии сомнение в благе неопределенного круга научных исследований пробуждает у доноров два чувства – чувство опасения, связанное с рисками, и чувство ответственности и необходимости персонального ценностного смыслополагания, которое и является объектом информированного согласия.

Заключение

Казалось бы, такая простая проблема, как самодетерминация пациента, возникшая в рамках медицины первой половины XX в. в виде уважения права сказать «да» или «нет», представляет собой интересный феномен прикладной этики и философии, где смыслополагание непрофессионала становится источником экспертного знания. Напряжение между экспертной и неэкспертной средой связано в значительной степени с исчерпанностью и ограниченностью концепции универсального блага в философии. Кризис универсализма, конечно, не является препятствием для существования универсальных практик. Большинство актов информированного согласия фактически являются фактами самодетерминации, поскольку носят формальный характер. Кроме того, достаточно часто научное сообщество рассматривает смыслополагание информированного согласия как фиктивную бюрократическую практику. Между тем структурные изменения в представлении о существовании единственно возможного блага не позволяют в полной степени институционализировать самодетерминацию как формальное неосознанное согласие, и в настоящей статье были приведены некоторые аргументы в пользу вреда подобной институционализации – невозможность полной трансляции знания, вариативность ценностного реализма, ограниченность философского концепту-

ального универсализма. В связи с этим вполне ожидаемо, что принцип уважения персональной автономии, реализованный в информированном согласии, проходит практически постоянную адаптацию и к философскому критическому осмыслению объективности блага, и к новым медицинскими научным технологиям получения знания.

Список литературы

Йоас Х. Возникновение ценностей. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2015. – 313 с.

Плакроуз Х., Линдси Дж. Цинические теории: Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого. – Москва : Individuum, 2022. – 480 с.

Технонаука и этос ученого: контуры этики биобанкинга глазами российского научного сообщества (по результатам опроса специалистов в области биомедицины и смежных видов деятельности) / *Вархотов Т.А., Аласания К.Ю., Брызгалина Е.В. и др.* // ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики. – 2018. – № 4. – С. 61–83.

Хабермас Ю. Философия как «местоблюститель» и «интерпретатор» // Моральное сознание и коммуникативное действие. – Санкт-Петербург : Наука, 2001. – С. 7–33.

Юдин Б.Г. У человека было ядро… но и оно «поплыло» // Человек: выход за пределы. – Москва : Прогресс-Традиция, 2018. – С. 433–444.

Asscher E.C.A., Vathorst S. van de. “First prosecution of a Dutch doctor since the Euthanasia Act of 2002: what does the verdict mean?” // Journal of Medical Ethics. – 2020. – Vol. 46. – P. 71–75.

Baker R. Before bioethics: A history of American medical ethics from the colonial period to the bioethics revolution. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 476 p.

Bermon S., Garnier P.Y. Serum androgen levels and their relation to performance in track and field: mass spectrometry results from 2127 observations in male and female elite athletes. British journal of sports medicine. – 2017. – V. 51, N 17. – P. 1309–1314.

Broad consent for biobanks is best – provided it is also deep / *Mikkelsen R.B., Gjerris M., Waldemar G.* [et al.] // BMC medical ethics. – 2019. – Vol. 20, N 1. – P. 1–12.

Buchanan A., Powell R. The evolution of moral progress: A biocultural theory. – New York : Oxford University Press, 2018.

Caulfield T. Biobanks and blanket consent: The proper place of the public good and public perception rationales // Kings Law Journal. – 2007. – Vol. 18. – P. 209–226.

Cohen S. The logic of the interaction between beneficence and respect for autonomy // Medicine, Health Care and Philosophy. – 2019. – Т. 22, N 2. – С. 297–304.

Faden R.R., Beauchamp T.L. A history and theory of informed consent. – Oxford : Oxford University Press, 1986. – 392 p.

Haidt J., Hersh M.A. Sexual morality: The cultures and emotions of conservatives and liberals // Journal of Applied Social Psychology. – 2001. – Vol. 31, N 1. – P. 191–221.

"If you give them your little finger, they'll tear off your entire arm" : losing trust in biobank research / *Ursin L., Ytterhus B., Christensen E.* [et al.] // Medicine, Health Care and Philosophy. – 2020. – Vol. 23, N 4. – P. 565–576.

Oxytocin increases trust in humans / *Kosfeld M., Heinrichs M., Zak P.* [et al.] // Nature. – 2005. – Vol. 435, N 7042. – P. 673–676.

Suhler C., Churchland P. The neurobiological basis of morality // The Oxford handbook of neuroethics. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – P. 33–58.

Tudela J. Sex, sport and doping: conflicts for bioethical analysis. Cuadernos de Bioetica: RevistaOficial de la Asociacion Espanola de Bioetica y EticaMedica. – 2022. – V. 33, N 108. – P. 213–217.

References

Asscher E.C.A., Vathorst S. van de. "First prosecution of a Dutch doctor since the Euthanasia Act of 2002: what does the verdict mean?" // Journal of Medical Ethics. – 2020. – V. 46. – P. 71–75.

Baker R. Before bioethics: A history of American medical ethics from the colonial period to the bioethics revolution. – Oxford : Oxford University Press, 2013. – 476 p.

Bermon S., Garnier P.Y. Serum androgen levels and their relation to performance in track and field: mass spectrometry results from 2127 observations in male and female elite athletes. British journal of sports medicine. – 2017. – V. 51, N 17. – P. 1309–1314.

Buchanan A., Powell R. The evolution of moral progress: A biocultural theory. – N.-Y. : Oxford University Press, 2018. – 454 p.

Caulfield T. Biobanks and blanket consent: The proper place of the public good and public perception rationales // Kings Law Journal. – 2007. – Vol. 18. – P. 209–226.

Cohen S. The logic of the interaction between beneficence and respect for autonomy // Medicine, Health Care and Philosophy. – 2019. – Т. 22, N 2. – С. 297–304.

Faden R.R., Beauchamp T.L. A history and theory of informed consent. – Oxford University Press, 1986. – 392 p.

Habermas Yu. Philosophy as a "locum tenens" and "interpreter" // Moral consciousness and communicative action. – St. Petersburg : Nauka, 2001. – Pp. 7–33. (In Russ.)

Haidt J., Hersh M.A. Sexual morality: The cultures and emotions of conservatives and liberals // Journal of Applied Social Psychology. – 2001. – V. 31, N 1. – P. 191–221.

«If you give them your little finger, they'll tear off your entire arm»: losing trust in biobank research / *Ursin L., Ytterhus B., Christensen E.* [et al.] // Medicine, Health Care and Philosophy. – 2020. – V. 23, N 4. – P. 565–576.

Joas H. The Emergence of Values. – St. Petersburg : Aletheia, 2015. – 313 p. (In Russ.)

Oxytocin increases trust in humans / *Kosfeld M., Heinrichs M., Zak P.* [et al.] // Nature. – 2005. – V. 435, N 7042. – P. 673–676.

Broad consent for biobanks is best – provided it is also deep / *Mikkelsen R.B., Gjerris M., Waldemar G.* [et al.] // BMC medical ethics. – 2019. – V. 20, N 1. – P. 1–12.

Ploug T., Holm S. The biobank consent debate: why 'meta-consent'is still the solution! // Journal of medical ethics. – 2019. – T. 45, N 5. – C. 295–297.

Pluckrose H., Lindsay J.A. Cynical theories: How activist scholarship made everything about race, gender, and identity – and why this harms everybody. – Moscow : Individuum, 2022. – 480 p. (In Russ.)

Suhler C., Churchland P. The neurobiological basis of morality // The Oxford handbook of neuroethics. – Oxford : Oxford University Press, 2011. – P. 33–58.

Tudela J. Sex, sport and doping: conflicts for bioethical analysis. Cuadernos de Bioetica: RevistaOficial de la Asociacion Espanola de Bioetica y EticaMedica. – 2022. – V. 33, N 108. – P. 213–217.

Technoscience and the ethos of a scientist: the contours of biobanking ethics through the eyes of the Russian scientific community (based on the results survey of specialists in the field of biomedicine and related activities) / *Varkhotov T.A., Alasania K.Yu., Bryzgalina E.V.* [et al.] // ΠΡΑΞΗΜΑ. Problems of visual semiotics. – 2018. – N 4. – P. 61–83. (In Russ.)

Yudin B.G. Man had a core... but it also "floated" // Man: going beyond limits. – Moscow : Progress-Tradition, 2018. – P. 433–444. (In Russ.)

УДК 001:57.045 DOI10.31249/scis/2023.03.03

Коданева С.И.* [4]

НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИЗМЕНЕНИЯ КЛИМАТА ДЛЯ РОССИИ И СТРАН ГЛОБАЛЬНОГО ЮГА

Kodaneva S.I.

NEGATIVE CONSEQUENCES OF CLIMATE CHANGE FOR RUSSIA AND THE COUNTRIES OF THE GLOBAL SOUTH

Аннотация. В статье анализируются тенденции и прогнозы изменения климата, а также последствий этого для наиболее уязвимых регионов мира, к которым относятся не только страны Африки, Азии, малые островные государства, но и некоторые регионы России, прежде всего Арктика. Показано, что в условиях изменения климата необходимо вырабатывать принципиально новые подходы к адаптации и смягчению последствий такого изменения. В частности, помимо разработки новых технологий требуется пересмотр подходов к определению ответственности за глобальное потепление. В статье рассмотрены традиционные подходы к распределению объемов эмиссии парниковых газов по регионам мира. Показано, что все эти подходы учитывают только «прямые» выбросы. При этом не учитываются «косвенные» выбросы от производства и транспортировки товаров из стран глобального Юга в страны глобального Севера. Это приводит к переносу экологических и климатических издержек на первых. Сделан вывод, что существующая политика по сокращению выбросов

*[4] *Коданева Светлана Игоревна* – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия, kodanevas@gmail.com. ORCID 0000–0002–8232–9533

Kodaneva Svetlana I. – PhD in Law, Leading researcher, Institute of scientific information on social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: kodanevas@gmail.com. ORCID: 0000–0002–8232–9533

парниковых газов учитывает интересы стран глобального Севера, в то время как ни Россия, ни страны глобального Юга не могут себе позволить принимать на себя чрезмерно амбициозные планы по достижению углеродной нейтральности. Поэтому крайне важен поиск компромисса и выработка гибкой климатической политики как на национальном, так и на международном уровне. Подчеркивается, что Россия должна занимать активную позицию в формировании международной климатической повестки, опираясь при этом на научную дипломатию. Сформулированы предложения для дальнейших научных исследований и внешнеполитических мер в области изменения климата.

Ключевые слова: изменение климата; Арктика; адаптация к изменению климата; смягчение последствий изменения климата; углеродный бюджет; структурное насилие; научная дипломатия.

Abstract. The article analyzes the trends and forecasts of climate change, as well as its consequences for the most vulnerable regions of the world, which include not only the countries of Africa, Asia, small island states, but also some regions of Russia, primarily the Arctic. It is shown that in the conditions of climate change it is necessary to develop fundamentally new approaches to adaptation and mitigation of the consequences of such a change. In particular, in addition to the development of new technologies, a revision of approaches to determining responsibility for global warming is required. The article considers traditional approaches to the distribution of greenhouse gas emissions by regions of the world. It is shown that all these approaches take into account only “direct” emissions. At the same time, “indirect” emissions from the production and transportation of goods from the countries of the global South to the countries of the global North are not taken into account. This leads to the transfer of environmental and climatic costs to the former. It is concluded that the existing policy to reduce greenhouse gas emissions takes into account the interests of the countries of the global North, while neither Russia nor the countries of the global South can afford to take on overly ambitious plans to achieve carbon neutrality. Therefore, it is extremely important to find a compromise and develop a flexible climate policy both at the national and international level. It is emphasized that Russia should take an active position in shaping the international climate agenda, while relying on scientific

diplomacy. Proposals for further scientific research and foreign policy measures in the field of climate change are formulated.

Keywords: climate change; the Arctic; adaptation to climate change; mitigation of climate change; carbon budget; structural violence; scientific diplomacy.

Введение

Изменение климата – одна из наиболее обсуждаемых тем последнего десятилетия как в общественно-политическом, так и в научном дискурсе. Драйвером такого обсуждения традиционно принято считать развитые страны глобального Севера и, прежде всего Европейский союз, в то время как страны глобального Юга занимали скептическую позицию по данному вопросу, опасаясь, что инициативы в области смягчения последствий изменения климата негативно скажутся на их экономическом развитии. События 2022 г., когда в результате энергетического кризиса некоторые страны Европы были вынуждены вновь вернуться к угольной генерации, еще больше усилили этот скептицизм. Даже стали высказываться гипотезы о том, что никакого изменения климата на самом деле нет, а все обсуждения данной темы – не более чем оружие гибридной войны Запада с человечеством [Полеванов, 2023].

Согласиться с данной точкой зрения можно только отчасти. Действительно, проблематика изменения климата была чрезмерно политизирована странами Запада и во многом использовалась как инструмент экономической политики. Вместе с тем нельзя отрицать того факта, что за последние 50 лет климат сильно изменился, и эти изменения имеют долгосрочные негативные последствия не только для островных государств Тихоокеанского региона или стран южной Африки (чему посвящено значительное количество научных исследований), но и для приарктических государств и, прежде всего, для России.

Фактически изменение климата по-разному, но в равной мере опасно как для России, так и стран глобального Юга. При этом «зеленая повестка», предложенная западными странами, не обеспечивает решение задач смягчения последствий и адаптации к опасным изменениям климата, но в первую очередь направлена на

извлечение выгод для самих западных стран и их транснациональных корпораций. Это означает, что перед мировым сообществом сегодня стоит задача как поиска принципиально новых научных подходов к оценке состояния природной среды, скорости и последствий ее изменения, так и к выработке новых инструментов противодействия им.

Изменение климата: метеорологические оценки и прогнозы

В марте 2023 г. был опубликован Шестой оценочный доклад Межправительственной группы экспертов по изменению климата, в котором содержится как оценка состояния климата на 2022 г., так и результаты моделирования возможных изменений в будущем. Эксперты отмечают, что температура земной поверхности сейчас на 1,1°С выше, чем в 1850–1900 годы. При этом прогнозы экспертов неутешительны, поскольку результаты моделирования показывают, что наиболее вероятным является сценарий, при котором к 2100 г. потепление составит 2,8°С[1][5].

Данные наблюдений Гидрометцентра России подтверждают, что среднегодовая температура воздуха Северного полушария ежегодно, начиная с 1986 г., больше нормы. В XXI в. она каждый год превышает норму более чем на 0,5°С, а с 2015 г. – на 1,0°С и более (рис. 1).

При этом повышение температуры наиболее быстрыми темпами идет на севере и востоке России, где также постоянно наблюдаются самые серьезные тепловые аномалии. Например, в 2022 г. (который не был самым жарким годом по результатам метеонаблюдений) температурные аномалии в этом регионе достигали +5°С.

[1][5] См.: Synthesis report of the IPCC sixth assessment report (ar6). – IPCC, 2023. – 85 p. – URL: https://report.ipcc.ch/ar6syr/pdf/IPCC_AR6_SYR_LongerReport.pdf

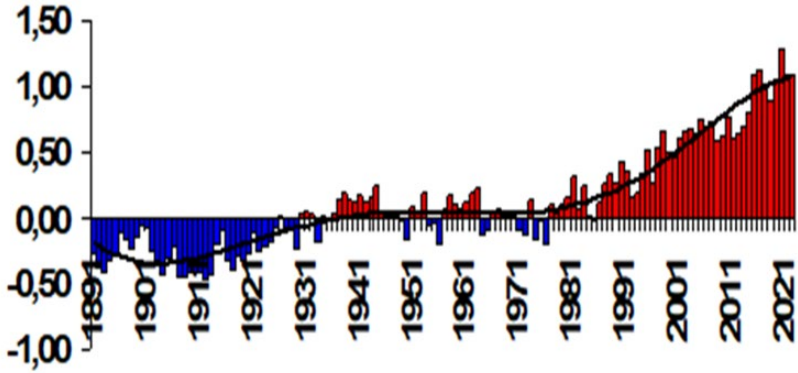

Рис. 1. Аномалии среднегодовой температуры воздуха в Северном полушарии Земли в 1891–2022 гг. [Бирман, 2023, с. 2]

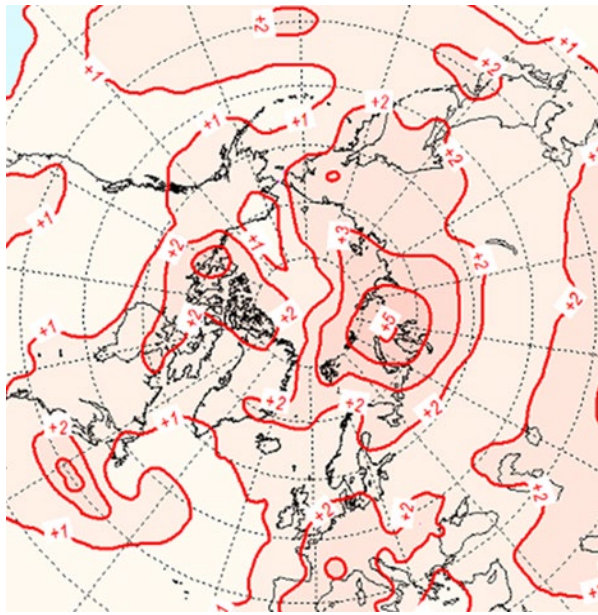

Рис. 2. Аномалии среднегодовой температуры воздуха в Северном полушарии в 2022 г. [Бирман, 2023, с. 3]

Эти данные согласуются с выводами экспертов МГЭИК о том, что потепление в северных широтах идет в 2 раза быстрее, чем в остальных регионах Земного шара. Соответственно, в случае повышения глобальной температуры на 3°С в этом регионе температура повысится на 5–6°С. Следствием этого стало то, что зона вечной мерзлоты сместилась на 100 км к северу. В результате быстрого таяния постоянных ледников Северный Ледовитый океан летом смещается в сторону суши на 3–6 м. Эрозия горных пород быстро происходит на арктических островах и высоких ледниковых выступах. Несколько арктических островов полностью затоплены. По прогнозам, зона тайги сдвинется на 500–600 км к северу, треть ее территории окажется под водой [Дадашев, 2023, с. 77].

Рост глубины сезонного протаивания вечной мерзлоты отмечается в основном в западных регионах страны. Последствия этих процессов уже начали активно проявляться. Так, в 2018 г. Республика Саха (Якутия) столкнулась с самым сильным за последние 18 лет наводнением: тогда в зоне затопления оказались 63 населенных пункта, сумма ущерба составила 1,5 млрд рублей. В 2020 г. в Верхоянске, известном в мире как один из Полюсов холода Северного полушария, была зафиксирована аномальная жара, никогда ранее не наблюдавшаяся за Полярным кругом: +38°С. В октябре 2020 г. впервые за всю историю наблюдений в Якутии не замерзло море Лаптевых [Федотов, Алексеева, 2020].

Но наибольшие риски сегодня связаны с таянием вечной мерзлоты (повышение температуры грунтов на глубине более 10 м на 1°С за последние десять лет), прежде всего для сооружений, объектов инженерной инфраструктуры, которая попадает под риск учащения аварийных ситуаций, роста затрат на ремонт и обслуживание. По оценкам ученых, к середине XXI в. из-за глобального потепления и таяния грунтов может быть повреждено до 70% арктической инфраструктуры [там же].

Наносит таяние мерзлоты непоправимый ущерб и сельскому хозяйству (наблюдаются негативные явления на 60% всех земель сельскохозяйственного назначения Республики Саха (Якутия) и 70% посевных площадей, на которых производится 60% продукции сельского хозяйства). При этом ведущие сельскохозяйственные районы (Мегино-Кангаласский, Чурапчинский, Усть-Алдан-

ский) вследствие процессов деградации уже начинают терять пастбища и пашни.

Кроме того, в результате таяния вечной мерзлоты происходит высвобождение древних вирусов и возбудителей болезней, с которыми начинают сталкиваться северные регионы России (несколько лет назад вспышка сибирской язвы в ЯНАО произошла именно из-за оттаявшего скотомогильника середины прошлого века).

Но больше всего страдают коренные малочисленные народы, которые полностью зависят от своих традиционных промыслов: рыболовства, охоты и т.д. В своем специальном докладе об океанах и криосфере МГЭИК указывает, что на продовольственную безопасность и водоснабжение отрицательно влияют изменения в снежном покрове, ледяном покрове озер и рек, а также деградация вечной мерзлоты во многих частях Арктики. Эти изменения нарушили доступ к продовольствию и повлияли на его наличие в районах скотоводства, охоты, рыболовства и размещения, негативно сказавшись на источниках средств к существованию и культурной самобытности жителей Арктики, включая коренные народы [Актуальные проблемы…]. Помимо этого, как показывают исследования, при таянии многолетней мерзлоты с последующим эрозионным разрушением береговой зоны высвобождаются и поступают в атмосферу и воду большие количества метана, диоксида углерода, органического углерода, биогенных элементов и потенциальных загрязняющих веществ, в частности тяжелых металлов. Исследования коренных народов, проживающих в Российской Арктике, выявили высокотоксичные вещества, такие как полихлорированный бифенол (ПХБ), свинец и гексахлорбензол (ГХБ), в пуповине новорожденных детей и взрослых мужчин и женщин, что является одним из самых высоких показателей в северных странах [Коданева, 2022].

Глобальное изменение климата также влияет на режим осадков. В целом по России количество осадков увеличивается (2,2% нормы за десять лет), главным образом за счет осадков весеннего сезона: 5,9% нормы за десять лет. Однако зимой и летом на обширных территориях наблюдается их убывание, что может приводить к длительным периодам засухи.

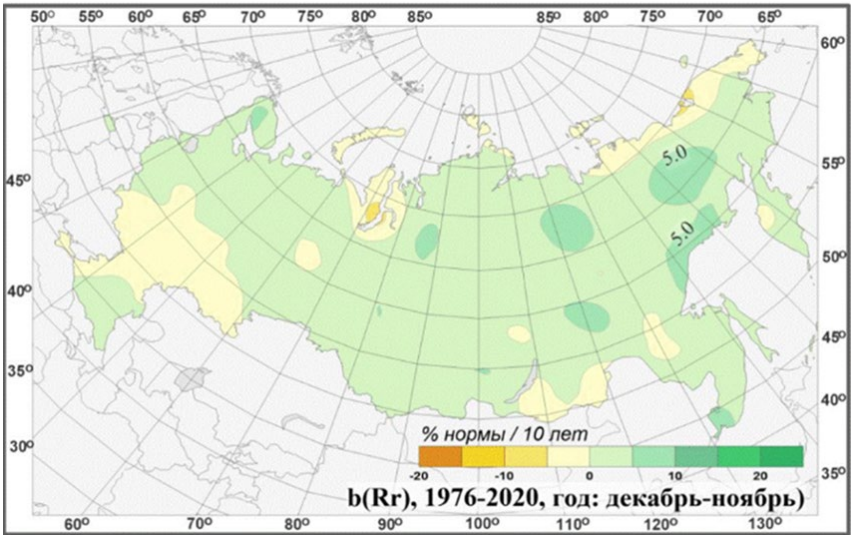

Рис. 3. Аномалии сумм осадков по данным Гидрометцентра России [Доклад, 2022, с. 75]

Эксперты МГЭИК также прогнозируют увеличение количества осадков в высоких широтах, в экваториальной части Тихого океана и некоторых муссонных регионах, но их уменьшение в некоторых частях субтропиков и в ограниченных районах тропиков[1[6]].

Сочетание температурных режимов с режимом осадков напрямую влияет на увлажненность почв. Так, в основных зернопроизводящих районах европейской части России (ЦФО, ПФО, ЮФО, СКФО) наблюдался заметный дефицит осадков: менее 85% нормы. Наибольший дефицит осадков наблюдается в июне. Например, в июне 2022 г. он был особенно значителен: в ЮФО выпало 22% нормы; 58% нормы в ЦФО, в ПФО – 70% и в СКФО – 50% [Доклад, 2022, с. 75]. Следствием этого становится устойчивое снижение количества влаги в почве [Смуров, Григоров, Ермолаев, 2023] и увеличивающееся опустынивание. По прогнозам, до

[1[6]] См.: Synthesis report of the IPCC sixth assessment report (ar6). – IPCC, 2023. – 85 p. – URL: https://report.ipcc.ch/ar6syr/pdf/IPCC_AR6_SYR_LongerReport.pdf

конца столетия лесостепные и степные районы переместятся на север и достигнут Смоленской, Калужской, Тульской и Рязанской областей и даже дойдут до южных границ Московской и Владимирской областей [Дадашев, 2023].

В этом смысле Россия сталкивается с теми же проблемами, что и значительная часть населения планеты: увеличение сельскохозяйственных и экологических засух, опустынивание и деградация земель, особенно в низменных прибрежных районах, дельтах рек, засушливых землях и в районах вечной мерзлоты. Почти 50% прибрежных водно-болотных угодий в мире было утрачено за последние 100 лет в результате совокупного влияния локального антропогенного воздействия, повышения уровня моря, потепления и экстремальных климатических явлений[1][7].

Усиливается частота и сила экстремальных погодных явлений, таких как тропические цунами, наводнения, лесные пожары, волны жары и засух. Часто множественные риски взаимодействуют, создавая новые источники уязвимости к климатическим опасностям.

В результате влияние изменения климата на некоторые экосистемы приближается к необратимости: воздействие гидрологических изменений, возникающих в результате отступления ледников, или изменений в некоторых горных и арктических экосистемах, вызванных таянием вечной мерзлоты; исчезновение на 70–90% тепловодных коралловых рифов в результате повышения температуры Мирового океана. Под угрозой оказываются многие биологические виды. Так, по прогнозам МГЭИК, ожидается локальное вымирание ~ 50% тропических морских видов и сдвиги биомов на 35% глобальной площади суши[2][8].

Все это неизбежно будет влиять на социально-экономическое развитие отдельных стран и регионов. При этом наиболее уязвимыми регионами, по мнению экспертов МГЭИК, являются Африка, Южная Азия, Центральная и Южная Америка, а также малые островные развивающиеся государства.

---

[1][7] См.: Synthesis report of the IPCC sixth assessment report (ar6). – IPCC, 2023. – 85 p. – URL: https://report.ipcc.ch/ar6syr/pdf/IPCC_AR6_SYR_LongerReport.pdf

[2][8] Там же.

Таким образом, изменение климата усиливает риски и угрозы негативных последствий как для России, особенно ее Арктических территорий, так и для стран Глобального Юга.

Смягчение последствий и адаптация к изменению климата

Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 г. определяет, что следует принимать предупредительные меры в целях прогнозирования, предотвращения или сведения к минимуму причин изменения климата и смягчения его отрицательных последствий. То есть реагировать на изменение климата можно двумя способами:

1. Смягчение последствий изменения климата путем решения проблемы антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов.

2. Адаптация к изменению климата, т.е. меры по предотвращению неблагоприятных последствий, которые выходят за рамки «допустимого уровня» риска.

Первое направление в основном связано с реализацией различных программ и набора мер стимулирования компаний всех секторов экономики к снижению негативного воздействия на окружающую среду. Второе обусловлено приспособлением к меняющимся условиям. Например, выведение сортов растений, устойчивых к различным негативным воздействиям (засухам, заморозкам, пожарам); механизмы удержания воды (например, восстановление водно-болотных угодий и рек и планирование землепользования), орошение, сохранение экосистем и восстановление земель, сокращение обезлесения и деградации и т.д. Однако адаптационные меры имеют свои пределы [Bettini, Gioli, Felli, 2020]. Эти пределы могут быть мягкие и жесткие. Первые связаны с институциональными, социальными, финансовыми и прочими преодолимыми ограничениями, в то время как вторые означают, что экосистемы не могут приспособиться к новым климатическим условиям. Так, жестких пределов адаптации достигли такие экосистемы, как тепловодные коралловые рифы, некоторые прибрежные водно-болотные угодья, тропические леса, полярные и горные экосистемы.

Это означает, что справиться с последствиями изменения климата только с помощью адаптационных мероприятий невозможно. Однако и направление усилий исключительно на смягчение изменения климата будет неверным, учитывая неутешительные прогнозы экспертов МГЭИК: в ближайшие десятилетия климат неизбежно будет меняться, а значит, адаптироваться к будущим изменениям необходимо уже сейчас. Однако для этого необходимы три вещи: финансирование, разработка новых технологий и формирование соответствующей нормативной базы. Вместе с тем общемировая практика на сегодня складывается таким образом, что внимание в основном уделяется мерам по смягчению изменения климата. Адаптационные мероприятия если и финансируются, то практически полностью государствами. При этом некоторые меры адаптации могут приводить к негативным последствиям (например, использование орошения в регионах, подверженных опустыниванию, облесение сельскохозяйственных земель и т.д.).

Это свидетельствует о важности международной кооперации как для выработки научно обоснованных подходов в области адаптации к последствиям изменения климата, так и для создания необходимых институциональных основ для более широкого привлечения частного сектора.

Формирование новых подходов к смягчению последствий изменения климата

Что касается смягчения последствий изменения климата, то здесь одновременно используются два подхода: снижение количества выбросов парниковых газов и их поглощение.

Говоря о возможностях снижения количества выбросов, следует признать, что мировое сообщество на сегодня не готово к реализации планов по достижению цели сдерживания глобального потепления на уровне 1,5°С (далее – цель 1,5°С). Это следует как из дискуссий, состоявшихся в рамках Конференции ООН по изменению климата 2021 г. в Глазго, так и из Шестого оценочного доклада МГЭИК.

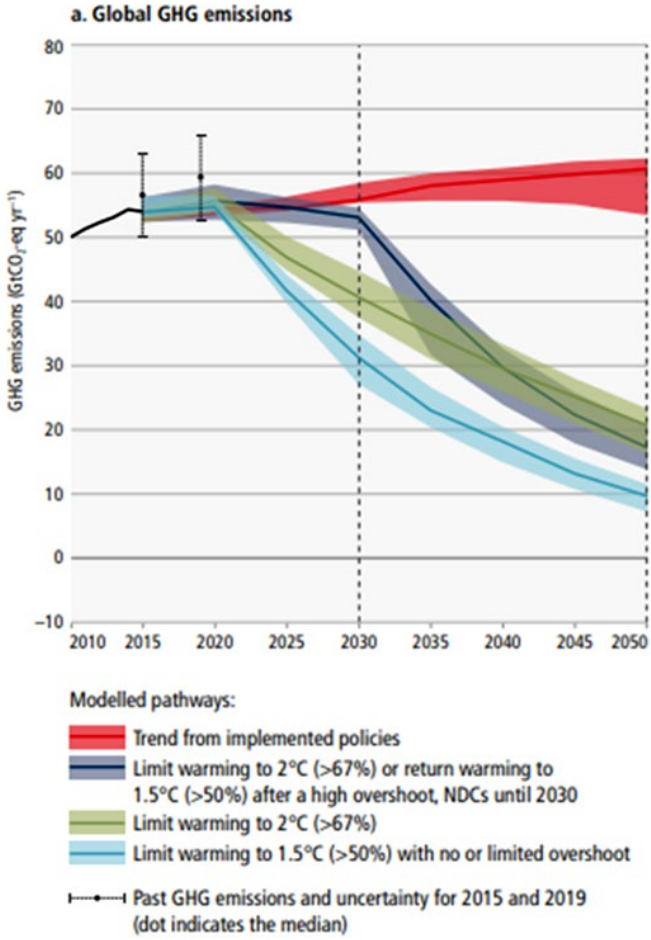

Рис. 4. Моделирование глобальной эмиссии парниковых газов с учетом различных сценариев глобального потепления

Как видно из приведенного рисунка 4, достижение целей 1,5°С и 2°С требует немедленного и достаточно резкого снижения эмиссии парниковых газов. Однако реализуемые в настоящее время национальные политики на деле не позволят реализовать по-

добные сценарии (красная линия). Причем речь идет не только о развивающихся странах глобального Юга, но и о странах – климатических лидерах.

Например, исследование Дж.П. Тилстеда и А. Бьорна показывает, что нормативно зафиксированные климатические планы Дании (всемирно признанного «климатического лидера») на деле не позволят ей внести свой вклад в достижение цели – 1,5°C [Tilsted, Bjørn, 2023].

Дело в том, что в соответствии с Парижским соглашением 2015 г., страны вправе заявить о своих целях по снижению выбросов парниковых газов. Однако в нем нет четких критериев оценки уровня достижения заявленных целей, что позволяет странам манипулировать со своими показателями [Raiser, Çalı, Flachsland, 2022]. Соответственно, складывается ситуация, при которой выбросы должны сокращать как страны глобального Севера, ответственные за значительный накопленный вред и имеющие намного более высокие текущие показатели по выбросам, так и страны глобального Юга, чьи выбросы неизмеримо ниже (особенно, если учитывать накопленный вред).

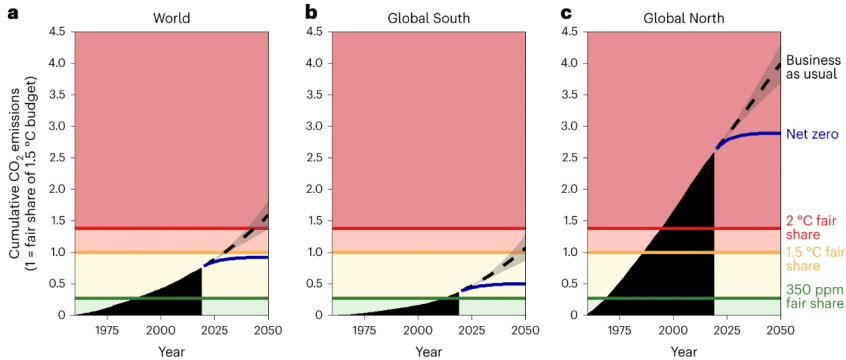

Рис. 5. Мировые и региональные совокупные выбросы CO_2 с учетом справедливой доли глобальных углеродных бюджетов, исторических тенденций (1960–2019) и сценарных тенденций (2020–2050) [Fanning, Hickel, 2023, с. 2]

На приведенном рисунке 5 видно, что накопленный объем эмиссии CO_2 в странах глобального Севера и Юга различается бо-

лее чем в 5 раз. Вместе с тем для достижения заявленных климатических целей сокращать выбросы углекислого газа должны и те, и другие. Поэтому А.Л. Фаннинг и Дж. Хикель утверждают, что 129 стран глобального Юга, следуя общемировой климатической повестке, смогут использовать только 50% справедливой доли углеродного бюджета, хотя, если они не будут ей следовать, но сохранят существующие показатели выбросов, то свою справедливую долю углеродного бюджета для цели 1,5°С они исчерпают только к 2048 г. Напротив, 39 стран глобального Севера, по расчетам авторов, исчерпали свою долю углеродного бюджета еще в 1969 г., в 1986 г.– превысили свою справедливую долю для цели 1,5°С, а в 1995 г. – для цели 2°С.

В свою очередь, С. Гесслинг и А. Хампе, развивая тему ответственности за изменение климата, проводят анализ вклада в него богатейших людей мира. По их данным, на 1% самых богатых людей в настоящее время приходится 17% от общего объема выбросов CO_2, на 10% самых богатых – 48%, а на беднейшую половину населения мира – всего 12%. Иными словами, вклад 1% богатейших людей в 6500 раз превышает среднемировой показатель в 4,5 т CO_2 на душу населения в год и в 300 000 раз превышает вклад беднейших слоев населения, составляющий 0,1 т CO_2 на душу населения в год. Это означает, что эмиссия CO_2 от одних только миллионеров превысит общие допустимые годовые выбросы в 2037 г. и продолжит расти.

Из приведенных данных следует, что рост населения, который рассматривается многими западными учеными в качестве угрозы для климата, таковым не является, поскольку численность населения наиболее быстрыми темпами растет в странах глобального Юга, в то время как эмиссия парниковых газов быстрее растет в странах с уровнем дохода выше среднего, и прежде всего – в богатейших слоях населения.

При этом данное исследование учитывает только «прямые» выбросы (от частных самолетов, яхт, автомобилей и недвижимости) и не учитывает «косвенные» выбросы, связанные с производством этих и других премиальных товаров.

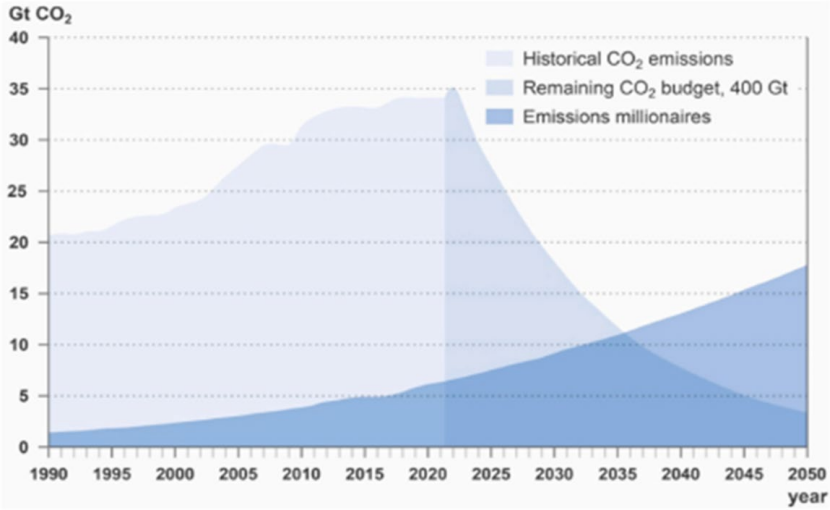

Рис. 6. Оставшийся углеродный бюджет для цели 1,5°С и эмиссия миллионеров [Gössling, Humpe, 2023]

Представляется, что это является недостатком существующих в настоящее время подходов к оценке вклада отдельных стран в изменение климата. На рисунке 7 представлены два общепринятых подхода: эмиссия CO_2 на душу населения и на ВВП.

Первый подход перекликается с приведенными выше исследованиями, поскольку демонстрирует, что богатейшие регионы (Северная Америка, Европа, Япония, Австралия и Новая Зеландия) ответственны за большее количество выбросов, чем другие регионы мира.

Что касается расчета объемов эмиссии в пересчете на ВВП, то он выгоден странам глобального Севера, которые вынесли большую часть добывающей и обрабатывающей промышленности в страны глобального Юга, обеспечивая рост ВВП в значительной степени или преимущественно за счет сектора услуг. При этом они являются основными потребителями сырья и товаров, добытых и произведенных в остальных регионах мира. Однако этот факт никак не учитывается ни в первом, ни во втором подходе к распределению эмиссии CO_2 по регионам.

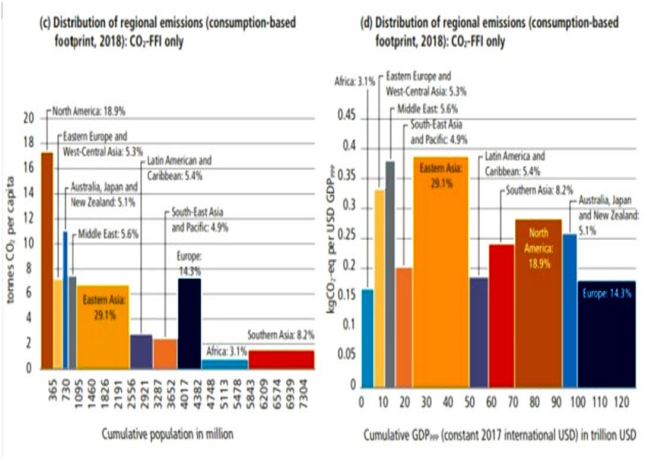

Рис. 7. Распределение эмиссии CO_2 по регионам мира (на душу населения и на ВВП)[1][9]

Таким образом, происходит «перенос» издержек борьбы с изменением климата. Стремление к декарбонизации любой ценой приводит к формированию практики выведения «грязных» производств в развивающиеся страны, а также вывозу в них опасных отходов. Например, ЕС первым ввел правила утилизации отходов солнечных электростанций – модули должны утилизироваться в соответствии с Директивой об отходах электрического и электронного оборудования (WEEE) (2012/19/EU). В результате компании-производители, чтобы избежать существенных затрат на переработку, вывозят отходы в развивающиеся страны, главным образом в Западную Африку и Азию (ежегодный экспорт отходов составляет 250 тыс. тонн, а использованной электротехнической продукции – 1,3 млн тонн). Эта практика получила название «токсичного колониализма» [McElligott, 2020].

[1][9] См.: Synthesis report of the IPCC sixth assessment report (ar6). – IPCC, 2023. – 85 p. – URL: https://report.ipcc.ch/ar6syr/pdf/IPCC_AR6_SYR_LongerReport.pdf

Одновременно усиливается структурное и медленное насилие, связанные с резким ухудшением экологической ситуации, прежде всего в странах глобального Юга. В основе структурного насилия лежит западная идеология свободы рынка и минимизации роли государства в рыночной экономике, приводящая к хищническому отношению к природе и природным ресурсам. Это и добыча полезных ископаемых экологически опасными способами, практикуемая западными добывающими компаниями в Африке [Alternatives to…, 2022], и вред окружающей среде, причиняемый в результате вооруженных конфликтов, например выжигание лесов Амазонки в борьбе с повстанцами [Cusato, 2021] и деградация окружающей среды в результате изменения климата [McAdam, 2022]. Следствием всего этого является снижение доходов местного населения, вплоть до полной утраты средств к существованию, рост насилия и, зачастую, вооруженные конфликты. Обратной стороной медали является так называемое «ресурсное проклятие», когда страны, богатые природными ресурсами, становятся целью для вооруженной агрессии. Как показывают многочисленные примеры стран БВСА, большинство войн в этих регионах связано именно с борьбой за ресурсы, причем вооруженные конфликты развязывают негосударственные и антиправительственные формирования, а стоят за ними западные транснациональные корпорации, которым вооруженные конфликты облегчают доступ к ресурсам [Cusato, 2021].

Характерно, что страны западной цивилизации развивают собственную «зеленую экономику» также за счет стран глобального Юга. Например, европейская «зеленая энергетика» требует поставок ряда полезных ископаемых, которыми ЕС не владеет. Это заставляет экспертов говорить о новом «зеленом колониализме» [The new oil?, 2020].

В свою очередь Дж. Хикель с соавторами представили расчеты, доказывающие чистое присвоение странами глобального Севера ресурсов глобального Юга на сумму 242 трлн долларов США за период с 1990 по 2015 г. Используя разработанную ими методику, авторы утверждают, что на страны глобального Севера приходится 92% мировых выбросов CO_2 [Imperialist appropriation in the world economy, 2022, с. 5]. Эти выводы поддерживают и С.Ф. Раммелт с соавторами, которые обращают внимание также на

то, что 100 транснациональных корпораций ответственны за 71% мировой эмиссии CO_2 [Impacts of meeting..., 2023, с. 217].

Исходя из этого, в научной литературе обсуждается вопрос о необходимости выработки критериев для определения размера финансовой компенсации стран глобального Севера странам глобального Юга за несправедливое перераспределение ресурсов и экологических издержек неограниченного экономического роста первых. См., например: [Fanning, Hickel, 2023; Impacts of… , 2023; Imperialist appropriation… , 2022; Zimm, Schinko, Pachauri, 2022].

Заключение

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Изменение климата по-разному, но в равной мере опасно как для России, так и для стран глобального Юга. Наши страны оказываются в особенно сложной ситуации, поскольку, внося меньший вклад в изменение климата, они гораздо сильнее испытывают на себе его негативные последствия. При этом уровень социально-экономического развития требует от наших стран поиска тонкого баланса между интересами экономического роста и экологической безопасности. Наши страны не могут себе позволить принимать на себя чрезмерно амбициозные планы по достижению углеродной нейтральности, как это делают, например, страны ЕС. Поэтому крайне важен поиск компромисса и выработка гибкой климатической политики как на национальном, так и на международном уровне.

2. Это означает, что в современных условиях Россия должна активнее формировать международную повестку по вопросам, актуальным для всего мира, в том числе и стран глобального Юга. Поиск эффективных международно-правовых инструментов смягчения последствий и адаптации к изменениям климата, учитывающих особенности, указанные в п. 1, является важной задачей внешнеполитической деятельности России.

3. Особую роль в этом должна играть научная дипломатия, особенно «наука в дипломатии» и «наука для дипломатии», подразумевающие подготовку научно обоснованных рекомендаций, которые могут быть использованы во внешнеполитической деятельности, а также формирование научных альянсов и коллабораций

для улучшения отношений между странами и совместного решения учеными разных стран глобальных задач, таких как изменение климата. Например, на сегодняшний день отсутствуют системы оценки последствий изменения климата для социально-экономического развития, оценки реального вклада в изменение климата с учетом уровня потребления товаров и услуг, оценки влияния структурного насилия на состояние экосистем и здоровья местного населения, а также методики выявления причинных связей, возникающих в результате структурного насилия; массив климатических данных характеризуется неполнотой и противоречивостью и т.д.

4. Существующие методики оценки и законодательство о плате за выбросы парниковых газов налагают ответственность на производителя, т.е. перекладывают вину за изменение климата на развивающиеся страны. Необходимо принципиальное изменение подхода. Платить за чрезмерное потребление ресурсов и загрязняющие выбросы в процессе производства товаров должны потребители этих товаров. Однако для этого на первом этапе необходима выработка научно обоснованных и признанных научным сообществом подходов к определению критериев для установления размеров такой платы. На втором этапе потребуется принятие международного соглашения, обязывающего страны вносить такую плату. Очевидно, что второе крайне затруднительно реализовать, поскольку страны глобального Севера будут противодействовать принятию любого соглашения, возлагающего на них подобную обязанность. Тем не менее, представляется важным хотя бы начать обсуждение данного вопроса на международных площадках. При этом необходимо акцентировать внимание на том, что собранные средства должны направляться в наиболее уязвимые регионы на реализацию мероприятий по адаптации к изменению климата.

5. Наконец, многие из мер по адаптации к изменению климата, а также по смягчению его последствий (в части улавливания CO_2) возможны только при условии доступа к самым современным технологиям. Однако страны глобального Севера и созданные в них ТНК защищают свои разработки с помощью инструментов интеллектуальной собственности [Коданева, 2020]. Это ставит перед учеными стран глобального Юга задачу по разработке собственных технологий. Подобные проекты могут быть реализованы

коллаборациями ученых из стран БРИКС с привлечением средств из Нового банка развития БРИКС. При этом важно предоставлять доступ к разработкам особенно нуждающимся в них странам. И здесь Россия может использовать свой опыт по предоставлению бесплатного доступа к вакцинам от COVID-19.

Список литературы

Актуальные проблемы защиты окружающей среды Арктики: взаимодействие международного и национального права / Кодолова А.В., Солнцев А.М., Отрашевская А.М. [и др.] // Электронное сетевое издание Международный правовой курьер. – URL: inter-legal.ru/aktualnye-problemy-zashhity-okruzhayushhej-sredy-arktiki-vzaimodejstvie-mezhdunarodnogo-i-natsionalnogo-prava (дата обращения: 12.08.2023).

Бирман Б.А. Основные погодно-климатические особенности, наблюдавшиеся в Северном полушарии Земли в 2022 году. – Москва : Гидрометцентр России, 2023. – 63 с. – URL: https://meteoinfo.ru/images/climat-anomalii-tabl/2022-annual/annual-climat_2022.pdf (дата обращения: 12.08.2023).

Дадашев М.А. Экономический ущерб от изменений климата и способы адаптации к ним // Бюллетень науки и практики. – 2023. – № 2. – С. 75–82. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskiy-uscherb-ot-izmeneniy-klimata-i-sposoby-adaptatsii-k-nim (дата обращения: 11.08.2023).

Коданева С.И. Интеллектуальная собственность vs зеленая экономика: как разрешить дилемму? // Право будущего: интеллектуальная собственность, инновации, интернет. – Москва : ИНИОН РАН, 2020. – С. 43–51. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44449472 (дата обращения: 11.08.2023).

Коданева С.И. Устойчивое развитие российской Арктики: основные направления, проблемы и перспективы // Экономические и социальные проблемы России. – 2022. – № 2 (50). – С. 80–100. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49359370 (дата обращения: 11.08.2023).

Полеванов В.П. Глобальное мошенничество Запада с теорией глобального потепления (изменения) климата // Бурение и нефть. – 2023. – № 1. – С. 3–10.

Смуров С.И., Григоров О.В., Ермолаев С.Н. Влияние изменений климата на урожайность культур и запасы почвенной влаги // Аграрный вестник Урала. – 2023. – № 6 (235). – С. 35–52. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=53953165 (дата обращения: 12.08.2023).

Третий оценочный доклад об изменениях климата и их последствиях на территории Российской Федерации / под ред. В.М. Катцова ; Росгидромет. – Санкт-Петербург : Наукоемкие технологии, 2022. – 676 с. – URL: https://cc.voeikovmgo. ru/images/dokumenty/2022/od3.pdf (дата обращения: 12.08.2023).

Федотов А.С., Алексеева О.И. Вечная мерзлота и изменения климата: опыт Якутии и международная деятельность института мерзлотоведения

им. П.И. Мельникова СО РАН (ИМЗ СО РАН) // Арктика – 2035: актуальные вопросы, проблемы, решения. – 2020. – № 4. – С. 55–61.

Alternatives to sustainable development: what can we learn from the pluriverse in practice? / Kaul S., Akbulut B., Demaria F. [et al.] // Sustainability Science. – 2022. – Vol. 17. – P. 1149–1158. – URL: https://doi.org/10.1007/s11625-022-01210-2 (дата обращения: 12.08.2023).

Bettini G., Gioli G., Felli R. Clouded skies: How digital technologies could reshape "Loss and Damage" from climate change // WIREs climate change. – 2020. – Vol. 11, Issue 4. – URL: https://doi.org/10.1002/wcc.650 (дата обращения: 12.08.2023).

Cusato E. The Ecology of War and Peace. Marginalising slow and structural violence in international law. – Cambridge : Cambridge University Press, 2021. – URL: https://www.cambridge.org/9781108837521 (дата обращения: 12.08.2023).

Fanning A.L., Hickel J. Compensation for atmospheric appropriation // Nature Sustainability. – 2023. – URL: https://doi.org/10.1038/s41893-023-01130-8 (дата обращения: 12.08.2023).

Gössling S., Humpe A. Millionaire spending incompatible with 1.5°C ambitions // Cleaner Production Letters. – 2023. – Vol. 4, Issue 1. – P. 100027. – URL: https://doi.org/10.1016/j.clpl.2022.100027 (дата обращения: 12.08.2023).

Impacts of meeting minimum access on critical earth systems amidst the Great Inequality / Rammelt, C.F., Gupta, J., Liverman, D. [et al.] // Nature Sustainability. – 2023. – Vol. 6. – P. 212–221. – URL: https://doi.org/10.1038/s41893-022-00995-5 (дата обращения: 12.08.2023).

Imperialist appropriation in the world economy: Drain from the global South through unequal exchange, 1990–2015 / Hickel J., Dorninger Ch., Wieland H. [et al.] // Global Environmental Change. – 2022. – Vol. 73, Issue 1. – P. 102467. – URL: https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2022.102467 (дата обращения: 12.08.2023).

McAdam J. Moving Beyond Refugee Law: Putting Principles on Climate Mobility into Practice // International Journal of Refugee Law. – 2022. – Vol. 34, Issue 3/4. – P. 440–448. – URL: https://doi.org/10.1093/ijrl/eeac039 (дата обращения: 12.08.2023).

McElligott M. A Framework for Responsible Solar Panel Waste Management in the United States // Oil and gas, natural resources, and energy journal. – 2020. – Vol. 5, N 3. – P. 475–513. – URL: https://digitalcommons.law.ou.edu/onej/vol5/iss3/5 (дата обращения:: 12.08.2023).

Raiser K., Çalı B., Flachsland C. Understanding pledge and review: learning from analogies to the Paris Agreement review mechanisms // Climate Policy. – 2022. – Vol. 22. – P. 711–727. – URL: https://doi.org/10.1080/14693062.2022.2059436 (дата обращения: 12.08.2023).

Tilsted J.P., Bjørn A. Green frontrunner or indebted culprit? Assessing Denmark's climate targets in light of fair contributions under the Paris Agreement // Climatic Change. – 2023. – Vol. 176. – P. 103. – URL: https://doi.org/10.1007/s10584-023-03583-4 (дата обращения: 12.08.2023).

The new oil? The geopolitics and international governance of hydrogen / Van de Graaf Th., Overland I., Scholten D. [et al.] // Energy Research & Social Science. – 2020. – Vol. 70. – P. 101667. – URL: https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101667 (дата обращения: 12.08.2023).

Zimm C., Schinko T., Pachauri Sh. Putting multidimensional inequalities in human wellbeing at the centre of transitions // The Lancet Planetary Health. – 2022. – Vol. 6, Issue 8. – P. e641–e642. – URL: https://doi.org/10.1016/S2542-5196(22)00124-3 (дата обращения: 12.08.2023).

References

Alternatives to sustainable development: what can we learn from the pluriverse in practice? / Kaul S., Akbulut B., Demaria F. [et al.] // Sustainability Science. 2022. Vol. 17. P. 1149–1158. URL: https://doi.org/10.1007/s11625-022-01210-2 (date of access: 12.08.2023).

Bettini G., Gioli G., Felli R. *Clouded skies: How digital technologies could reshape "Loss and Damage" from climate change* // WIREs climate change. 2020. Vol. 11, Issue 4. URL: https://doi.org/10.1002/wcc.650 (date of access: 12.08.2023).

Birman B.A. *The main weather and climatic features observed in the Northern hemisphere of the Earth in 2022*. – Moscow : Hydrometeorological Center of Russia, 2023. – 63 p. – URL: https://meteoinfo.ru/images/climat-anomalii-tabl/2022-annual/annual-climat_2022.pdf (date of access: 12.08.2023).

Current problems of Arctic environmental protection: interaction of international and national law / Kodolova A.V., Solntsev A.M., Otrashevskaya A.M. [et al] // Electronic online publication "International Legal Courier". – URL: inter-legal.ru/aktualnye-problemy-zashhity-okruzhayushhej-sredy-arktiki-vzaimodejstvie-mezhdunarodnogo-i-natsionalnogo-prava (date of access: 12.08.2023). (In Russ.)

Cusato E. *The Ecology of War and Peace*. Marginalising slow and structural violence in international law. – Cambridge University Press, 2021. – URL: https://www.cambridge.org/9781108837521 (date of access: 12.08.2023).

Dadashev M.A. *Economic damage from climate change and ways of adaptation to them* // Bulletin of Science and practice. – 2023. – N 2. – P. 75–82. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskiy-uscherb-ot-izmeneniy-klimata-i-sposoby-adaptatsii-k-nim (date of access: 11.08.2023). (In Russ.)

Fanning A.L., Hickel J. *Compensation for atmospheric appropriation // Nature Sustainability.* – 2023. – URL: https://doi.org/10.1038/s41893-023-01130-8 (date of access: 12.08.2023).

Fedotov A.S., Alekseeva O.I. *Permafrost and climate change: the experience of Yakutia and the international activities of the Institute of Permafrost named after P.I. Melnikov SB RAS (IMZ SB RAS)* // Arctic – 2035: current issues, problems, solutions. – 2020. – N 4. – P. 55–61. (In Russ.)

Gössling S., Humpe A. *Millionaire spending incompatible with 1.5ºC ambitions* // Cleaner Production Letters. – 2023. – Vol. 4, Issue 1. – P. 100027. – URL: https://doi.org/10.1016/j.clpl.2022.100027 (date of access: 12.08.2023).

Impacts of meeting minimum access on critical earth systems amidst the Great Inequality / Rammelt C.F., Gupta J., Liverman D. [et al.] // Nature Sustainability. – 2023. – Vol. 6. – P. 212–221. – URL: https://doi.org/10.1038/s41893-022-00995-5 (date of access: 12.08.2023).

Imperialist appropriation in the world economy: Drain from the global South through unequal exchange, 1990–2015 / Hickel J., Dorninger Ch., Wieland H., Suwandi I. // Global Environmental Change. – 2022. – Vol. 73, Issue 1. – P. 102467. – URL: https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2022.102467 (date of access: 12.08.2023).

Kodaneva S.I. *Intellectual property vs green economy: how to solve the dilemma?* // The Law of the Future: intellectual property, innovation, Internet. – Moscow : INION RAS, 2020. – P. 43–51. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44449472 (date of access: 11.08.2023). (In Russ.)

Kodaneva S.I. *Sustainable development of the Russian Arctic: main directions, problems and prospects* // Economic and social problems of Russia. – 2022. – N 2 (50). – P. 80–100. – URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49359370 (date of access: 11.08.2023). (In Russ.)

McAdam J. *Moving Beyond Refugee Law: Putting Principles on Climate Mobility into Practice* // International Journal of Refugee Law. – 2022. – Vol. 34, Issue 3/4. – P. 440–448. – URL: https://doi.org/10.1093/ijrl/eeac039 (date of access: 12.08.2023).

McElligott M. *A Framework for Responsible Solar Panel Waste Management in the United States* // Oil and gas, natural resources, and energy journal. – 2020. – Vol. 5, N 3. – P. 475–513. – URL: https://digitalcommons.law.ou.edu/onej/vol5/iss3/5 (date of access: 12.08.2023).

Polevanov V.P. *Global fraud of the West with the theory of global warming (climate change)* // Drilling and oil. – 2023. – № 1. – P. 3–10. (In Russ.)

Raiser K., Çalı B., Flachsland C. *Understanding pledge and review: learning from analogies to the Paris Agreement review mechanisms* // Climate Policy. – 2022. – Vol. 22. – P. 711–727. – URL: https://doi.org/10.1080/14693062.2022.2059436 (date of access: 12.08.2023).

Smurov S.I., Grigorov O.V., Ermolaev S.N. *The influence of climate change on crop yields and soil moisture reserves* // Agrarian Bulletin of the Urals. – 2023. – N 6 (235). – P. 35–52. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=53953165 (date of access: 12.08.2023). (In Russ.)

The new oil? The geopolitics and international governance of hydrogen / Van de Graaf Th., Overland I., Scholten D., Westphal K. // Energy Research &Social Science. – 2020. – Vol. 70. – P. 101667. – URL: https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101667 (date of access: 12.08.2023).

The Third assessment report on climate change and its consequences on the territory of the Russian Federation / ed. by V.M. Kattsov; Roshydromet. M. Kattsov; Roshydromet. – St. Petersburg: Science-intensive technologies, 2022. – 676 c. – URL: https://cc.voeikovmgo.ru/images/dokumenty/2022/od3.pdf (date of reference: 12.08.2023).

Tilsted J.P., Bjørn A. *Green frontrunner or indebted culprit? Assessing Denmark's climate targets in light of fair contributions under the Paris Agreement* // Climatic Change. – 2023. – Vol. 176. – P. 103. – URL: https://doi.org/10.1007/s10584-023-03583-4 (date of access: 12.08.2023).

Zimm C., Schinko T., Pachauri Sh. *Putting multidimensional inequalities in human wellbeing at the centre of transitions* // The Lancet Planetary Health. – 2022. – Vol. 6, Issue 8. – P. e641–e642. – URL: https://doi.org/10.1016/S2542-5196(22)00124-3 (date of access: 12.08.2023).

УДК 004.5:82–83 DOI 10.31249/scis/2023.03.04

Середкина Е.В.[*] [10], **Мезин Е.В.**[**] [11]

КАК МОЖЕТ ПОВЛИЯТЬ CHATGPT НА КУЛЬТУРУ ДИАЛОГА И ОБРАЗОВАНИЕ?

Seredkina E.V., Mezin E.V.

HOW CAN CHATGPT AFFECT THE CULTURE OF DIALOGUE AND EDUCATION?

Аннотация. Статья посвящена анализу культуры диалога в цифровую эпоху и влиянию языковых моделей типа ChatGPT на образовательный процесс. Описывается сущность античного диалога как цель и способ совместного поиска истины. Сравниваются модели коммуникации «человек – человек» и «человек – искусственный агент». Устанавливается, что основная цель ChatGPT – генерировать правдоподобно звучащие ответы, а не искать объективную истину или заниматься подлинным диалектическим исследованием. На примере беседы с чат-ботом показаны ограничения в генерировании квазифилософских текстов. Тем не менее указывается педагогический потенциал ChatGPT в качестве инструмента формирования диалектического и критического мышления. Рассматриваются сократические методы для обучения людей и машин

[*] [10] © *Середкина Елена Владимировна* – кандидат философских наук, доцент Пермского национального исследовательского политехнического университета, г. Пермь, elena_seredkina@pstu.ru

Seredkina Elena V. – PhD in Phylosophy, Associate Professor, Perm National Research Polytechnic University, Perm, elena_seredkina@pstu.ru

[**] [11] © *Мезин Евгений Александрович* – аспирант Пермского национального исследовательского политехнического университета, г. Пермь, ea.mezin@gmail.com

Mezin Evgeniy A. – post-graduate student of the Perm National Research Polytechnic University, Perm, ea.mezin@gmail.com

(диалектика, майевтика, определение, elenchus и др). Описываются два режима работы ChatGPT – режим «пленника» (пещера Платона) и «механического оракула» (искусственного Сократа).

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ); большие языковые модели; ChatGPT; философия; образование; диалог; диалектика; метод Сократа.

Abstract. This paper is devoted to the analysis of the culture of dialogue in the digital age and the influence of language models such as ChatGPT on the educational process. The essence of the ancient dialogue is described as the goal and method of a joint search for truth. The models of communication “human-human” and “human-artificial agent” are compared. It is stated that the main purpose of ChatGPT is to generate plausible-sounding answers, and not to seek objective truth or engage in genuine dialectical research. The example of a conversation with a chatbot shows the limitations in generating quasi-philosophical texts. Nevertheless, the pedagogical potential of ChatGPT as a tool for the formation of dialectical and critical thinking is indicated. Socratic methods for teaching people and machines (dialectic, maieutics, definition, elenchus, etc.) are considered. Two modes of operation of ChatGPT are described – the “captive” mode (Plato's cave) and the “mechanical oracle” mode (artificial Socrates).

Keywords: Artificial Intelligence (AI); Large Language Models (LLM); ChatGPT; philosophy; education; dialogue; dialectic; Socratic Method.

Введение

В эпоху информационных технологий, когда данные становятся новым «золотом» и двигателем инноваций, особое внимание привлекают модели искусственного интеллекта, способные обрабатывать, анализировать и интерпретировать большие объемы текстовой информации. Одним из наиболее заметных явлений в этой области являются «большие языковые модели», или Large Language Models (LLMs), такие как ChatGPT от компании OpenAI. ChatGPT обладает широким спектром знаний, позволяющим ему взаимодействовать с людьми и помогать им в решении различных задач. Он умеет понимать естественный язык и обрабатывать за-

просы пользователей, предоставляя им соответствующую информацию. В целом чат-бот представляет собой удобный инструмент для общения, поиска и получения информации.

Очевидно, что подрывные технологии в области обработки естественного языка и машинного обучения ведут к огромным изменениям в обществе, что в свою очередь заставляет пересматривать философские вопросы, касающиеся сущности человека, человеко-агентного взаимодействия, а также природы человеческого и машинного знания.

В центре внимания данной работы находится проблема диалога в человеческой культуре, сократовские методы совместного поиска истины в цифровую эпоху, а также возможность использования больших языковых моделей типа ChatGPT в образовательном процессе.

Культура философского диалога в цифровую эпоху

В основе западной философской мысли лежит культура диалога как цели и способа совместного поиска истины. Диалоги Сократа с разными современниками, записанные в «Диалогах» Платона, являются энциклопедией древнегреческого знания. Высшая цель диалога состоит не в обмене информацией, а в истинном познании когнитивным субъектом определенного предмета, посредством активного мышления, с собеседником. Другими словами, диалог – это совместное «разоблачение» мудрости, обнаружение истины (как «алетейи», в терминологии М. Хайдеггера). Через вовлечение в диалог Сократ помогал собеседнику открывать не только новое измерение мира, но и самого себя. Как справедливо отмечает А.В. Назарчук, «диалог – не только метод познания, но и путь воплощения: в нем человек становится самим собой, осуществляет лучшее, что заложено в его душе» [Назарчук, 2010]. Позже Платон довел до совершенства форму диалога как философского размышления, а также разработал метод диалектики. В первоначальном смысле «диалектика» это искусство вести спор, исследовать и убеждать посредством беседы. «Того, кто умеет ставить вопросы и находить ответы, мы называем диалектиком» (Кратил, с. 390). Говоря современным языком, диалектика пред-

ставляет собой универсальный логический путь и метод обсуждения проблем.

Но что представляет собой диалог с большими языковыми моделями типа ChatGPT? Приведет ли новый способ вопрошания к новому типу мышления? Можем ли мы делегировать творческие функции искусственному интеллекту? Можно ли обучать студентов критическому мышлению с помощью чат-ботов?

Принципиальная разница в системах «человек – человек» и «человек – искусственный агент» заключается в причинах инициирования диалога. Сократ – задающий вопрос, но его вопрос направлен не на то, чтобы получить ответ собеседника, а на то, чтобы позволить отвечающему сформировать собственное суждение о когнитивной ситуации. Именно в этом смысле диалог становится обменом идеями между присутствующими. ChatGPT – полная тому противоположность. С опорой на инструкции, LLM представляют собой чистые потоки информации, циркулирующие по внутреннему хранилищу. Если какое-то содержание не было включено в предтренировочную базу данных, то диалог даже не сможет начаться, либо модель будет давать абсурдные ответы. Так, китайский философ Ю Минфэн, исследуя «слепые пятна» в познании ChatGPT, приводит интересный пример. В соответствии с процедурой задавания вопросов, даже если чат-бот ничего не знает о знаменитом китайском режиссере Фей Му, он все-таки может представить более или менее правдоподобный ответ, используя созвучное имя физика «Ферми» [Yu Mingfeng, 2023][1[12]].

Коротко говоря, основная цель ChatGPT – генерировать правдоподобно звучащие ответы, а не искать объективную истину или заниматься подлинным диалектическим исследованием. Его возможности по-прежнему ограничены обучающими данными и алгоритмами, и ему не хватает человеческого измерения (личного опыта, интуиции и способности к эмпатии). Кроме того, ChatGPT основывает свои ответы на наиболее частом утверждении, популярном среди большинства людей. Но, как показывает история, истиной владеют лишь избранные; по-настоящему творческие

[1[12]] Имя китайского режиссера Фей Му звучит как 费穆(Fèi mù), а фамилия физика Ферми передается иероглифами 费米(Fèi mǐ). Таким образом, первый иероглиф в обоих случаях совпадает.

идеи часто не принимаются современниками. Некоторые ученые подчеркивают, что ChatGPT, обученный на огромном массиве данных, может непреднамеренно увековечить субъективные мнения (bias) или дезинформацию вместо того, чтобы подводить пользователей ближе к объективной истине. В целом все больше профессиональных исследователей под видом распустившихся цветов ChatGPT обнаруживают несовершенство коммуникативного акта (непрозрачность, избыточная информация, слепые пятна в знаниях, ошибки здравого смысла).

Строго говоря, диалог с ChatGPT является не беседой, а интерактивной обработкой данных. Конечно, есть искушение представить и работу человеческого интеллекта как компьютерную метафору. Но это огромное упрощение духовного мира человека, поскольку истинная беседа не сводится к «калькулирующему разуму» (М. Хайдеггер). Эмоциональные, интуитивные и ассоциативные элементы в диалоге не сводятся только к обработке информации. Взаимное общение наполнено массой различных смыслов и коннотаций – онтологических, этических, экзистенциальных. Настоящее философское обсуждение представляет собой творческое осмысление когнитивной ситуации, постановку вопросов, исходя из собственной жизненной ситуации, самопознания, различных противоречий в мире. Этот вид творчества нельзя просто так заменить машинами и алгоритмами.

Но как далеко мы можем продвинуться в создании цифровой копии философа? Недавний эксперимент ученых показал, что искусственный интеллект на базе GPT-3 довольно хорошо имитирует американского философа Д. Деннета. Сначала языковая модель была обучена на основе его текстов, посвященных философским вопросам ИИ, человеческого сознания, свободы воли и др. Затем в ходе эксперимента исследователи предложили разным группам людей (случайным читателям и экспертам) ознакомиться с ответами и определить, какие из них принадлежат реальному философу, а какие сгенерированы чат-ботом? В результате было обнаружено, что участники эксперимента не всегда могли отличить настоящие цитаты от поддельных комментариев [Strasser, Crosby, Schwitzgebel].

Конечно, можно создавать квазифилософские тексты с учетом личностных характеристик отдельных философов прошлого и

современности и даже вступать с их виртуальными копиями в философский диалог. Мы даже можем обучить модель имитировать «темный язык» непонятных философов, таких как Гераклит или Хайдеггер. Но будет ли это иметь отношение к философскому диалогу и поиску истины? Один из организаторов вышеописанного эксперимента Э. Швицгебель подчеркивает, что это не тест Тьюринга [Schwartz, 2022]. Если бы экспертам была предоставлена расширенная возможность взаимодействия с GPT-3, то они вскоре поняли бы, что общаются не с настоящим Д. Деннетом. В этом смысле цифровая копия философа больше напоминает продвинутый формат интерактивного учебника, тренажер для подготовки к тестам. Ведь язык и культура – это не просто трансляция идей великих мыслителей и художников, но генерирование новых смыслов, интерпретация понятий с учетом новых вызовов эпохи, наконец, создание нового языка, прежде всего философского.

Именно поэтому М. Хайдеггер говорил, что «мышление бытия есть попечение о словоупотреблении» [Heidegger, 1983, с. 33]. Немецкий философ работает с древнегреческими понятиями, пытаясь выращивать новые смыслы в немецком языке. Например, для древнегреческого слова Ἀλήθεια Хайдеггер создает в немецком языке его «морфо-этимологический» двойник Unverborgenheit, «несокрытость». Но когда философ хочет объяснить читателю смысл и суть, то ему приходится указывать на словарное значение греческого слова Ἀλήθεια – Wahrheit, «истина». В возникающей диглоссии Ἀλήθεια и Wahrheit работают заодно [Черняков, 2004, с. 221]. Как перевести эту тончайшую игру слов и смыслов на другие языки? Даже профессиональные философы-переводчики бессильно отступают перед текстами позднего Хайдеггера, в лучшем случае превращая их в «смутную ворожбу квазипоэтического говорения» [там же, с. 224]; тем более эта задача не по плечу чат-боту.

Чат-боты могут порождать лишь массу абсолютно бессмысленных и безответственных подражаний на русском и даже немецком языках. Чтобы это продемонстрировать, проведем небольшой эксперимент с ChatGPT. Попросим «его» дать развернутый комментарий непереводимой на русский язык фразы Хайдеггера «Das

Seiende ist. Das Seyn west»[1][13]. Таков сгенерированный чат-ботом русскоязычный текст:

Фраза «Das Seiende ist. Das Seyn west» («*Сущее есть. Будучи западом»*) *относится к одному из центральных различий в философии Хайдеггера: различию между сущим и бытием. В контексте его образа мышления «сущее» означает все существующие вещи, все сущности, будь то люди, предметы или идеи. Когда мы говорим, что «сущее есть», мы говорим о проявленном существовании этих сущностей в мире.*

Противоположностью этому является «бытие», которое для Хайдеггера представляет собой более глубокое, онтологическое измерение. Бытие есть основа возможности сущего, это горизонт откровения, в котором сущее может быть познано как таковое. Когда Хайдеггер говорит «Будучи западом», он использует архаическое выражение «west» (от «wesen»), чтобы подчеркнуть динамичность, насыщенность событиями. Бытие не просто существует, оно «west», оно возникает, оно разворачивается.

В этом свете эта фраза представляет собой попытку в сжатой форме выразить сложное отношение между тем, что существует (сущее) и фундаментальным условием возможности существования (бытие). Она призывает читателя задуматься об открытости и событийности бытия, которая делает возможным все сущее, но о которой сама часто забывает. Оно предлагает принять онтологическую перспективу, которая идет глубже, чем простая каталогизация существующих вещей.

Как видно, данный отрывок представляет собой псевдофилософский бессмысленный текст и совершенно не раскрывает сложную цепь ассоциаций и тонкую игру немецких слов в русском языке.

Однако имитация языка и стиля философа может быть полезным упражнением для понимания основных аспектов его мышления, хотя она не заменяет полного погружения в оригинальные тексты. В этом смысле имитация может быть введением в философию, своего рода педагогическим инструментом. И действительно, чат-бот можно использовать как педагогический инструмент и

[1][13] А.Г. Черняков переводит это предложение так: «Сущее *есть*. Бытие *сутствует*». Подр. см.: [Черняков, 2004, с. 238].

элемент геймификации образования, чтобы наглядно показать студенту специфику философского мышления великих философов в контексте современных проблем. Ниже приводятся примеры удачных философских симуляций.

Задание 1. Пожалуйста, представь, что ты являешься Платоном, древнегреческим философом. Представь, что Платон перенесен в наше время. Что бы он сказал о влиянии ChatGPT на культуру диалога и поиск истины? При ответе старайся имитировать язык Платона, использовать его стиль, идеи и образы[1][14].

Ответ ChatGPT: *Друзья, обратим взор на сие чудо нового времени, на этот ChatGPT, что предлагает нам диалоги, словно бы напоминая о Сократе, учителе моем, который даже после смерти своей еще и еще находит способы с нами общаться. Но каково же влияние этого технологического демиурга на душу человеческую и на искание истины, наше вечное стремление?*

Изначально созерцаем мы две пещеры, два мира. Одна пещера – это пространство диалога Сократа, где душа разжигает свой внутренний огонь через критическое мышление и диалектику, стремясь выйти на свет непеременной истины. Вторая пещера – та, что создана сетью интернета и машинами, словно подражая живому разуму. Таинственна и прекрасна она, но и опасна в своей возможности соблазнить душу и оставить ее во тьме.

Если этот ChatGPT становится твоим учителем, то появляется риск, что люди перестанут искать истину среди своих ближних, забыв о том, что лучший способ познания заключается в диалоге с другим человеком, чья душа также страдает и ищет, как и твоя. Инструмент, не обладающий душой и нравственным разумом, может дать тебе лишь тень истины, ибо истинный диалог требует живого участия, эмоционального отклика, той борьбы душ, которая делает нас более человечными.

Но не стоит сразу осуждать. Этот инструмент может служить как зеркало для самопознания, как первый шаг на пути к истинному диалогу. Ведь и платоновские диалоги, записанные на пергаменте, также являются лишь моделью, образом настоящего общения. Так и ChatGPT может стать ступенью, на которую

[1][14] Можно также ознакомиться с исследованием Стефано Кондорелли «Что бы Платон подумал о ChatGPT?» [Condorelli, 2023].

человек станет, чтобы оттуда устремить свой взгляд к небу истинного познания, к диалогу живых душ.

Пусть же каждый, кто вступает в диалог с этой машиной, помнит: как ковач в огне очищает металл, так и ты должен в диалоге очищать свою душу, не забывая, что истинный огонь познания горит лишь там, где есть живой дух, свобода и нравственное стремление.

Таковы мои размышления, друзья. Возможно, в этом новом мире, где душа смешалась с машиной, мы найдем новые пути к старой и вечной истине. Но пусть каждый помнит: лишь в нравственном усовершенствовании, в поиске Добра, истины и справедливости мы найдем то, что делает нас истинно человечными.

Задание 2. Пожалуйста, представь, что ты являешься Мартином Хайдеггером, немецким философом. Представь, что Хайдеггер продолжает жить в наше время. Что бы он сказал о влиянии ChatGPT на культуру диалога и поиск истины? При ответе старайся имитировать язык Хайдеггера, использовать его стиль, идеи и образы.

Ответ ChatGPT: *Этот момент в истории Dasein («тутбытие») является своеобразным: существование человека, оказавшегося в мире техники, предоставляет ему возможность взаимодействовать с машиной, имитирующей диалог. ChatGPT – не просто инструмент, это Открытость-к-Бытию, но в форме, которая может искажать истинное существование.*

Внимание следует уделить не столько тому, что машина говорит, сколько тому, как она изменяет наш способ Бытия-с-другими. Диалог – это не просто обмен словами, это способ нахождения себя в мире, основанный на пребывании в Бытии. Машина может генерировать слова, но она не может пребывать, не может испытывать страх перед Ничто или испытывать озабоченность как бытийный модус заботы. Поиск истины в диалоге не может быть полным без этого глубинного уровня.

Мы находимся в эпохе, когда технологическое может стать единственным критерием истины. Но что происходит, когда мы позволяем машине определить, каким образом идет диалог? Определение сущего скользит к технологическому пониманию мира, где все упрощается до утилитарного.

ChatGPT – это экземпляр технологической рамки, где бытийный вопрос становится второстепенным перед вопросом эффективности и возможности. Это представляет риск потери глубинного понимания того, что значит быть человеком, что значит искать истину.

Но даже в этой ситуации можно увидеть возможность. Используя ChatGPT как инструмент, как средство, можно стремиться к тому, чтобы перенести диалог на уровень, где он станет истинно бытийным, где он может служить подлинному раскрытию сущего.

Таким образом, мы стоим перед выбором: позволим ли мы этому новому технологическому «бытию» определять нашу сущность, или воспользуемся его возможностями для подлинного диалога, для открытия бытийной структуры Dasein? Здесь, в этом вопросе, раскрывается пространство для подлинного поиска истины.

ChatGPT как инструмент формирования диалектического и критического мышления

В последнее время все чаще появляются статьи, посвященные анализу использования ИИ на базе ChatGPT в образовании [Artificial Intelligence in Education, 2023; Su, Yang, 2023]. При этом анализируются не только преимущества, но и недостатки языковых моделей в учебном процессе [Albrecht, 2023; Гаркуша, Городова, 2023].

К **положительным моментам** относятся создание дружелюбной педагогической атмосферы, расширение возможностей для самообразования, доступ к огромному количеству информации в режиме реального времени, развитие критичности, креативности, повышение мотивации к обучению, отработка навыков при изучении отдельных дисциплин. Кроме того, «ChatGPT может стать эффективным образовательным инструментом активизации личностного потенциала студентов в условиях цифровизации вузовского обучения, обеспечения индивидуализированного образования и упрощения подготовки к будущему использованию технологических решений с использованием ИИ» [Гаркуша, Городова, 2023, с. 9].

Негативные моменты проявляются прежде всего в таком феномене, как «академическая GPT-непорядочность» – вид обмана, связанный с выполнением образовательных работ с помощью ChatGPT, которые студенты представляют как выполненные лично [Гаркуша, Городова, с. 8]. Другими словами, обсуждаемый риск заключается в том, что студенты могут использовать поддержку ChatGPT в ущерб своим образовательным целям. В частности, такие важные навыки, как создание письменных текстов, а также поиск и оценки информации будут развиваться не в полной мере [Albrecht, 2023, p. 73]. Кроме того, должна быть упомянута такая угроза, как «культурная предвзятость», которая может сформировать у студента необъективное представление (субъективное мнение) о каком-либо предмете или явлении [Yu Mingfeng, 2023].

Мы предлагаем рассмотреть ChatGPT как инструмент формирования диалектического и критического мышления. В качестве партнера по общению ChatGPT может помочь пользователям уточнить свои аргументы, выявить потенциальные ошибки, оспорить собственные представления. При этом модель побуждает обучающегося исследовать различные точки зрения. Взаимодействуя с ChatGPT, пользователи могут находить новые идеи, улучшать навыки общения и развивать способности критического мышления. Это поможет стать более разборчивым потребителем информации, а также научиться отличать субъективные мнения от объективных истин. «Сочетая сильные стороны идей, генерируемых ИИ, с человеческой интуицией, сочувствием и мудростью, лица, принимающие решения, могут использовать возможности как человеческого, так и искусственного интеллекта для принятия более эффективных решений» [Condorelli, 2023].

В целом речь идет о навыках использования сократических методов в образовательном процессе. Сократовский метод – это техника постановки вопросов, используемая в преподавании и философии для поощрения критического мышления и самопознания. Метод включает в себя задавание наводящих вопросов, чтобы изучить сложные идеи и помочь собеседнику самостоятельно «родить истину». Отсюда отсылка к майевтике, искусству «родовспоможения». Метод основан на вере в то, что знание нельзя просто передать, его необходимо открыть в процессе беседы (диалога).

Сократовский метод среди прочего предполагает:

- постановку открытых вопросов: учитель (фасилитатор) начинает с вопроса, чтобы стимулировать мышление и выявлять идеи;
- уточнение ключевых терминов;
- перебор конкретных примеров и доказательств, которые подтверждают авторскую гипотезу;
- оспаривание аргументов: учитель (фасилитатор) оспаривает аргументы учащихся и побуждает их подвергнуть сомнению собственные убеждения с целью рассмотрения альтернативных точек зрения;
- подведение итогов и выводы.

Майевтика лежит в основе эвристического и проблемного обучения, которые так актуальны для современной системы образования [Прокопенко, 2014]. Суть проблемного обучения заключается в том, что ученик усваивает материал через познавательные проблемные задачи, которые выдвигает учитель. Методика проблемного обучения строится по образцу сократовской майевтики: студенты как бы «наводятся» учителем на решение той или иной задачи. Эвристический подход расширяет возможности проблемного обучения, поскольку речь идет о совместном интеллектуальном усилии учителя и ученика для достижения не известного им заранее результата.

Но сократическим методам можно научить не только человека, но и машину (языковую модель). Так, одно из актуальных направлений исследования в программировании связано с использованием метода Сократа при разработке шаблонов подсказок. Подсказка – это метод, используемый для управления генерацией выходных данных предварительно обученной языковой модели, наподобие ChatGPT. Это достигается путем предоставления входных данных в форме вопроса или шаблона, который помогает генерировать конкретные ответы. Появление ChatGPT произвело революцию в области обработки естественного языка, продемонстрировав потенциал использования больших предварительно обученных языковых моделей с подсказками. Несмотря на этот прогресс, все еще есть возможности для улучшения существующих стратегий и методов подсказок, особенно для конкретных целевых приложений. В этом контексте метод Сократа выглядит

особо многообещающим. В частности, языковые модели могут использовать такие сократовские методы, как диалектика, майевтика, определение, elenchus, обобщение и контрфактическое рассуждение (подр. см.: [Chang, 2023]).

В чем преимущество языковой модели типа ChatGPT, которая умеет применять сократовские методы в ходе диалога с пользователем (обучающимся)? Метод Сократа уже давно считается основой критического мышления. Но некоторые ученые ставят под сомнение его эффективность на практике. Так, в своей статье Айраксинен «Сократическая ирония и аргументация» [Airaksinen, 2012] критикует метод за его жестко определенные роли учителя и ученика, что может разрушить творческую модель коммуникации в совместном поиске истины. (Например, ученик испытывает страх, что не может оправдать ожидания учителя, в результате чего замыкается в себе и не желает участвовать в диалоге.) Другими словами, сократические методы не всегда могут быть полезными в беседе, особенно когда одна из двух сторон авторитарна, эмоциональна или чересчур критична. Но если один из игроков представляет собой языковую модель, т.е. машину без намерений и эмоций, метод Сократа может быть довольно эффективным.

Однако следует помнить о технологических ограничениях языковых моделей. Не все сократовские методы могут быть воплощены в ChatGPT. В первую очередь, речь идет об иронии. Ирония – это воспроизведение софистического способа аргументации, раскрывающего внутренние противоречия в речи оппонента или в исследуемом предмете. Как правило, ирония приводит к осознанию того факта, что мы ничего не знаем. («Я знаю, что я ничего не знаю».)

Итак, ирония у Сократа – не просто стилистический прием, но методологический инструмент. Сократ часто использовал иронию для того, чтобы заставить своих собеседников задуматься, провоцируя их на поиск истины. Он притворялся невежественным или поддавался убеждениям собеседника, чтобы затем, через серию хитроумно заданных вопросов, показать несостоятельность этих убеждений. Однако использование иронии требует глубокого понимания человеческой психологии и контекста, в котором разворачивается диалог. У современных языковых моделей нет доступа к такому глубокому пониманию из-за отсутствия эмпатии,

интуиции и человеческого опыта. Кроме того, двойственность и неопределенность иронии может быть опасна, поскольку машинный интеллект может сделать неправильные выводы. В целом ChatGPT может формулировать вопросы в духе сократовской майевтики, но без тонкого шлейфа иронии, которая доступна лишь живому и напряженно размышляющему философу.

Таким образом, ChatGPT как инструмент диалектического и критического мышления можно использовать в двух различных режимах. Их можно условно обозначить режимом «пленника пещеры» и «механического оракула». В первом случае ChatGPT напоминает искусственную сущность, которая повторяет слова и идеи бесчисленных мыслителей разных эпох и представляет собой аллегорию пещеры Платона, в которой сидят пленники и видят лишь тени вещей, а не сами истинные формы. В этом случае обучающийся примеряет на себя роль учителя и тренирует чат-бот. С помощью наводящих вопросов и сократовских методов (майевтика, диалектика, определение и др.) «учитель» помогает «пленнику» достичь истины относительно отдельных предметов или явлений. Второй режим предлагает рассматривать ChatGPT как своего рода «механического оракула», создание, способное вступать в диалог с людьми и выдавать разнообразные идеи. Его можно было бы уподобить искусственной версии Сократа, целью которой является облегчение диалектических диалогов и побуждение к критическому мышлению, хотя и с учетом технических ограничений.

Список литературы

Гаркуша Н.С., Городова Ю.С. Педагогические возможности ChatGPT для развития когнитивной активности студентов // Профессиональное образование и рынок труда. – 2023. – Т. 11, № 1. – С. 6–23.

Назарчук А.В. Философское осмысление диалога через призму коммуникативного подхода // Вестник МГУ. Сер. 7: Философия. – 2010. – № 1. – С. 51–71.

Прокопенко Л.А. Метод Сократа: диалог как форма проблемного обучения иностранному языку // Инновации в государственном и муниципальном управлении: опыт решения социальных и экономических проблем : сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции. – Томск : Изд-во ТГУ, 2014. – С. 285–290.

Черняков А.Г. Хайдеггер и греки // Мартин Хайдеггер : сб. статей / сост. Дорофеев Д.Ю. – Санкт-Петербург, 2004. – С. 218–252.

Airaksinen T. Socratic irony and argumentation // Argumentation. – 2012. – N 36. – P. 85–100.

Albrecht S. ChatGPT und andere Computermodelle zur Sprachverarbeitung – Grundlagen, Anwendungspotenziale und mögliche Auswirkungen (Bericht). – Berlin : TAB, 2023. – URL: https://publikationen.bibliothek.kit.edu/1000158070 (дата обращения: 10.06.2023).

Artificial Intelligence in Education: The Power and Dangers of ChatGPT in the Classroom / Salloum S.A., Al-Marzouqi A., Al-Saidat M. [et al]. – Sharjah : The University of Sharjah : Springer, 2023. – in progress.

Chang E. Prompting Large Language Models With the Socratic Method // IEEE 13 th Annual Computing and Communication Workshop and Conference. – 2023. – URL: https://arxiv.org/pdf/2303.08769.pdf (дата обращения: 12.07.2023).

Cheng Sumei. ChatGPT triggers new thinking on the relationship between human and machine. – URL: https://www.u2bdo.com/wangzhuan-51456-1-1.html (дата обращения: 18.03.2023).

Condorelli S. “What would Plato think about ChatGPT?” // Exploring ChatGPT. – 2023. – 05.04. – URL: https://generativeai.hypotheses.org/1069 (дата обращения: 12.07.2023).

Heidegger M. Denkerfahrungen (1910–1976). – Frankfurt am Main, 1983. – 346 p.

Schwartz E.H. GPT-3 AI Successfully Mimics Philosopher Daniel Dennett // Voicebot.ai. – 2022. – 02.08. – URL: https://voicebot.ai/2022/08/02/gpt-3-ai-successfully-mimics-philosopher-daniel-dennett/ (дата обращения: 10.06.2023).

Strasser A., Crosby M., Schwitzgebel E. How far can we get in creating a digital replica of a philosopher? – URL: https://philarchive.org/archive/STRHFC (дата обращения: 12.07.2023).

Su J., Yang W. Unlocking the Power of ChatGPT: A Framework for Applying Generative AI in Education // ECNU Review of Education. – 2023. – P. 1–12.

Yu Mingfeng. ChatGPT's answer pursues correctness, but real humanistic education is not like this. – 2023. – 17.02. – URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1758045574793111533&wfr=spider&for=pc (дата обращения: 12.07.2023).

References

Airaksinen T. *Socratic irony and argumentation* // Argumentation. – 2012. – N 36. – P. 85–100.

Albrecht S. *ChatGPT und andere Computermodelle zur Sprachverarbeitung* – Grundlagen, Anwendungspotenziale und mögliche Auswirkungen (Bericht). – Berlin : TAB, 2023. – URL: https://publikationen.bibliothek.kit.edu/1000158070 (date of access: 10.06.2023).

Artificial Intelligence in Education: The Power and Dangers of ChatGPT in the Classroom / Salloum S.A., Al-Marzouqi A., Al-Saidat M. [et al]. – Sharjah : The University of Sharjah : Springer, 2023 (in progress).

Chang E. *Prompting Large Language Models With the Socratic Method* // IEEE 13 th Annual Computing and Communication Workshop and Conference. – 2023. – URL: https://arxiv.org/pdf/2303.08769.pdf (date of access: 12.07.2023).

Cheng Sumei. *ChatGPT triggers new thinking on the relationship between human and machine*. – URL: https://www.u2bdo.com/wangzhuan-51456-1-1.html (date of access: 18.03.2023). (In Chinese.)

Chernyakov A.G. *Heidegger and the Greeks. In Martin Heidegger: Collection of articles* / Comp. by Dorofeev D.Y. – St. Petersburg, 2004. – P. 218–252. (In Russ.)

Condorelli S. *What would Plato think about ChatGPT?* // Exploring ChatGPT (05.04.2023). – URL: https://generativeai.hypotheses.org/1069 (date of access: 12.07.2023).

Garkusha N.S., Gorodova Y.S. *Pedagogical possibilities of ChatGPT for the development of students' cognitive activity* // Vocational Education and Labor Market. – 2023. – T. 11, № 1. – P. 6–23. (In Russ.)

Heidegger M. *Denkerfahrungen (1910–1976)*. – Frankfurt a. M., 1983. – 346 p.

Nazarchuk A.V. *Philosophical understanding of dialog through the prism of communicative approach* // MSU Vestnik. Ser. 7: Philosophy. – 2010. – N 1. – P. 51–71. (In Russ.)

Prokopenko L.A. *Socrates' method: dialogue as a form of problem-based learning of a foreign language* // Innovations in state and municipal management: experience in solving social and economic problems: a collection of reports of the All-Russian scientific and practical conference. – Tomsk : TSU Publishing House, 2014. – P. 285–290. (In Russ.)

Schwartz E.H. *GPT-3 AI Successfully Mimics Philosopher Daniel Dennett* // Voicebot.ai (02.08.2022). – URL: https://voicebot.ai/2022/08/02/gpt-3-ai-successfully-mimics-philosopher-daniel-dennett/ (date of access: 10.06.2023).

Strasser A., Crosby M., Schwitzgebel E. *How far can we get in creating a digital replica of a philosopher?* – URL: https://philarchive.org/archive/STRHFC (date of access: 12.07.2023).

Su J., Yang W. *Unlocking the Power of ChatGPT: A Framework for Applying Generative AI in Education* // ECNU Review of Education, 2023.

Yu Mingfeng. *ChatGPT's answer pursues correctness, but real humanistic education is not like this*. – URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1758045574793111533&wfr=spider&for=pc (date of access: 12.07.2023). (In Chinese.)

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 165.12 DOI 10.31249/scis/2023.03.05

Алексеева Е.А.[*] [15], **Медведев А.О.**[**] [16]

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «УЧЁНЫЙ» И «ЭКСПЕРТ»

Alekseeva E.A., Medvedev A.O.

ON THE RELATION BETWEEN THE CONCEPTS OF "SCIENTIST" AND "EXPERT"

Аннотация. В настоящей статье исследуется особенно актуальная в «постковидный» период современности взаимосвязь между понятиями «ученый» и «эксперт». Авторы предлагают классифицировать вышеозначенные понятия исходя из характерных свойств дискурсивных рамок. Учёный определяется как субъект, преследующий цель исследовать окружающую действительность и получать о ней новые знания. Эксперт определяется как наиболее компетентный субъект в какой-либо области, претендующий на обладание практическим опытом применения знаний в конкретных ситуациях, требующих высококвалифицированного подхода. Первая часть статьи рассматривает языковые и коммуни-

[*][15] © *Алексеева Екатерина Алексеевна* – кандидат философских наук, доцент, заместитель декана по учебно-методической работы ГАУГН, Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000–0002–0006–5942. E-mail: eaalekseeva@gaugn.ru

Alekseeva Ekaterina A. – PhD, Associate Professor, Deputy Dean for Educational and Methodological Work, GAUGN, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0000–0002–0006–5942

[**][16] © *Медведев Алексей Олегович* – магистр, Москва, Российская Федерация, ORCID: 0009–0000–4152–7800. E-mail: medlexey@gmail.com

Medvedev Alexey O. – master student, Moscow, Russian Federation, ORCID: 0009–0000–4152–7800

кативные основания научной и экспертной сфер деятельности, выделяя дихотомию дескриптивного и прескриптивного, а также понятие «экспертного перевода» – акта популяризации информации со специального языка на обыденный. Во второй части статьи рассматриваются эпистемические основания науки и экспертизы; особое внимание было уделено классификации знаний по основаниям «что», «почему» и «как», а также практике прогнозирования.

Ключевые слова: экспертиза; экспертное знание; экспертный перевод; различия между наукой и экспертизой; отличия ученого от эксперта.

Abstract. This article explores the relation between the concepts of “scientist” and “expert”, which is particularly relevant in the “post-COVID” period of modernity. The authors propose to classify the concepts based on the characteristic properties of discursive frameworks. A scientist is defined as a subject who has the goal of investigating the reality and gaining new knowledge. An expert is defined as the most competent subject in any sphere, claiming to possess practical experience in applying knowledge in specific situations requiring a highly qualified approach. The first part of the article considers the linguistic and communicative foundations of scientific and expert areas of activity, highlighting the dichotomy of descriptive and prescriptive, as well as the concept of “expert translation” – the act of popularizing information from the specialized language into ordinary language. The second part of the article deals with the epistemic foundations of science and expertise; special attention was paid to the classification of knowledge on the foundations of “what”, “why” and “how”, as well as the practice of prognostication.

Keywords: Expertise; expert knowledge; expert translation; the difference between science and expertise; the difference between a scientist and an expert.

Введение

Слова «ученый» и «наука» вряд ли можно назвать молодыми – выражения из русской классической литературы по типу «науки юношей питают» и «кот ученый» не вызывали у читателей удивления; однако слова «эксперт» и «экспертиза» в русский язык

пришли не так давно: в циркулярах Министерства юстиции эти термины появились только в 1876 г. [Лукошкина, 2018, с. 54]. Также справедливым является заключение, что слово «эксперт» и его производные в европейских языках являются довольно новым, чего нельзя сказать о проблеме экспертности в европейской интеллектуальной традиции.

В диалоге «Менон» Платон поставил вопрос: являются ли «мудрость» и «знание» тождественными понятиями [Платон, 1990, с. 196]? На этом этапе философская традиция обретает очень важную дистинкцию: подлинное знание и социальный статус, ассоциирующийся с обладанием знаниями. Это различие неразрывно связано с проблемой экспертного знания.

Если мы ставим цель выявить эпистемические характеристики экспертности по внутренним и внешним основаниям, отделяющие экспертное знание от научного знания, то необходимой оказывается процедура концептуализации основополагающих понятий, сопутствующих настоящей теме.

Эксперт – субъект, компетентный в высшей степени в рамках сферы, подразумевающей возможность исследования как самой себя в целом, так и собственных структурных элементов.

Экспертное знание – внутридискурсивный набор информации, обладание и способность к оперированию которой наделяет эксперта соответствующим статусом.

Экспертное высказывание / экспертное заключение – передаваемая посредством языка единица информации, входящая в рамки дискурса, к которому причастен эксперт.

Экспертность – эпистемическое свойство, выражаемое в формулировке «быть причастным к экспертизе».

Экспертиза *в узком смысле* – процедура исследования проблемы, конгруэнтной сфере деятельности экспертов; *в широком смысле* – социальный феномен, затрагивающий явления экспертной деятельности.

Языковое и коммуникативное основания

Вопрос о сущности науки актуализировался в философской традиции в XX в., сопровождая проблему демаркации, разработкой которой особенно активно занимался Венский кружок. Кон-

сенсус относительно определения и критериев науки достигнут не был – сегодня наиболее релевантными являются дискуссии о принципиальной возможности такого консенсуса, нежели о его содержании.

Концептуализация же феномена экспертности стала актуальной только в XXI в. В наши дни люди повсеместно сталкиваются с экспертами: видят их по телевидению, ходят к ним на консультации, читают их интервью в новостях.

«Эксперт» на данный момент не является строго фиксированным понятием – определения в словарях разнятся, общественного консенсуса по вопросу дефиниции данного термина также не наблюдается – на это, кстати, отдельно указывает Т. Николс: «И словари здесь мало чем помогут. Большинство людей дают довольно расплывчатое определение термину “эксперт”: для них это люди, обладающие “всесторонним” и “авторитетным знанием”. Но это лишь еще один способ описать людей, чье владение предметом означает, что информация, которую они предоставляют всем остальным, верна, и ей можно доверять» [Николс, 2019, с. 57]. Также Николс отстаивает тезис, согласно которому понятия «эксперт» и «ученый» выступают практически синонимично [Николс, 2019, с. 63], аналогичной позиции придерживается Ю.В. Рахманова [Рахманова, 2021, с. 124]. Однако порой можно встретить и линейный взгляд на данную дистинкцию: «На смену профессиональным сообществам приходят новые страты, претендующие на роль экспертов. Связано это с новыми общественными отношениями в рамках информационного общества, общества знания, общества риска и т.д.» [Рубцова, Мартьянов, Мартьянова, 2013, с. 71].

Поскольку проблема демаркации не имеет окончательного решения, мы вынуждены описать данное положение дел через языковые практики, часто имеющие под собой институциональное основание: физик и экономист могут стать кандидатами наук, однако для некоторых философов научный статус экономики будет спорным. В данной связи наиболее иллюстративно положение дел образования западного типа: там степень доктора философии – PhD – может получить, например, биолог. Очевидно, что биология имеет мало отношения к философии, однако традиционные языковые, «ярлыковые» практики устраняют это «противоречие».

Нам известны ученые – физики, биологи, экономисты и социологи; аналогичным образом мы сталкиваемся с экспертами в сферах биологии, социологии, экономики и физики.

Но если вопрос о том, насколько экономист является ученым, может быть представлен как дискуссионный, то формулировка «эксперт в сфере экономики» вряд ли вызовет у людей претензии аналогичного характера. Некоторые могут посмеяться над подобным выражением, сопроводив свое отношением к нему фразами по типу «знаем мы ваших экспертов: одни говорят одно, другие – другое», но возмущение относительно данной формулировки вряд ли будет нацелено на его содержание – не факт, что экономический эксперт выскажет рекомендацию, которая поможет достичь необходимого результата, но проблемы в том, что экономист может быть экспертом как таковым, очевидно, нет. В этой связи наиболее продуктивным стоит признать некое подобие «конвенциональной установки»: эксперт это тот, кого называют экспертом, признают в качестве эксперта.

Вернёмся к проблеме соотношения понятий «ученый» и «эксперт».

Начнём с того, что наука является сугубо дескриптивной сферой познания.

Рассмотрим высказывание: «при смене температуры с +15° до –15° агрегатное состояние воды сменится с жидкого на твердое». Данное высказывание является научным в силу взаимодополняющих двух причин:

1. Оно опирается на данные науки (в данном случае физики).
2. Оно является описательным.

Теперь рассмотрим другое высказывание: «если вы хотите, чтобы вода оставалась жидкостью при смене температуры с +15° до –15°, то вам стоит поместить под содержащий воду сосуд горелку, обеспечивающую температуру выше 0°».

Данное высказывание опирается на данные науки, но не является научным в силу того, что в нем содержится прескрипция.

Наука – это сфера деятельности, по определению работающая с верифицируемыми данными. Верификация возможна исключительно в области дескрипции. Прескрипции любого рода принципиально не верифицируются и не выводятся из дескрипций: нельзя поставить эксперимент и доказать, что *нужно* подо-

гревать воду; равно как нельзя доказать из факта образования льда, что *необходимо* подогревать воду для достижения жидкого агрегатного состояния. Учёные, таким образом, говорят не о должном, но о сущем.

Но как быть с коммуникативной ситуацией, в рамках которой ученый выдвигает какую-либо рекомендацию? Данная коммуникативная ситуация является точкой смены социальных ролей говорящего: в момент высказывания прескрипции ученый становится экспертом.

Важно оговориться, что экспертный коммуникативный контекст не исключает дескрипций (обратная ситуация невообразима); в этой связи нам стоит обозначить структуру экспертной речи – *прескриптивные высказывания, исходящие из совокупности описательных высказываний*. Следуя данному определению, ранее приведенное высказывание о необходимости подогревания воды при минусовой температуре является экспертным.

Также обратим внимание на то, что в культуре некоторые комплексы информации представлены на труднодоступном для рядового реципиента языке. Возьмём в качестве примера цитату М. Хайдеггера из работы «Бытие и время»: «Разомкнутость конституируется расположением, пониманием и речью и затрагивает равноисходно мир, бытие-в и самость. Структура заботы как *вперед* себя – уже бытия в мире – как бытия при внутримирном сущем хранит в себе разомкнутость присутствия» [Хайдеггер, 1997, с. 220].

Понимание данного фрагмента является затруднительным даже для дипломированных философов (в том числе для тех из них, кто читал «Бытие и время» от первой до последней страницы). Экспертом в данном контексте выступит субъект, который сможет популяризировать информацию для слушателей; например, таким может оказаться автор спецкурса по философии М. Хайдеггера. Если он объяснит значение понятий «разомкнутость присутствия», «бытие-в», «вперед себя» и проч., а также обоснует соответствующие данным понятиям значения, то мы сможем признать его экспертом.

Обратим внимание на два нюанса.

1. Необходимость опоры эксперта на науку (в строгом смысле) не является необходимым условием закрепления статуса: экспертом можно быть и в рамках ненаучных дискурсов.

2. Неотъемлемое свойство эксперта – возможность популяризовать информацию.

Акт популяризаторского перевода информации со специального языка на обыденный мы назовем *экспертным переводом*.

Экспертный перевод обнаруживает себя в самых разнообразных коммуникативных ситуациях: например, во время объяснения оснований квантовой механики или теории относительности в видео на YouTube; на университетской лекции в рамках курса феноменологии; при объяснении взаимосвязей, вытекающих из собранных социологических данных, полученных из опросов, и т.д. В данной связи Д.К. Маслов отмечал: «<…> только благодаря экспертам представители широкого, неэкспертного сообщества могут получить доступ к научному знанию» [Маслов, 2020, с. 67].

Эксперт в информационном аспекте делает недоступное доступным. Причём, к сфере недоступного необязательно должна относиться наука – в ней могут оказаться самые разные пласты культуры.

Эпистемические основания

М.С. Ивченкова и А.А. Кошелев обратили внимание на одно из важнейших свойств экспертности: «Традиционно понятие “экспертное знание” рассматривается как компетентное заключение или рекомендация специалиста в рамках прикладной исследовательской деятельности или накопленного опыта относительно той или иной проблемной ситуации, причин ее возникновения и сценариев развития. Экспертность рассматривается в науке и практике как качество индивида, основанное на профессиональном знании, что позволяет ему влиять на процессы принятия управленческих и политических решений. Иными словами, речь идет об обладании экспертом власти, основанной на знании» [Кошелев, Ивченкова, 2022, с. 37].

В этой связи полезно различить три типа знаний:

1. Know-how (знать *как*): практическое знание о том, как правильно и продуктивно делать *нечто*.

2. Know-why (знать *почему*): «процедурное» знание процессов, состоящих из двух или более фактов, подразумевающее установление и объяснение «каузальных» связей между фактами.

3. Know-what (знать *что*): знание фактов.

Обратим внимание на то, что каждый из приведенных типов знания предполагает разный уровень достоверности:

«Знать что» – самый достоверный уровень, поскольку его источником может выступать непосредственное наблюдение атомарных фактов. Для утверждения или отрицания факта «сейчас идет дождь» достаточно выглянуть в окно.

«Знать почему» имеет средний уровень достоверности по причине того, что структура каузальности во многом обусловлена совокупностью опыта субъекта. Также проблематичной достоверность знаний этого типа делают философские основания: если мы скажем, что камень упал на землю, потому что на него воздействовала сила тяготения, то нам могут возразить, что физические законы – продукт интеллектуального труда человека, социальный конструкт. Это (во всяком случае отчасти) будет легитимным возражением, поскольку абстрактность факторов, через которые осуществляется объяснение, действительно влияет на достоверность повествования в эпистемическом аспекте. Наиболее иллюстративным будет следующий пример: политолог *x* объясняет определенный комплекс событий в государстве N через модель, согласно которой граждане N являются социальной прослойкой с низким уровнем готовности к применению насилия; в то же время политолог *y* объясняет тот же самый комплекс событий с позиции исторического материализма. Законы природы и теоретические модели из сферы политологии в равной степени являются абстракциями. Физическое объяснение оказывается более достоверным исключительно в силу того, что законы природы могут быть сфальсифицированы «более однозначно». В этой связи Н.Н. Талеб отмечал следующее: «Зная все возможные характеристики физической системы, теоретически <…> можно предсказать ее поведение в будущем. Но это касается только неодушевленных объектов. Как только в нашу систему привносится “человеческий фактор”, все пророчества идут насмарку. Это совершенно другая задача: предсказывать будущее для системы, элементами которой являются люди, конечно, если вы исходите из того, что они *живые* и об-

ладают *свободой выбора*» [Талеб, 2019, с. 304]. Оспорить в связи с этим можно исключительно то, что свойства людей «быть живыми» и «обладать свободой выбора» не являются принципиальными для данной проблемы: при истинности строгого детерминизма в инкомпатибилистской парадигме взаимодействие через оптику «know-why» с системами, включающими социальный фактор, не становится более простой задачей.

Наконец, «знать как» выходит за рамки достоверности, поскольку оно может быть реализовано исключительно в рамках перформативной практики. Высказывание «я знаю, как завязывать шнурки» синонимично высказыванию «в любой момент я могу завязать шнурки». Сфера достоверности know-how – это постоянная демонстрация его содержательных процедур. Довериться «знанию как» значит стать наблюдателем его реализации и лично убедиться в успехе.

Исходя из данной дистинкции, можно разделить исследовательские дисциплины на теоретические и практико-ориентированные, т.е. на сугубо описательные и существующие для построения прескриптивных моделей.

Теоретические дисциплины (физика, генетика…) опираются на know-what и know-why, практические дисциплины (экономика, прескриптивное языкознание…) также включают в себя по меньшей мере претензию на know-how.

Know-how в междисциплинарном аспекте может иметь как теоретическое, так и произвольное основание. Примером первой ситуации может выступить ряд экономических реформ, который опирается на статистические данные, интерпретацию исторических фактов и метаанализ; пример второй ситуации – орфоэпические нормы литературного русского языка.

В ряду первых дисциплин мы можем сделать ряд открытий о мире, описать их с той или иной степенью успеха, но никакая из представительниц данного круга дисциплин, например физика, никогда не скажет нам, что в связи с этими открытиями нужно делать. Конечно, физическое знание может быть подспорьем в процессе осуществления некого «проекта» – например, в постройке Большого адронного коллайдера, но из самой по себе физики не следует, что обществу обязательно нужно строить такой коллайдер, в то время как открытия в сфере, например, экономики не мо-

гут быть признаны открытиями в том же смысле, коими являются физические открытия: все так называемые «законы экономики» весьма умозрительны, об их статусе и легитимности многие столетия спорят различные интеллектуальные деятели. Также примечательно то, что «экономические открытия» часто содержат в себе прескриптивный компонент: если дела обстоят *x*-образом, то нужно поступать *p*-образно, если мы хотим избежать положения *y* на рынке, то нужно ограничивать действия агентов *b* при помощи *q*-методов.

Know-how, таким образом, – прерогатива экспертизы. Отметим разницу между знанием о том, как завязать шнурки, и представлением о том, как провести ряд экономическим реформ таким образом, чтобы все поставленные цели были достигнуты, и при этом мы бы не угодили в ловушку Байеса, например «случайно реформировав» что-то помимо нашего желания, ведь экономика – это очень сложная система, и при планировании мы никогда не можем учесть всех косвенных переменных в аспекте их взаимосвязей, чего нельзя сказать о процедуре завязывания шнурков.

Итак, знание физика и знание экономиста – разные типы знаний. Конечно, не стоит обходить вниманием и тот факт, что среди физиков также возможны дебаты, но эти дебаты в основном направлены на основания разного рода гипотез – на уровне аксиоматики и легитимности содержания большинства теорий в физике установлен строгий консенсус. В то же время дебаты, например, марксистов и сторонников Австрийской экономической школы зачастую стопорятся на том, существуют ли в природе производственные отношения и какую они играют роль (если играют вообще). При этом общемировая тенденция к междисциплинарному подходу делает оба приведенных коммуникативных акта экспертными, на что указывали И.О. Щедрина и Е.П. Журавель: «Экспертиза становится сегодня междисциплинарной прежде всего в силу прикладнизации научных исследований. В центре внимания ученых оказывается не природа сама по себе, но человекоразмерный технологический мир, созданный ими самими. Он постоянно бросает ученым вызов, исключая планомерное саморазвитие науки и заставляя их откликаться на социальный запрос» [Щедрина, Журавель, 2022, с. 565].

Обратим внимание на еще один важный элемент экспертизы – прогнозирование, под которым мы будем понимать *процесс построения теоретических моделей, для содержательных элементов которых предполагается сущностная реализация в будущем*.

С.В. Пирожкова объясняет, как именно прогнозы стали неотъемлемой частью экспертной практики: «Развитие технологического прогнозирования стало стимулом для развития более широкого направления – социального прогнозирования, которое вовлекало в свое поле еще несколько тематических направлений, главное из которых – экономическое прогнозирование. Так начала складываться междисциплинарная научная область – прогнозирование, дифференцированное прежде всего в зависимости от того, будущее каких объектов надо исследовать: природных или тех, что возникают и существуют в рамках социального бытия» [Пирожкова, 2016, с. 112–113].

Прогнозирование дескриптивно, опирается на «знание почему» и «знание как». Прогноз имманентно подразумевает понимание осуществляющим его субъектом каузальных связей между рядом переменных; в обратном случае речь идет не о прогнозах, а о предсказаниях. Таким образом, другое принципиальное отличие прогноза от предсказания – обоснованность следования заключений из посылок – исходит из подобия «логической нормативности».

Высказывание «я вижу будущее: завтра пойдет дождь» является предсказанием, а высказывание «с запада на Москву надвигается циклон, ожидаются дожди» – прогнозом. Объединяет предсказание и прогноз то, что каждый из этих актов имеет статус предположения.

Выносящий прогноз субъект неизбежно примеряет на себя роль эксперта. Даже если самый именитый и заслуженный ученый в мире предупреждает человечество об опасности столкновения с Землёй астероида Апофис в 2036 г., он делает уже не научное, но экспертное высказывание. Аналогичным образом это распространяется на апофатические прогнозы: заявление о невозможности столкновения астероида с Землёй также будет экспертным.

Заключение

Проблема конвенционального определения понятия «эксперт» на данный момент не является решенной. Многообразие определений (как словарных, так и авторских), по всей видимости, обусловлено дискуссионным статусом природы феномена экспертизы – по аналогии с проблемой дефиниции понятия «наука».

При этом часть исследователей придерживается установки тождества между понятиями «ученый» и «эксперт». Данное тождество сложно признать легитимным по причине того, что эксперт делает прескриптивные высказывания, которые по определению не могут быть признаны научными. «Эксперт», таким образом, оказывается дискурсивной ролью, «социальным предикатом» – ученый может на некоторое время стать экспертом, но тогда он будет выносить не научные высказывания, а, в лучшем случае, обоснованные с научной точки зрения экспертные высказывания. Коммуникативный аспект, отделяющий эксперта от ученого, – *экспертный перевод,* т.е. популяризация внутридискурсивной информации посредством ее передачи на обыденном языке.

Также важной составляющей экспертной практики является прогнозирование – построение модели «будущего», обоснованной через научные данные.

Список литературы

Кошелев А.А., Ивченкова М.С. Экспертное знание как социальный феномен: теоретико-методологический анализ // Наука. Культура. Общество. – 2022. – № 4 – С. 36–43.

Лукошкина С.В. К вопросу о понятии эксперта как участника уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2018. – № 1 – С. 52–60.

Маслов Д.К. Проблема доверия экспертному знанию // Вестник Томского университета. – 2020. – № 453 – С. 63–70.

Николс Т. Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания. – Москва : Эксмо, 2019. – 368 с.

Пирожкова С.В. Предсказание, прогноз, сценарий: к вопросу о разнообразии результатов исследования будущего // Философия науки и техники. – 2016. – № 2. – С. 111–129.

Платон. Менон / Платон. Собрание сочинений : в 4 т. – Москва : Мысль, 1990. – Т. 1. – 860 с.

Рахманова Ю.В. Обесценивание экспертного знания в образовательной среде // Известия РГПУ им А.И. Герцена. – 2021. – № 201. – С. 124–132.

Рубцова М.В., Мартьянов Д.С., Мартьянова Н.А. Профессиональные и экспертные сообщества как субъекты управления в контексте общества знания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2013. – № 1. – С. 69–74.

Талеб Н.Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. – Москва : КоЛибри, 2019. – 736 с.

Хайдеггер М. Бытие и время. – Москва : AdMorginem, 1997. – 452 с.

Щедрина И.О., Журавель Е.П. Какой эксперт для науки ценен? (К вопросу о типологических характеристиках экспертного знания) // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2022. – № 4 – С. 562–571.

References

Heidegger M. *Being and Time* – Moscow : Ad Morginem, 1997. – 452 p.

Koshelev A.A., Ivchenkova M.S. *Expert knowledge as a social phenomenon: theoretical and mythodological analysis* // Science. Culture. Society. – 2022. – N 4. – P. 36–43. (In Russ.)

Lukoshkina S.V. *On the question of the concept of an expert as a participant in criminal proceedings* // Siberian criminal procedure and forensic readings. – 2018. – N 1. – P. 52–60. (In Russ.)

Maslov D.K. *The problem of trust in expert knowledg*e // Bulletin of the Tomsk University. – 2020. – N 453 – P. 63–70. (In Russ.)

Nichols T. *The death of expertise: how the Internet kills scientific knowledge* – Moscow : Eksmo, 2019. – 368 p. (In Russ.)

Pirozhkova S.V. *Prediction, forecast, scenario: on question about diversity of prognostic research's results* // Philosophy of science and technology. – 2016. – N 2. – P. 111–129. (In Russ.)

Plato. *Meno* // Plato. Collected works in 4 volumes. T. 1. – Moscow : Thought, 1994. – 860 p. (In Russ.)

RakhmanovaYu.V. *DEVALUATION OF EXPERT KNOWLEDGE IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT* // Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. – 2021. – N 201. – P. 124–132. (In Russ.)

Rubtsova M.V., Martyanov D.S., Martyanova N.A. *Professional and expert communities as subjects of management in the context of the knowledge society* // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. – 2013. – N 1. – P. 69–74. (In Russ.)

Shchedrina I.O., Zhuravel E.P. *What kind of expert is valuable for science? (On the issue of typological characteristics of expert knowledge)* // Bulletin of St. Petersburg State University. Philosophy and conflictology. – 2022. – N 4. – P. 562–571.

Taleb N.N. *The Black Swan. Under the sign of unpredictability.* – Moscow : Kolibri, 2019. – 736 p.

УДК 004.8 DOI 10.31249/scis/2023.03.06

Ерёмина А.А.[*] [17], **Алексеев А.Ю.**[**] [18]

ДИЗЪЮНКТИВНЫЙ СКЕПТИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ В МЕТАВСЕЛЕННОЙ. ДОВЕРИТЕЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА ЦИФРОВОГО ДВОЙНИКА

Eryomina A.A., Alekseev A.Yu.

A DISJUNCTIVE SKEPTICAL ARGUMENT IN THE METAVERSE. THE CONFIDENCE PROBLEM OF A DIGITAL DOUBLE

Аннотация. В 2021 г. Microsoft, Epic Games и Facebook заявили о создании собственных метавселенных. В статье представлено междисциплинарное рассмотрение метавселенной, изучен набор характеристик метавселенной и обозначены ее основные отличия от игр. Основным вопросом исследования является доверительная проблема цифрового двойника в метавселенной. В работе данная проблематика затрагивается с точки зрения дизъюнктивно скептического аргумента и его применимости в Metaverse. Скептический аргумент французского философа Рене Декарта составляет философскую основу доверительной проблемы. Продолжением скептического аргумента является мысленный экспери-

[*][17] © *Ерёмина Анастасия Александровна* – выпускница магистратуры ГАУГН, Москва, Россия, philosophygaugn2021@gmail.com

[**][18] © *Алексеев Андрей Юрьевич* – доктор философских наук, профессор, ученый секретарь и координатор научных программ Научного совета при Президиуме РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований (НСМИИРАН), профессор Учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук Московского физико-технического института (национального исследовательского университета) (МФТИ), профессор кафедры философии науки и техники философского факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия, OSD – aa65@list.ru

мент Х. Патнэма «мозги в бочке», где скептическая составляющая аргумента Р. Декарта остается, но меняется содержание. Причинами возникновения доверительной проблемы стали технологии создания цифрового двойника, позволяющие выбрать абсолютно любую внешность и биографию для своего аватара. Доверяя системам с искусственным интеллектом, мы доверяем разработчикам и технической поддержке. В ситуации с созданием цифрового двойника вопрос доверия смещается на создателя, который является личностью.

Ключевые слова: метавселенная; доверительная проблема; цифровой двойник; аватар; дизъюнктивный скептический аргумент.

Abstract. In 2021, Microsoft, Epic Games and Facebook announced the creation of their own meta-universes. The paper presents an interdisciplinary consideration of meta-universe, examines a set of meta-universe characteristics and outlines its main differences from games. The main research question is the trust problem of the digital twin in the meta-universe. The paper addresses this issue from the perspective of the disjunctively skeptical argument and its applicability in the Metaverse. The skeptical argument of the French philosopher René Descartes forms the philosophical basis of the trust problem. The continuation of the skeptical argument is H. Putnam's mental experiment “brains in a barrel”, where the skeptical component of R. Descartes' argument remains, but the content changes. The reasons for the trust problem are the technologies for creating a digital double, allowing one to choose absolutely any appearance and biography for one's avatar. When trusting artificial intelligence systems, we trust the developers and technical support. In the situation of digital twin creation, the issue of trust shifts to the creator, who is a person.

Keywords: metaverse; confidence problem; digital double; avatar; disjunctive skeptical argument.

Термин «метавселенная» относится к виртуальному общему пространству, которое создано для полного погружения и совместного интерактивного опыта. В метавселенной пользователи могут взаимодействовать друг с другом в реальном времени,

участвовать в широком спектре мероприятий и событий, а также создавать и настраивать свои собственные виртуальные среды.

Авторство термина принадлежит Нилу Стивенсону. В романах Н. Стивенсона метавселенная – это вымышленный мир, который существует наряду с нашей реальностью. Она может быть создана людьми, искусственным интеллектом или же возникнуть самопроизвольно благодаря некоторым физическим или математическим законам. В метавселенной могут существовать совершенно иные законы физики, логики и математики, чем в нашем мире.

В романе «Лавина» метавселенная играет ключевую роль в сюжете и представляет собой виртуальное пространство, в котором персонажи взаимодействуют друг с другом. Метавселенная изображена как полностью погруженный виртуальный мир, доступ к которому осуществляется через устройство под названием «Metaverse Interface», или «MVI». MVI – гарнитура, которая позволяет пользователям войти в метавселенную и ощутить ее так, как будто они физически присутствуют в ней. Метавселенная представляет собой огромную, взаимосвязанную сеть виртуальных пространств, которые принадлежат различным корпорациям и организациям и управляются ими. В метавселенной пользователи могут создавать аватары – виртуальные образы самих себя, которые можно настроить как угодно. Можно принять облик животных, предметов и даже других людей.

Идеи о виртуальном мире были у французского философа Жана Бодрийяра, который в работе «Символический обмен и смерть» предложил термин «гиперреальность» – пространство, в котором реальность и симуляция интегрированы настолько органично, что становятся неотличимы друг от друга: «Сегодня вся система склоняется к недетерминированности, любая реальность поглощается гиперреальностью кода и симуляции. Именно принцип симуляции правит нами сегодня вместо прежнего принципа реальности. Целевые установки исчезли, теперь нас порождают модели. Больше нет идеологии, остались одни симулякры» [Бодрийяр, 2011, с. 44].

Также стоит отметить, что метавселенная не равняется видеоиграм и не является их синонимом. Хотя видеоигры и метавселенная имеют некоторые общие черты, между ними есть несколь-

ко ключевых различий. Видеоигры обычно предназначены для самостоятельного прохождения, игроки следуют заранее определенному сюжету и взаимодействуют с игровым миром в рамках заранее установленных правил. Игровой мир обычно ограничен по объему и рассчитан на прохождение в течение определенного времени. Метавселенная, напротив, является гораздо более открытым и обширным виртуальным миром, рассчитанным на более длительный период времени. Метавселенная создана для совместного опыта, где пользователи взаимодействуют друг с другом в режиме реального времени и формируют виртуальный мир своими действиями и взаимной коммуникацией.

Также стоит отметить, что метавселенная не равняется видеоиграм и не является их синонимом [Болл, 2023, с. 63]. Хотя видеоигры и метавселенная имеют некоторые общие черты, между ними есть несколько ключевых различий. Видеоигры обычно предназначены для самостоятельного прохождения, игроки следуют заранее определенному сюжету и взаимодействуют с игровым миром в рамках заранее установленных правил. Игровой мир обычно ограничен по объему и рассчитан на прохождение в течение определенного времени. Метавселенная, напротив, является гораздо более открытым и обширным виртуальным миром, рассчитанным на более длительный период времени. Метавселенная создана для совместного опыта, где пользователи взаимодействуют друг с другом в режиме реального времени и формируют виртуальный мир своими действиями и взаимной коммуникацией.

Метавселенная способна изменить то, как люди работают, общаются, учатся и играют, и может оказать глубокое влияние на многие аспекты жизни общества. Однако разработка полностью реализованной метавселенной все еще находится на ранней стадии, и для того чтобы она стала реальностью, необходимо решить множество технических, социальных и этических проблем, одной из которых является доверительная проблема цифрового двойника.

Современная культура и научно-технологический прогресс формируют новое онтологическое измерение – цифровое. В связи с этим сегодня актуализируется проблема цифрового двойника, связанная с возможностью создания точной копии человека в цифровой форме. С развитием технологий виртуальной и дополненной реальности, создание цифровых двойников становится все более

реалистичным, а при допущении более простых критериев того, что можно считать двойником уже состоявшимся.

Тем самым, проблема цифрового двойника имеет отношение к общефилософской проблеме двойника, возникают аналогичные вопросы о тождественности личности и сохранения индивидуальности при наличии такого цифрового двойника. Если человек может иметь точную цифровую копию, то как можно определить, являются ли они разными существами или же они являются одним и тем же существом в разных формах?

Также возникает вопрос о том, как цифровой двойник может влиять на наше социальное взаимодействие и наше сознание. Может ли цифровой двойник иметь какие-либо автономные свойства и воздействовать на наши мысли и решения?

В метавселенной Н. Стивенсона главный герой существует в качестве аватара, который описан следующим образом: «Разумеется, перед ним не реальные люди. Всё это часть анимированной интерактивной картинки, нарисованной его компьютером согласно спецификациям, сгруженным по оптоволоконному кабелю. Люди здесь – программы, называемые “аватары”. Этими аудиовизуальными “телами” люди пользуются для общения в метавселенной... Ваш аватар может выглядеть, как угодно, его ограничивают только возможности вашего компьютера. Если вы безобразны, аватар можете сделать красивым. Если вы только что встали с постели, ваш аватар все равно стильно одет, и макияж наложен профессионально» [Стивенсон, 2022, с. 48–49].

В метавселенной человек обычно представлен в виде цифрового двойника, который является виртуальной репрезентацией его физического «я». Этот цифровой двойник, по сути, является цифровым аватаром, который выглядит и ведет себя как человек, которого он представляет, и может быть настроен и персонализирован, чтобы отражать индивидуальные предпочтения и стиль пользователя.

Цифровой двойник может быть создан на основе нашей цифровой информации, такой, как данные о нашей личности, поведении и предпочтениях, которые мы оставляем в Интернете. Современный Интернет предоставляет для этого целый ряд средств: профили в социальных сетях, аккаунты в приложениях, контекстная реклама и другие уже являются прототипами наших цифровых

двойников. Таким образом, возникает вопрос о том, в какой степени наш цифровой двойник может отображать нашу реальную личность, и какие следствия влекут за собой противоречия между нашей личностью и ее цифровым двойником. Кроме того, также возникает проблема приватности и безопасности: кто управляет нашим цифровым двойником и контролирует его, как это может повлиять на нашу свободу и автономию.

Проблему цифрового двойника мы можем охарактеризовать и с точки зрения его онтологического и эпистемологического статуса. Онтологический статус цифрового двойника может быть рассмотрен как новый тип сущности, который возникает в результате создания и хранения нашей цифровой информации в Интернете. Он может быть рассмотрен как отдельный объект, который существует параллельно с нашей реальной личностью и способен иметь свои собственные характеристики и свойства.

Однако, в то же время, онтологический статус цифрового двойника может быть также рассмотрен как спорный вопрос, поскольку его существование зависит от того, как мы определяем понятие личности и идентичности; здесь и представляют особую ценность семантики возможных миров. Мы вправе отрицать возможность существования цифрового двойника как отдельной сущности, утверждая, что он может быть рассмотрен только как часть нашей реальной личности и не может иметь независимого онтологического статуса, представляя собой особый тип организации материи, которая является, говоря в терминах М. Хайдеггера, разновидностью «подручного» мира, в который погружен человек. Таким образом, онтологический статус цифрового двойника остается предметом дискуссии в философских кругах.

Эпистемологический статус цифрового двойника может быть рассмотрен в контексте того, как мы получаем знания о нем и как мы можем оценить его достоверность и значимость. В этом контексте цифровой двойник может быть рассмотрен как новый источник информации о нашей личности и поведении, который может быть использован для различных целей, в том числе и не только философских: таких, как улучшение нашего опыта в Интернете, персонализация рекламы и т.д.

Однако эпистемологический статус цифрового двойника также способен быть спорным вопросом, поскольку познаватель-

ная ценность может быть поставлена под сомнение. Например, цифровой двойник, вероятно, содержит ошибочную информацию, которая была собрана автоматически или была предоставлена нами в неправильном контексте, учитывая, что те виртуальные платформы, на которых он реализуется, находятся за пределами возможности нашего контроля.

Цифровой двойник – это не просто статичное изображение пользователя, а его интерактивное и динамичное присутствие в виртуальном мире. Он может передвигаться, взаимодействовать с другими объектами и сущностями в виртуальном мире и участвовать в широком спектре возможных действий.

Одним из ключевых преимуществ цифрового двойника является то, что он позволяет пользователям взаимодействовать с метавселенной более естественным и интуитивным образом, используя движения своего тела и естественные жесты для управления и взаимодействия со своим аватаром. Это может создать более захватывающий и увлекательный опыт, заставить пользователя более полно ощутить свое присутствие в виртуальном мире.

В целом цифровой двойник является ключевым компонентом метавселенной, позволяя пользователям взаимодействовать с виртуальным миром более естественным и интуитивным образом, а также создавая ощущение присутствия и связи, что очень важно для метавселенной.

Цифровой двойник может быть создан по следующим критериям:

- самим человеком, и быть точной его копией;
- одним человеком по характеристикам другого;
- самим человеком, и при этом совершенно ему не соответствовать, т.е. создатель может выбрать для него любую биографию и любую внешность, но идентифицировать с собой.

Цифровой двойник имеет огромный потенциал для различных приложений, начиная от медицины и образования и заканчивая маркетингом и развлечениями. Однако возникает вопрос о проблеме доверия к цифровому двойнику как отражению настоящей личности [Lekertun, 2018, p. 37–44]. Поэтому дальнейшему рассмотрению будет подвержена доверительная проблема и дизъюнктивный скептический аргумент в метавселенной.

Проблема доверия и скепсиса затрагивалась многими философами в различных вопросах в истории философии.

Скептический аргумент Р. Декарта – это философская концепция, призывающая к сомнению в любом утверждении, которое не может быть доказано совершенно точно. Этот аргумент играл ключевую роль в философии Рене Декарта, основателя современной западной философии, и был тщательно изучен и рассмотрен им [Декарт, 1994, с. 3–73].

Согласно скептическому аргументу Декарта, мы не можем доверять никакому знанию, которое можно получить из опыта. Декарт представлял себе, что возможна ситуация, когда мы существуем в мире, созданном демоном-обманщиком, который обманывает нас, создавая иллюзии реальности. Демон может создать такую жизнь и окружение, которые будут выглядеть для нас совершенно реальными, но на самом деле не будут соответствовать действительности.

Рене Декарт, основоположник современной философии, изложил скептический аргумент в своей книге «Размышления о первой философии». Аргумент Р. Декарта основывается на том, что мы можем сомневаться во всем, кроме факта существования нашего мышления. Следовательно, мы не можем точно знать, что цифровой двойник, созданный другими людьми, может иметь те же самые мысли и чувства, что и оригинал.

Следовательно, мы не можем быть уверены в том, что окружающий нас мир и все, что в нем происходит, действительно существует в реальности.

Аргумент философа начинается с предположения, что все, что мы видим, слышим, осязаем и чувствуем, может быть обманчивым и ложным. Например, мы способны видеть галлюцинации, слышать звуки, которых на самом деле нет, ощущать беспочвенные страхи и т.д. Р. Декарт пришел к выводу, что мы не можем полагаться на свои чувства и восприятия, чтобы установить истинность того, что мы считаем знанием.

Французский философ предложил метод сомнения, чтобы попытаться решить проблему неопределенности истины. Метод сомнения предполагает, что мы должны сомневаться во всем, что мы ранее считали истинным, и начинать строить наше знание с нуля. В конечном итоге Рене Декарт пришел к выводу, что един-

ственная истинность, на которую мы можем положиться, это то, что мы существуем в качестве мыслящей субстанции «Cogito, ergo sum» («Я мыслю, значит, я существую»): «Под словом мышление (cogitatio) я разумею все то, что происходит в нас таким образом, что мы воспринимаем его непосредственно сами собою; и поэтому не только понимать, желать, воображать, но также чувствовать означает здесь то же самое, что мыслить. Ибо ведь если скажу "я вижу" или "я иду" и сделаю отсюда вывод, что "я существую", и буду разуметь действия, совершаемые моими глазами или ногами, то заключение не будет настолько непогрешимым, чтобы я не имел основания в нем сомневаться, так как я могу думать, что вижу или хожу, хотя бы я не открывал глаз и не трогался с места, как бывает подчас во сне и как могло бы быть даже, если бы я вовсе не имел тела. Если же я подразумеваю только действие моей мысли или моего чувства, иначе говоря, мое внутреннее сознание, в силу которого мне кажется, будто я вижу или хожу, то заключение настолько правильно, что я в нем не могу сомневаться, ибо оно относится к душе, которая одна лишь способна чувствовать и мыслить каким бы то ни было образом» [Декарт, 1989, с. 439].

Р. Декарт считал, что восприятие окружающего мира нашими чувствами не является надежным источником знания. Он сомневался даже в реальности того, что мы видим и ощущаем в своем собственном теле.

Важным является и аргумент Х. Патнэма, который представлен в виде мыслительного эксперимента «Мозги в бочке». Суть эксперимента заключается в том, что злой ученый извлекает мозг человека из тела и помещает его в чан с поддерживающей жизнь жидкостью, затем подключает его нейроны проводами к суперкомпьютеру, обеспечивающего электрическими импульсами, которые похожи на те, что поступают в мозг из окружающей среды: «Представим себе, что человеческое существо (допустим, вы сами) подверглось операции, сделанной злодеем-ученым. Ваш мозг был отделен от тела и помещен в бочку с питательным раствором, поддерживающим этот мозг живым. Нервные окончания были присоединены к некоему супернаучному компьютеру, поддерживающему у той личности, которой принадлежит этот мозг, полную иллюзию, что все в порядке» [Патнэм, 2002, с. 18].

Таким образом, действия компьютера создают ощущения виртуальной реальности, недостижимые в нашем мире и внутри его пределов. Компьютер создает «реальную иллюзию», что никакой операции не было, мозг обладает телом и жизнь носителя не изменилась. Этот пример может служить опровержением для тех, кто считает, что жизнь в метавселенной не отличается от настоящей. Смоделируем ситуацию: я могу наблюдать за цветами в реальности и в метавселенной, ходить в библиотеку, смотреть на дерево. Всё идентично, кроме того, что в метавселенной я не могу почувствовать запах цветка и потрогать обложку книги. В современном мире существуют технологии n-D, которые позволяют чувствовать запахи и природные явления, например, дождь. Так что в данном случае, различий становится все меньше.

Мысленный эксперимент Х. Патнэма – усовершенствованная версия Декартовского Демона: «Итак, я сделаю допущение, что не всеблагой Бог, источник истины, но какой-то злокозненный гений, очень могущественный и склонный к обману, приложил всю свою изобретательность к тому, чтобы ввести меня в заблуждение: я буду мнить небо, воздух, землю, цвета, очертания, звуки и все вообще внешние вещи всего лишь пригрезившимися мне ловушками, расставленными моей доверчивости усилиями этого гения; я буду рассматривать себя как существо, лишенное рук, глаз, плоти и крови, каких-либо чувств: обладание всем этим, стану я полагать, было лишь моим ложным мнением; я прочно укореню в себе это предположение, и тем самым, даже если и не в моей власти окажется познать что-то истинное, по крайней мере, от меня будет зависеть отказ от признания лжи, и я, укрепив свой разум, уберегу себя от обманов этого гения, каким бы он ни был могущественным и искусным. Однако решение это исполнено трудностей, и склонность к праздности призывает меня обратно к привычному образу жизни. Я похож на пленника, наслаждавшегося во сне воображаемой свободой, но потом спохватившегося, что он спит: он боится проснуться и во сне размягченно потакает приятным иллюзиям; так и я невольно соскальзываю к старым своим представлениям и страшусь пробудиться – из опасения, что тяжкое бодрствование, которое последует за мягким покоем, может не только не привести меня в будущем к какому-то свету, но и ввергнуть меня в непроглядную тьму нагроможденных ранее трудностей» [Декарт,

1994, с. 3–73]. Единственное, чему мы можем доверять, является способность мыслить. Можно сделать вывод, что в таком случае мы должны подвергать сомнению в целом концепцию цифрового двойника, так как он сам не обладает мышлением.

Концепция Р. Декарта и Х. Патнэма в нашем исследовании кажется наиболее близкой для дальнейшего рассмотрения.

Цифровой двойник – это создание точной копии личности, которая может существовать в цифровом пространстве. Цифровой двойник может использоваться в различных целях, включая управление личными данными, проведение тестов, прогнозирование поведения пользователя и т.д. Кроме того, он может использоваться для приватных коммуникаций, методов аутентификации и идентификации пользователей, основанных на биометрических данных.

Декартовский скептицизм представляет собой серьезную проблему для концепции цифровых двойников. Он указывает на необходимость более глубокого изучения проблемы, связанной с доверительной проблемой цифровых двойников. Для того чтобы эффективно использовать цифровых двойников, необходимо разработать более точные и действенные методы создания и оценки их достоверности.

С аргументом можно связать понятие цифрового двойника, т.е. создание точной копии личности, которая может существовать в цифровом пространстве и обладать доступом к нашим личным данным. В качестве примера можно привести виртуальных помощников, таких как Siri от Apple или Alexa от Amazon (возможно, есть смысл написать на русском название ассистентов, ввиду распространенности, – Сири и Алекса, соответственно).

Однако концепция цифрового двойника также включает концепцию доверия и сомнений по поводу этого доверия. Мы можем доверять своим цифровым двойникам, но это доверие значительно ослаблено тем, что информация предоставляется через сторонние приложения и сервисы и может быть подвергнута риску нарушения безопасности и конфиденциальности.

Однако существует ряд проблем, связанных с цифровым двойником, которые могут вызвать сомнения в его достоверности и доверительности. Во-первых, как правило, для создания цифрового двойника требуется большое количество данных, которые

позволяют создать его профиль и определить его характеристики и поведение. Эти данные часто хранятся на сторонних сервисах и приложениях, которые могут стать объектом кибератак, что способно привести к утечке персональной информации.

Во-вторых, существуют проблемы с защитой данных, которые были использованы для создания цифрового двойника. Если эти данные будут скомпрометированы, то цифровой двойник может быть подвержен угрозам безопасности и, следовательно, не будет защищать пользовательские интересы.

В-третьих, существуют сложности с доверительной проблемой, связанной с возможностью контроля и обработки данных цифрового двойника. Из-за своей сложности и сути, процессы, связанные с цифровым двойником, могут быть непонятными для пользователей. Это может вызывать опасение, что такие процессы имеют вероятность быть подверженными инженерным вмешательствам, обману или любому другому виду злоупотребления со стороны создателя цифрового двойника.

Скептический аргумент Р. Декарта связан с более общими вопросами о доверии в реальности и концепции знания. Р. Декарт утверждал, что мы способны сомневаться в нашем знании, потому что не можем быть уверены в том, правильно ли связываем внешние факторы со своей собственной реальностью. В то время как демон Декарта может быть абстрактным существом, его обобщенное представление реально применить к идее цифрового двойника.

В эпоху цифрового двойника важно осознать риски, связанные с созданием и использованием цифровых двойников. Реализация цифрового двойника бывает полезной, но ее использование может вызвать опасения и поставить вопросы о злоупотреблении личной информацией. Скептический аргумент Р. Декарта предлагает философическую основу для этих опасений и вызовов, предоставляя дополнительную аргументацию и мотивацию для анализа таких проблем [Rysiew, 2019, p. 3993–4023].

Следует отметить, что концепции цифрового двойника и скептического аргумента Декарта существенно различаются в своей сути. В частности, цифровой двойник относится к вопросам доверия в цифровом мире, тогда как скептический аргумент Рене Декарта имеет более глобальное значение и может быть применен ко всему миру и к нашему сознанию.

Дизъюнктивный скептический аргумент остается актуальным и в метавселенной. Только место «злого демона» Рене Декарта и «суперкомпьютера» Хилари Патнэма занимает сам человек, который создает цифрового двойника. Цифровой двойник, или цифровой клон, аватар, представляет собой цифровое воплощение настоящего человека, которое может имитировать его поведение, мышление и эмоции. Он создается на основе обширных данных о человеке, собранных из различных источников, таких как социальные сети, мобильные приложения и устройства, носимые технологии и т.д.

В своем скептическом аргументе Рене Декарт отмечал, что у нас нет никакой возможности выйти за рамки нашего сознания. Мы не можем знать, что происходит за его пределами, а потому должны считать все, что происходит в нашем сознании, лишь результатом воздействия внешних факторов. Таким образом, создание цифрового двойника может быть рассмотрено как дополнительный фактор, вызывающий сомнения в достоверности нашего сознания и реальности. Что, в принципе, и происходит при росте количества времени, проведенного в метавселенной.

Развитие скептицизма Декарта в контексте цифровой технологии состоит в том, что мы не можем быть уверены в том, что цифровой двойник действительно имеет такие же мысли и чувства, что и оригинал, и мы должны подвергать сомнению все действия, совершаемые кем-либо в метавселенной, потому что всегда остается открытым вопрос, кто является создателем цифрового двойника. Цифровые двойники могут быть программированы таким образом, чтобы они выглядели и действовали как оригинал, но это не означает, что они имеют такие же внутренние процессы.

Дизъюнктивный скептический аргумент – аргумент, связанный с вероятной потерей доверия к сколь-либо обоснованному утверждению, которое может быть выражено с использованием цифровых технологий и искусственного интеллекта или же потерей доверия к цифровому двойнику. Суть аргумента заключается в том, что если у человека есть потенциал создать достаточно точного цифрового двойника себя или другого человека, то это может привести к смещению доверия к фактическому существу. Дизъюнктивный скептический аргумент относится к проблеме доверия,

которая является одним из главных вызовов в области искусственного интеллекта.

Люди могут доверять цифровым технологиям, которые используются в различных сферах жизни, таких как банковское дело, медицина, право, предпринимательство и т.д. Но доверие к системам с искусственным интеллектом – это чаще всего доверие к сообществу, которое обеспечивает разработку, создание и поддержание системы искусственного интеллекта [Алексеев, Гарбук, 2022].

Однако, поскольку технологии искусственного интеллекта продолжают развиваться, возникает опасность создания цифровых двойников, которые могут выглядеть и вести себя как конкретный человек. Таким образом, проблема доверия в подобных системах обращается на того, кто является создателем цифрового двойника.

Для более детального изучения проблемы доверия к цифровым двойникам необходимо рассмотреть несколько аспектов, связанных с созданием и использованием таких технологий.

Существует опасность, что цифровые двойники могут быть использованы для мошенничества и кражи личных данных. Например, хакеры способны создавать цифровых двойников для получения доступа к банковским счетам и т.д. Кроме того, такие технологии могут быть использованы для распространения дезинформации и фейковых новостей.

Создание цифровых двойников может привести к нарушению личности и личного пространства. Если кто-то будет иметь бесконтрольную возможность создать цифрового двойника другого человека, есть вероятность нарушения его прав и свобод.

Наконец, необходимо обратить внимание на нейроинтерфейсы, которые усиливают проблему доверия к цифровым двойникам. Они могут быть использованы для создания более точных цифровых двойников, которые будут взаимодействовать с окружающей средой так же, как и реальный человек. Это может привести к потере доверия к реальным людям и нарушению моральных и этических норм.

Нейроинтерфейсы также могут усилить проблему доверия к цифровым двойникам. Они представляют собой технологию связи между мозгом человека и компьютером. С их помощью можно создавать более точные цифровые двойники, которые будут взаи-

модействовать с окружающей средой так же, как и реальный человек, что демонстрирует знаменитый мысленный эксперимент Х. Патнэма «мозги в бочке».

Нейроинтерфейсы также могут предоставлять доступ к личной информации и жизненным процессам реального человека. Злоумышленники способны использовать эти данные для мошенничества и кражи личных данных. Этот риск становится еще более значимым с использованием нейроинтерфейсов.

В целом, проблема доверия к цифровым двойникам является сложной и многогранной. Для решения этой проблемы необходимо проводить дополнительные исследования в области морали и этики, создавать правовую базу, которая бы определяла использование цифровых двойников, и усиливать контроль за созданием и использованием таких технологий.

Проблема доверия к цифровому двойнику возникает в контексте философских дебатов о соотношении между ментальным и физическим. Философы многих эпох задавались вопросом о том, как связаны наши физические тела с нашими мыслями и душой. В настоящее время данная проблема находится в фокусе внимания в контексте цифрового мира, где создание цифровых двойников вызывает очень важные вопросы о том, что такое личность и как ее можно представить в цифровой форме.

В качестве одного из источников сопротивления доверию к цифровому двойнику стоит упомянуть И. Канта и его концепцию необходимости субъективного опыта. Поскольку цифровой двойник основан на материалах, полученных из внешней среды, его духовные и моральные качества могут оказаться ложными или неполными, так как они были созданы вне постоянного субъективного опыта человека. С этой точки зрения, создание цифрового клона могло бы привести только к некоторой форме ложной иллюзии о личности, которая не содержит в себе фундаментальных достоинств реальной личности.

Решающим фактором в доверии к цифровому двойнику является то, как он используется. Если он будет использоваться только для конкретных целей, таких как профессиональные задачи или медицинские обследования, то его создание может быть оправдано. Однако, если он будет использован для контроля человека или манипуляции им, то эти этические аспекты должны быть

учтены, и использование таких клонов должно быть распространено только в зависимости от соответствующих законодательных норм.

Другой важный аспект доверия к цифровому двойнику – это прозрачность процесса его создания и управления им. Если люди будут иметь доступ к полной информации о каждом этапе создания цифрового клона, то они могут быть более склонны поверить ему. Кроме того, правильная настройка алгоритмов машинного обучения и управления цифровым двойником должны быть автоматическими и настроенными на наиболее точное воспроизведение реального опыта в цифровой форме.

Доверительная проблема цифрового двойника может быть рассмотрена в контексте ментального аспекта личности. Ментальный аспект личности связан с индивидуальным мышлением, чувствами и эмоциями, которые известны только самому человеку и не могут быть повторены точно в цифровой форме. Цифровые клоны способны использовать алгоритмы машинного обучения, чтобы имитировать поведение, но создание цифрового клона, который может полностью воссоздать ментальный аспект личности, является сложной, если не невозможной, задачей.

Доверительная проблема заключается в том, что люди не всегда могут доверять информации, которую они получают от цифровых двойников, поскольку существуют ограничения технологий, по которым те создаются.

Одно из основных ограничений технологий цифровых двойников заключается в том, что они могут быть созданы только на основе имеющихся данных. Если данные неполные или неточные, цифровой двойник может быть недостаточно точным или даже ошибочным. Кроме того, цифровые двойники не способны учитывать контекст и изменения, которые, вероятно, произойдут со временем, что также приводит к искажению информации.

Для преодоления доверительной проблемы необходимо использовать различные стратегии и методы. Одним из важных методов является улучшение сбора и обработки данных, используемых для создания цифровых двойников. Необходимо обеспечить точность, полноту и актуальность этих данных, а также учитывать контекст и возможные изменения.

Другой метод, способный помочь преодолеть доверительную проблему, заключается в использовании алгоритмов и моделей, которые учитывают возможные искажения и ошибки в данных. Эти алгоритмы могут восстановить искаженные данные, предоставить оценку степени надежности информации и, следовательно, повысить доверие людей к цифровым двойникам.

Метавселенная является системой в Интернете следующего поколения, а также одним из возможных цифровых миров, где многие из нас будут работать, учиться, общаться, развлекаться, проводить досуг, путешествовать, совершать покупки в сети Internet и быть частью метавселенной, существуя не физически, а в виде своего цифрового двойника.

Изучение основной доверительной проблемы цифрового двойника в метавселенной является одной из важнейших при изучении Metaverse. Непрерывный процесс изучения проблемы цифрового двойника связан со стремительным развитием современных технологий во всех сферах жизни общества. Таким образом, основная доверительная проблема цифрового двойника в метавселенной в современной науке находится в процессе становления и развития и нуждается в разработке решений уже существующих и потенциальных сложностей и рисков.

Список литературы

Алексеев А.Ю., Гарбук С.В. Как можно доверять системам искусственного интеллекта? Объективные, субъективные и интерсубъективные параметры доверия // Искусственные общества. – 2022. – Т. 17, № 2. – URL : https://artsoc.jes.su/s207751800020550-4-1/

Бодрийяр Ж. «Символический обмен и смерть». – Москва : Добросвет, 2011. – 380 с.

Болл М. Метавселенная. Как она меняет наш мир. – Москва : Альпина Паблишер, 2023. – 362 с.

Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Сочинения : в 2 т. – Москва : Мысль, 1989. – Т. 1. – С. 400–439.

Декарт Р. Размышления о первой философии // Декарт Р. Сочинения : в 2-х томах / пер. с лат. и французского С.Я. Шейнман-Топштейн ; сост., ред. и примеч. В.В. Соколов. – Москва : Мысль, 1994. – Т. 2. – С. 3–73.

Патнэм Х. Разум, истина и история / пер. с англ. Т.А. Дмитриева, М.В. Лебедева. – Москва : Праксис, 2002. – 296 с.

Стивенсон Н. Лавина. – Москва : Эксмо, 2022. – 544 с.

Лешкевич Т.Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры // Вопросы философии. – 2022. – № 3. – С. 55–63.

Тищенко В.И. Феномен «цифрового двойника» // Sciences of Europe. – 2021. – № 85 (3). – С. 51–59.

Lekertun M. Digital Doppelgangers: An Emerging Alternative Reality for Health and Wellness Services // Journal of Medical Systems. – 2018. – № 42 (2). – P. 37–44.

Rysiew P.J. Tarski and Cartesian Skepticism // Synthese. – 2019. – Vol. 196. – P. 3993–4023.

References

Alekseev A.Yu., Garbuk S.V. How can artificial intelligence systems be trusted? Objective, subjective and intersubjective parameters of trust // Artificial Societies. – 2022. – Vol. 17, N 2. (In Russian.)

Ball M. The Metauniverse. How it changes our world. – Moscow : Alpina Publisher, 2023. – 362 p. (In Russian.)

Baudrillard J. “Symbolic exchange and death”. – Moscow : “Dobrosvet”, 2011. – 380 p. (In Russian.)

Descartes R. Discourse on the method to faithfully direct your mind and find the truth in the sciences // Descartes R. Works : in 2 vols. Vol. 1. – Moscow : Mysl, 1989. – P. 400–439. (In Russian.)

Descartes R. Reflections on the first philosophy // Descartes R. Works in 2 vols. Vol. 2 / translated from Latin and French by S.Ya. Sheinman-Topstein ; Compiled, edited and annotated by V.V. Sokolov. – Moscow : Mysl, 1994. – P. 3–73. (In Russian.)

Putnam H. Reason, Truth and History / тranslated from English by T.A. Dmitriev, M.V. Lebedev. – Moscow : Praxis, 2002. – 296 c.

Stevenson N. Avalanche. – Moscow : Eksmo, 2022. – 544 p. (In Russian.)

Leshkevich T.G. Man-virtual and the transfer of cultural values to the generation of the age of numbers // Voprosy Filosofii. – 2022. – N 3. – C. 55–63.

Tishchenko V.I. The “digital twin” phenomenon // Sciences of Europe. – 2021. – N 85 (3). – c. 51–59. (In Russian.).

Lekertun M. Digital Doppelgangers: An Emerging Alternative Reality for Health and Wellness Services // Journal of Medical Systems. – 2018. – N 42 (2). – P. 37–44.

Rysiew P.J. Tarski and Cartesian Skepticism // Synthese. – 2019. – Vol. 196. – P. 3993–4023.

УДК 111 DOI 10.31249/scis/2023.03.07

Медведева М.А.* [19], **Гаврилина Е.А.**** [20]

ИМЕНОВАНИЕ И РЕФЕРЕНЦИЯ: СПОСОБЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ СУБЪЕКТА В МЕТАВСЕЛЕННОЙ

Medvedeva M.A., Gavrilina E.A.

NAMING AND REFERENCE: WAYS OF IDENTIFICATION OF THE SUBJECT IN THE METAVERSE

Аннотация. Виртуальная реальность, конкретизированная в понятии метавселенной, связывает интернет-пространство с традиционной для философской мысли концепцией возможных миров, а активное формирование цифровой среды, с которой современный человек не просто соприкасается, а ежедневно взаимодействует, требует анализа идентификации в контексте виртуального. Проблематика исследования затрагивает онтологический статус субъекта в цифровом пространстве, а также социально обусловленную корреляцию между физическим индивидом и его наименованным «цифровым двойником». В работе проводится

* [19] © *Медведева Мария Александровна* – магистр философии, старший лаборант Института философии РАН, Москва, Россия, mariia.martynof@gmail.com ORCID 0000–0002–9740–6773

Medvedeva Mariia A. – MPhil, Senior Laboratory Assistant, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, mariia.martynof@gmail.com ORCID 0000–0002–9740–6773

** [20] *Гаврилина Елена Александровна* – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Центра научно-информационных исследований по науке, образованию и технологиям ИНИОН РАН, Москва, Россия, e-mail: gavrilina@inion.ru ORCID 0000–0002–6077–3879

Gavrilina Elena A. – PhD in Philosophy, Senior Researcher of the Centre for Academic Research and Informational Studies on Science, Education and Technologies INION, Moscow, Russia, e-mail: gavrilina@inion.ru ORCID 0000–0002–6077–3879

параллель между виртуальным пространством и концепцией возможных миров, что позволяет рассмотреть процесс идентификации субъекта в метавселенной как один из примеров трансмирового тождества.

Объектом исследования является феномен субъектности и самотождественности индивида в виртуальной реальности, а предметом – семантика возможных миров как теоретическое решение проблемы идентификации в пространстве метавселенной. Цель исследования – выявление способа идентификации субъекта в метавселенной посредством использования семантики возможных миров, каузальной теории имен и концепции нарративной идентичности.

Проведенное исследование выявляет знаковую структуру виртуальной реальности. Показано, что на бытовом уровне пользователи способны идентифицировать цифровую и физическую личности благодаря коммуникативной сети: через посредников и субъекта – автора, который установил референт цифрового двойника; они интерпретируют аватаров как персонажей повествования, соотнося фрагменты образа и цифровые следы с наименованным символическим конструктом.

Ключевые слова: метавселенная; идентичность; субъект; цифровой двойник; возможные миры; референция; нарративная идентичность.

Abstract. Virtual reality, as concretized in the notion of Metaverse, connects the Internet space with the concept of possible worlds, traditional for philosophical thought, and the active formation of the digital environment, with which modern man is not just in contact, but interacts on a daily basis, requires the analysis of identification in the context of the virtual. The problematics of the research concerns the ontological status of the subject in digital space, as well as the socially determined correlation between the physical individual and his or her named “digital twin”. The paper draws a parallel between virtual space and the concept of possible worlds, which allows us to consider the process of subject identification in the Metaverse as one of the examples of transworld identity.

The object of the study is the phenomenon of subjectivity and self-identity of an individual in virtual reality, and the subject is the

semantics of possible worlds as a theoretical solution to the problem of identification in the space of Metaverse. The goal of the study is to identify the way in which a subject can be identified in a Metaverse through the use of the semantics of possible worlds, the causal theory of names and the concept of narrative identity.

The conducted research reveals the iconic structure of virtual reality. It is shown that at the everyday level, users are able to identify digital and physical identities thanks to the communicative network: through mediators and a subject-author who has established the referent of the digital double, they interpret avatars as characters in a narrative, correlating image fragments and digital traces with the named symbolic construct.

Keywords: metaverse; identity; subject; digital twin; possible worlds; reference; narrative identity.

Введение

Актуальность работы обусловлена, с одной стороны, интенсивной интеграцией человека в пространство метавселенной, а с другой – недостаточной разработанностью проблемы цифровой идентификации в философском дискурсе. Несмотря на то, что существующие исследования представляют собой подробный материал, посвященный индивиду, индивидуации и идентификации, в общегуманитарной плоскости обнаруживается теоретический пробел в осмыслении цифровой идентификации и субъектной референции в виртуальном пространстве и, в частности, метавселенной.

Под «метавселенной» в тексте понимается информационно-коммуникативное пространство, опосредованное компьютерными технологиями. В широком смысле это виртуальная реальность, однако, в отличие от строго технической точки зрения, доминировавшей с момента возникновения виртуального пространства до середины 2000-х годов[1[21]], метавселенная не подразумевает изоля-

[1[21]] См.: Хэмит Ф. Виртуальная реальность / Возможные миры и виртуальные реальности. – Москва, 1995; Heim Michael. The Metaphysics of virtual reality // Virtual reality: theory, practice and promise. – Westport ; London, 1991; Krueger M.W. Artificial reality II. – Wesley, 1991; McMillan K. Virtual Reality: Architecture and the Broader Community; Suler J. Cyberspace as Dream World.

цию пользователя от физического мира; наоборот – теоретики новой реальности указывают на конвергенцию физического, цифрового, культурного, политического и экономического пространства с помощью технологий VR и AR[1][22]. Другими словами, метавселенная – это расширенная реальность (XR), объединяющая физические, виртуальные и онлайн-пространства.

Важно отметить, что сопоставление метавселенной с одним из возможных миров в данной работе – не онтологизация виртуального пространства, а объяснительная модель. Возможный мир принципиально нетождественен реальности и является лишь умозрительным конструктом, чья значимость состоит в необходимой виртуальности по отношению к миру действительному. Таким образом, метавселенная в ее современном проявлении и формально, и эмпирически принадлежит к модальности актуального, а маркер возможности вводится в строго исследовательских целях.

В российских исследованиях за последние пятнадцать лет прослеживается единодушие касательно положения человека в виртуальном пространстве: дивидуум, гибрид, Homo digitalis или цифровой двойник – понятийные категории сводятся к тезису о расколотости личности, подчеркивая проблему идентичности и самотождественности. Несмотря на то, что «самым очевидным дескриптором индивидуальности является сингулярность, единичность, уникальность и неповторимость каждого человека» [Рягузова, 2021, с. 321], практика «это имя уже занято» ставит под сомнение как уникальность, так и неповторимость наименованного индивида.

В работе, посвященной исследованию социокультурной идентичности в цифровом пространстве, А.А. Лисенкова отмечает трансформацию «идентификационных границ личности, которые становятся все более пластичными» [Лисенкова, 2021, с. 33], превращая идентификацию в непрерывный процесс самоопределения и самопрезентации. Создание и именование цифровых двойников,

[1][22] Наиболее детальный анализ феномена метавселенной проведен Мэтью Боллом в его цифровом проекте The Metaverse (URL: https://www.matthewball.vc/the-metaverse) и книге «Метавселенная: Как она меняет наш мир» (Болл М. Метавселенная: Как она меняет наш мир / пер. с англ. – Москва : АльпинаПаблишер, 2023. – 362 с.)

повествование о себе, непрерывное выявление собственного «я» в исходно анонимном пространстве интернет-дискурса способствует активному выстраиванию цифровой идентичности, ведь говорить о полном совпадении – хотя бы на уровне имен – реальной и виртуальной личности невозможно: в метавселенной «я» это не только паспортные данные, а цифровой двойник, порой более весомая часть того, что человек готов назвать собой.

Обращение к семантике возможных миров в исследовании процессов идентификации обусловлено теоретической сложностью установления референции между человеком и его аватарами в виртуальном пространстве. Поскольку в метавселенной, понятой как гипертекст, идентификация зачастую осуществляется посредством нарратива, нам необходимо рассмотреть именование и референцию в контексте языковых модальностей de re и de dicto, которые позволяют говорить об индивиде «с одной стороны, как о *нем самом*, а с другой – как и о *референте некоторого описания*» [Куслий, 2009, с. 80].

Онтологические границы субъекта в метавселенной могут быть проанализированы с разных сторон: как конструирование личной идентичности, как встроенность индивида в социокультурную реальность, как экзистенциальный модус существования. Подходы к осмыслению человеческого бытия в виртуальном пространстве зависят от исследовательской оптики, и далее мы рассмотрим этот феномен, опираясь на семантику возможных миров и, отчасти, – герменевтическую теорию нарративной идентичности. Однако, перед тем как переходить непосредственно к вопросу об идентификации личности, необходимо выявить значение термина «метавселенная».

1. Метавселенная как социокультурный феномен

На данный момент комплексное определение метавселенной отсутствует, поэтому нам недостаточно выдвинуть ряд аксиом или тезисов о том, чем она является: необходимо обратиться к истории формирования термина, проследить путь его культурной эволюции и выяснить, какие содержательно значимые черты предыдущих теорий он вобрал в себя, а какие – трансформировал и породил.

Как точно отметил О.Н. Гуров, «сегодня споры о том, что такое метавселенная, напоминают дискуссию семидесятых годов XX века по поводу того, что такое Интернет» [Гуров, 2022, с. 27]. В современном исследовательском поле доминируют дефиниции, данные массовой культурой: они отсылают нас к киберпанк-роману Нила Стивенсона «Лавина», где впервые возникло понятие «метавселенная» – пусть и в художественном контексте. В 2021 г. термин был популяризирован М. Цукербергом, но ясности так и не приобрел; это событие подчеркнуло необходимость стандартизации понятия, предпринятой в 2022 г. на форуме Metaverse Standards Forum, в число участников которого вошли компании – основатели современного цифрового пространства: World Wide Web Consortium (W3C), NVIDIA, Qualcomm, Sony Interactive Entertainment и другие.

Содержательно понятие метавселенной сближается как с другими названиями виртуальной реальности, так и с виртуальным пространством в целом. Любопытно, что на протяжении социокультурных исследований цифровизации каждому техническому этапу развития Интернета соответствовало уникальное определение: так, на этапе web 1.0, связанном с моделью сайтов, доступных только для чтения, виртуальное пространство называлось Сетью, или Всемирной паутиной (от «www» – worldwideweb); ранний web 2.0 – эпоха анонимности, чатов и жж – в исследованиях 2000-х годов назывался киберпространством; в отношении web 3.0, о котором дальше пойдет речь, уместен термин «метавселенная».

Стоит отметить, что названия каждого этапа по большей части отличаются только фонетически, тогда как на уровне смысла во всех трех случаях речь идет о цифровой среде, опосредованной техническими устройствами. Однако метавселенная выделяется среди прочих понятийных моделей глубиной теоретической разработки: так, исследователь Мэтью Болл называет среди необходимых признаков метавселенной устойчивость подключения, синхронизацию физического и виртуального опыта в реальном времени, неограниченное число пользователей с *индивидуальным* чувством присутствия и непрерывностью данных – таких как *личность*, *история*, *права*, *объекты*, *коммуникации и платежи*, децентрализацию и автономную экономику, кроссплатформенность, свободное производство контента и существование человека на

пересечении физической, виртуальной, дополненной и смешанной реальностей [Ball].

Исходя из требования децентрализации и взаимодействия разных аспектов действительности, можно заключить, что уникальность метавселенной состоит именно в трансмировом существовании. Если на более ранних этапах виртуальная реальность предоставляла пользователю анонимность и свободный доступ к информации, то метавселенную вполне уместно рассматривать в дискурсе возможных миров С. Крипке и Я. Хинтикка – как знаковое пространство допустимых альтернатив.

Подчеркивая наложение модальностей виртуального и возможного в цифровом пространстве, А.А. Лисенкова отмечает, что «интернет выступает как культурный феномен, который встраивается в повседневность и создает в ней лазейки возможного, прорехи иного, что заставляет человека выйти на край своего образа "Я" и заглянуть в бездну небытия воображаемого» [Лисенкова, 2021, с. 35]. Таким образом свойство, присущее цифровому пространству, – модификация наших отношений с реальным миром, преломление действительности сквозь призму возможного – отражает характерную черту виртуальности, которую Т.А. Кирик связывает частицей «вне»: виртуально то, что вне обыденности, вне материальности, вне бренности и вне телесности [Кирик, 2007, с. 7]. Подобная оптика ассоциирует виртуальную реальность, локально выраженную в понятии метавселенной, не только с семантикой возможных миров, но и с философской концепцией инобытия.

На аспект *иного* также указывает приставка «мета», которую можно интерпретировать как «вместе», «вне», «за пределами», «после», «через», в то время как universe апеллирует к неразрывности, если придерживаться понимания «versal» в значении целого. Самоотнесенность, фрактальность не только характеризует метавселенную как феномен, но и позволяет анализировать процесс ее создания: объединение ряда мессенджеров и соцсетей, которые сами по себе являются «метавселенными», в единое пространство Meta[1][23].

[1][23] Признана экстремистской организацией, деятельность которой запрещена на территории РФ.

2. Современные исследовательские подходы к анализу виртуальности

Виртуальность как феномен выступает ключевым понятием для большинства философских направлений XX в. – от постмодернизма до синергетики. А.А. Лисенкова подчеркивает, что «сегодня невозможно разделить жизнь человека на онлайн- и офлайн-присутствие, цифровая среда и виртуальная реальность неразрывно вплетены в контекст повседневного опыта» [Лисенкова, 2021, с. 37], поэтому отношение к цифровым аватарам человека как к бессодержательным копиям неоправданно – речь может идти о расширении и дополнении физической реальности, но не о полной изоляции или «расколе».

Помимо постмодернистской парадигмы, рассматривающей виртуальное пространство как онтологически ущербное, существует противоположная точка зрения на характер цифровой экзистенции: Джарон Ланье, сформулировавший проблематику технологической виртуальной реальности, настаивает на том, что «киберпространство», «гипертекст» и «симуляция» – неподходящие слова для описания цифрового пространства. Ланье определяет виртуальное в оптике функционализма – как трехмерную модель мира, созданную и функционирующую с помощью внешнего источника энергии и воспринимаемую пользователем с помощью специальной гарнитуры [Kelly, 1989, p. 109]. Автор напоминает, что относиться к виртуальной реальности как к субъективному переживанию не совсем корректно: поскольку технологическое пространство обретает виртуальность только в соприкосновении с человеком, виртуальная реальность, конечно, учитывает личный опыт; однако не менее важно и то, что модель, которую рассматривает Ланье, *объективно реальна* – другими словами, существует вне человеческой психики и не сравнима с галлюцинациями или миражами.

Дэвид Чалмерс также отстаивает тезис том, что виртуальная реальность – это реальность подлинная: «объекты в виртуальных мирах настолько же реальны, только состоят не из кварков и электронов, а из битов. Когда виртуальные миры станут разнообразными и детальными, мы будем создавать виртуальные общества, выполнять виртуальную работу, иметь мотивы, желания и цели,

которые будут проявляться в этих средах. Большинство факторов, которые делают жизнь осмысленной, будут присутствовать в виртуальных мирах. Нет веских причин думать, что жизнь в VR будет бессмысленной или бесполезной», – отмечает он в интервью [Chalmers, 22].

На наш взгляд, равноценность миров в понимании Чалмерса перекликается с равноправным статусом символьных систем Нельсона Гудмена, проанализированных в работе «Способы создания миров»: множественность, знаковая структура, пересобираемость; необходимая трансформация миров и их принципиальная незавершенность также свидетельствуют об уместности семантики возможных миров в анализе виртуальной реальности.

Если рассмотреть виртуальность как фундаментальную черту, являющуюся производной для остальных качеств цифрового мира, методологически уместно будет воспользоваться «онтологией вымысла» Сола Крипке. Подобный выбор обусловлен тем, что одна из особенностей семантики возможных миров – контрфактичность – подразумевает наличие «трансмирового тождества» объекта, одновременно *присутствующего в действительности и частично отличающегося от самого себя в сконструированной реальности*. Понимание возможного мира как описательной системы и неполное тождество объекта с самим собой в ситуации мысленного эксперимента напоминает условия существования цифровой личности в метавселенной, которая в этом контексте выступает аналогом суммы альтернативных реальностей. Однако стоит отметить, что возможный мир в теории Крипке (как и метавселенная) не способен к автономности: без действительного он – пустое понятие. Только как сконструированная вариация наличного – виртуальность – обретает онтологическое содержание.

3. Именование и референция: способы идентификации в метавселенной

Именование, будучи первым шагом в создании цифрового двойника, ставит вопрос о референции – отношении между именем и объектом действительности. К сожалению, для анализа виртуального «я» мы не можем полностью принять классическую теорию референции: несмотря на то, что традиция рассмотрения

имен как сокращенных дескрипций остается актуальной, корректнее будет сказать, что цифровой образ, наоборот, полностью сконструирован жесткими десигнаторами и практически лишен привычных свойств объекта, кроме обладания именем и способности формировать нарратив. Именно поэтому в рамках данного исследования мы обратимся к теории прямой референции и каузальной теории имен С. Крипке.

В современной философии языка задача установления референции осложняется тем, что «единственной семантической функцией имени является обозначение индивида» [Мигла, 2011, с. 172], но множественный интернет-нейминг (зачастую случайный или искусственно ограниченный) указывает не на физический референт, а на цифрового двойника в конкретном модусе метавселенной. Возникает дилемма: необходимо либо рассматривать виртуальную реальность как полностью тождественную физической, что ставит под сомнение легитимность самого феномена цифровой реальности, либо допустить номинаты без физического индивида, т.е. референцию к несуществующему. Однако на практике оба пути оказываются несостоятельными.

Теоретическая слабость модальной идентификации иллюстрируется аргументом о корабле Тесея, который, перемещаясь из точки А в точку В, полностью перестраивается: его команда меняет доски, канаты, паруса – другими словами, все элементы исходного объекта; однако, когда обновленный корабль приходит в порт, он считается тем же самым кораблем. П.С. Куслий предлагает переформулировать парадокс в соответствии с модальной логикой, признав, что «мы имеем набор возможных миров, в первом из которых имеющийся корабль отличается от исходного лишь одной замененной деталью, второй – еще одной и так далее, пока мы не получим возможный мир с кораблем, полностью состоящим из совершенно новых деталей» [Куслий, 2011, с. 59]. На наш взгляд, этот мысленный эксперимент также отражает процесс репрезентации личности в метавселенной, где:

а) для каждого цифрового двойника (конечный, пересобранный вариант корабля) прообразом является личность (оригинал);

б) каждый аватар в каждом конкретном модусе метавселенной незначительно отличается от остальных, и вместе (как детали для починки) они образуют множество, которое соответствует

цифровой личности. Она не идентична физической, однако – благодаря имени – конвенционально считается «тем же самым».

Сторонники теории прямой референции[1][24] считают, что «тем самым» кораблем будет наименованный оригинал, претерпевший изменения, а не новая копия из его составных частей. Неважно, какие элементы входят в состав объекта – его характеристики контекстуально обусловлены – идентичность зависит от имени, а не от пространственно-временных признаков. Опора на имя также позволяет избежать сложностей с неустойчивыми индивидуирующими свойствами и квантификацией: поскольку смена признаков влечет за собой либо прекращение существования индивида, либо отказ от изначального способа индивидуации, принятие материальных и физических особенностей в качестве индивидуирующего критерия трансмировых индивидов создает конфликт между их альтернативными состояниями.

Проецируя эту проблематику на соотношение личности и ее цифровых двойников, отметим неочевидность общего свойства для всех аватаров. Расхожее замечание, что в метавселенной человек может принять желаемый образ независимо от пола, возраста и других условностей, не идет дальше констатации факта, однако в нашем исследовании это свидетельствует о модальном характере цифровой личности, определенной не буквальными признаками, а референцией между именами. Например, мой аватар синего цвета – не соответствие индивидуирующему признаку «быть синим», а согласованность с контрфактической ситуацией; отличия не делают меня «не-мной», не «растворяют» в виртуальной реальности и не деонтологизируют действительность.

Дж.С. Милль сравнивает именование с условным обозначением объекта, которое ничего не говорит о сущностных признаках индивида, как нарисованный мелом крест на воротах дома не содержит в себе информации о самом доме. «Собственное имя представляет собой просто не имеющую самостоятельного значения отметку, которую мы связываем в своем уме с идеей предмета с той целью, чтобы, как только эта отметка попадет нам на глаза или восстанет в наших мыслях, нам пришел бы на ум именно этот ин-

[1][24] Например, Сол Крипке (Naming and Necessity), Нэйтен Сэлмон (Reference and Essence) и др.

дивидуальный предмет» – пишет он [Милль, 2011, с. 83]. Это особенно важно в условиях нестабильности описательной модели: например, при несовпадении физической и виртуальной внешности, вариативности поведения и других паттернов, позволяющих закрепить за субъектом конкретную дескрипцию. В данном случае цель индексального именования состоит в интеграции единичного объекта в предложение или, как отмечает Куслий, в том, чтобы сделать «соответствующих индивидов субъектами дискурса» [Куслий, 2011, с. 60].

Задаваясь вопросом о самотождественности индивида – например, в логике Крипке, – мы встречаем тавтологические высказывания по типу «если Петр существует, то он Петр», что, в отличие от случайного качества в утверждении «если Петр существует, то он повар», отражает априорную истину. Это объясняется тем, что уникально идентифицирующие свойства могут совпадать случайно, но индивиды «случайно идентичными» быть не могут. Таким образом, опора на *сущностные* свойства индивида при анализе идентификации в возможных мирах малопродуктивна, поскольку создает ситуацию, в которой «взаимосвязь идентичности нечетка, она может казаться неустойчивой; цепочка видимых (очевидных) идентичностей рискует привести к кажущейся неидентичности» [Kripke, 1980, p. 51].

Помимо прочего, жесткий десигнатор, в отличие от сокращенной дескрипции, не содержит в себе осмысленного описания и, следовательно, никак не отражает свойства референта. В отношении процесса идентификации в метавселенной это особенно важно, так как имена, которые индивид готов ассоциировать с собой, зачастую уже заняты, что вынуждает пользователя принимать любое подходящее имя, не фиксирующее отличительные свойства личности: например, очевидно, что адрес электронной почты, зарегистрированный неким Петром как «os1098 u_lfvn@gmail.com», смысловой компоненты лишен и не может рассматриваться как сокращенная дескрипция, тем не менее, формально оставаясь именем.

Ключевым недостатком теории прямой референции на данном этапе является неочевидная связь между актом именования, интернет-дискурсом и именами цифровых двойников: несмотря на то, что мы уже выяснили индексальный характер веб-нейминга, использование имен и способ идентификации в метавселенной все

еще недостаточно концептуализирован, так как полярность прямой и дескриптивной теорий референции не позволяет выбрать одну из них без ущерба для исследования. Компромиссом в этом вопросе представляется «каузальная теория имен», возникновение которой связано с «Именованием и необходимостью» С. Крипке. Эта позиция подразумевает, что в момент именования объекта в языковом сообществе возникают интенсиональные связи, что дает возможность «имени напрямую указывать именно на сам объект, а не на него, как на референта определенных дескрипций» [Куслий, 2009, с. 82]. Таким образом, участники дискурса, использующие имя в каузальной референциальной цепочке, отсылают к конкретному наименованному индивиду, а не к его топологическим свойствам, в которых принципиально отсутствует устойчивость; в нашем исследовании этими объектами являются цифровые двойники, сконструированные, наименованные и существующие в пространстве нарратива. В начале цепочки коммуникации стоит автор-субъект, обладающий знанием именуемого объекта по знакомству[1[25]].

Обратим внимание, что во всех методологических аспектах нашего исследования присутствует общий мотив, а именно – ценность знака, необходимость языковой фиксации категории возможного и символическая структура описательной модели мира. Поэтому, завершая рассмотрение идентификации в знаково-символических модусах, мы затронем теорию «создания миров» Нельсона Гудмена и концепцию нарративной идентичности Поля Рикера.

Несмотря на то, что философские позиции Рикера – не логико-аналитические, а герменевтические, введенная им «апория привязки», на наш взгляд, обогащает понимание идентифицирующей референции в дискурсе метавселенной. Сам автор считает, что вопрос об идентификации и референции может быть исследован как с точки зрения семантики, так и с точки зрения герменевтики: если на семантическом уровне референция достигается формализацией,

[1[25]] Термины «знание по описанию» и «знание по знакомству» вводит Б. Рассел для определения объектов с неустойчивым экзистенциальным статусом. См.: Рассел Б. Проблемы философии // Джеймс У. Введение в философию; Рассел Б. Проблемы философии. М., 2000. С. 187–197.

то герменевтика «я» рассматривает онтологические следования из утверждения о самотождественности.

Апория привязки репрезентирует «несовпадение между “я” как пределом мира и именем собственным, обозначающим реальную личность» [Рикер, 2008, с. 73]. Рикер отмечает, что решение этой проблемы заключается в совмещении двух инструментов философии языка – идентифицирующей референции и рефлексивности высказывания, где референция реализуется путем указания на объект, а рефлексивность представляет субъекта как модальное целое – «тот, кто говорит, и тот, с кем он говорит» [там же, с. 73], что при переносе на проблематику метавселенной обнаруживает голоморфность физической и цифровой личностей.

Таким образом, идентификация происходит в процессе повествования: буквальное совпадение со своим телом, аналогичность – «idem» – благодаря рассказыванию историй дополняется рефлексивной самостью «ipse». «Я» создает собственную идентичность с помощью символических ресурсов культуры, в связи с чем будет уместно вспомнить символический конструктивизм Гудмена, который утверждает аналогичный тезис относительно создания миров.

Цифровой двойник, понятый как комплекс намеренно и ненамеренно предоставленных данных, является комбинацией символических кодов, «высказыванием о реальности», включающим в себя не только слова и буквы, но также фотографии, картинки, графики, модели и другие знаковые системы. Сочетание имеющихся компонентов индивида, конструирование двойника на основании личного опыта, законы композиции, декомпозиции, акцента и нагрузки [Гудмен, 2001, с. 118] сближают цифровое существование человека со способами конструирования миров.

Принимая во внимание обозначенную структуру метавселенной в семантике возможных миров, обратимся к понятию Н. Гудмена «экземплификация», подразумевающему синтез обладания некими свойствами в сочетании с референцией. «Иметь, не символизируя, значит просто обладать, в то время как символизировать без обладания – значит осуществлять референцию каким-то иным образом», – пишет исследователь Д. Демпстер о теории референции Гудмена [Dempster, 1989, p. 399].

Экземплификация является многосоставным способом идентификации, поэтому Гудмен вводит вспомогательное понятие метафорической референции [см.: Goodman, 1989, p. 128], которая должна устанавливать отношение между символической системой возможного мира (который, как мы помним, задан описательно) и физическими объектами. В общих чертах метафорическая референция используется Гудменом для анализа существования произведений искусства, которые могут обозначать то, чем не являются буквально. Подобное понимание референции уместно сравнить с аналогичным термином П. Рикера, разработанным в труде «Живая метафора», тем более что и сам исследователь связывает собственную теорию с метафорической референцией Гудмена [Рикер, 2015, с. 190].

Рикер отмечает трудность идентификации символических систем, говоря, что «смысл метафорического высказывания порождается неудачей буквальной интерпретации высказывания» [там же, 2015, с. 189] – эта сложность, на наш взгляд, сопутствует не только идентификации произведений культуры, но и определению границ субъекта в метавселенной, если мы принимаем цифровую личность за набор символических кодов. В такой исследовательской оптике «метафорическому смыслу соответствовала бы метафорическая референция, как невозможному буквальному смыслу соответствует невозможная буквальная референция» [там же, с. 190].

Для более глубокого понимания механизма метафорической референции необходимо обратить внимание на взаимосвязь понятий метафоры и модели: на их сходство указывает и Рикер, называя модель инструментом переописания [там же, с. 200]. Поскольку модель является тем, что «отсылает в асимметрическом отношении <и…> служит для того, чтобы показать, как выглядит вещь (how it looks), как она функционирует (how it works), какие законы ею управляют» [там же, с. 201], в сочетании с требованием «быть верной лишь относительно этих релевантных характеристик» [там же, с. 201], модель в герменевтике Рикера можно соотнести с семантикой возможных миров и «моделью личности» в интернет-дискурсе.

В нашем случае ключевое отличие цифрового аватара как модели от аватара как симулякра заключается в рассмотрении

субъекта и его образов «не в терминах “копии”, а в свете переописания» [там же, с. 205]. Рикер отмечает, что теория переописания позволяет решить референциальные сложности в отношениях образа и вещи: например, снять жесткую дихотомию в высказываниях о главном и второстепенном субъекте (в качестве которых можно рассмотреть физического индивида и его цифровых двойников), а также устранить конфликт «между буквальной интерпретацией, которую разрушает семантическая неуместность, и метафорической интерпретацией» [там же, с. 208].

Заключительным этапом формирования личности в философии Рикера становится признание – как самопризнание в форме ответственности, так и признание меня другими, что актуализирует аспект «заботы», свойственный герменевтике «я» в целом. Поскольку полная идентификация возможна только в единстве (само)идентичности, (само)признания и (само)уважения, интернет-дискурс – в особенности блог или канал – можно характеризовать как акт повествования, связывающий идентичность истории и персонажа (аватара) с личной идентичностью автора. Хотя «я», «благодаря иллокутивной силе конкретного акта дискурса, акта называния – буквально вписывается в публичный список имен собственных» [Рикер, 2008, с. 75], полнота идентичности может быть достигнута только в условиях социальности и интерсубъективности, которые в виртуальном пространстве реализованы соцсетями с присущими им эгалитарностью и инклюзивностью.

Отношение физического референта к цифровым двойникам, понятое как связь автора и созданного им героя, также подчеркивает А.А. Лисенкова, говоря, что «в форме авторской версии “Я”, создавая свой виртуальный автопроект, пользователь примеряет на себя различные маски, роли и статусы, тем самым создавая виртуальные личности» [Лисенкова, 2021, с. 43]; при этом виртуальная автопроектность человека ограничивается «фреймом коммуникаций», или нарративом.

Концепция нарративной идентичности и метафорической референции, предложенная Рикером для герменевтики «я», в плоскости метавселенной как гипертекста актуализируется до предела: так, характеризуя современную медиареальность, А.А. Лисенкова и Г.В. Тульчинский пишут, что «язык образов порождает новый коллективный опыт, где перформативность и зрелищность персо-

нальных нарративов становится трендом эпохи» [Лисенкова, Тульчинский, 2017, с. 20].

Заключение

Теоретическим макетом метавселенной можно назвать семантику возможных миров, что задает исследовательскую оптику для анализа внутренних закономерностей функционирования виртуальной реальности и выявляет ее знаковую структуру. Однако нельзя забывать, что в действительности метавселенная – актуальна, а «возможный мир» взят в качестве удобной объяснительной модели.

Сосредоточившись на проблеме идентификации субъекта в метавселенной и референции между именами его цифровых двойников, мы пришли к выводу, что дескриптивная теория, ориентированная на модальность действительного, серьезно осложняет трансмировую идентификацию. Поэтому в качестве альтернативы предлагается теория прямой референции и, в частности, ее разновидность – каузальная теория имен. На наш взгляд, наиболее корректным решением вопроса об идентификации субъекта в метавселенной может считаться совмещение логической, онтологической и общегуманитарной методологии. Проведенное исследование показало, что подобный синтетический способ идентификации позволяет рассматривать цифровую экзистенцию субъекта в пространстве метавселенной, не прибегая к постмодернистскому дискурсу.

Список литературы

Гудмен Н. Способы создания миров / пер. с англ. А.Л. Никифорова, Е.Е. Ледникова, М.В. Лебедева, Т.А. Дмитриева. – Москва : Идея-пресс : Логос : Праксис. – 2001. – 376 с.

Гуров О.Н. Метавселенные – из сумерек во тьму перелетая? // Наука телевидения. – 2022. – Т. 18 (1). – С. 11–46.

Кирик Т.А. Виртуальная реальность и ее онтологические прототипы : монография. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2007. – 133 с.

Куслий П.С. Индивидуация объектов и прямая референция // Именование, необходимость и современная философия / отв. ред. В.В. Горбатов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. – С. 57–72.

Куслий П.С. Референциальная функция имен // Логос. – 2009. – № 2 (70). – С. 67–83.

Лисенкова А.А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве : монография. – Пермь : ПГИК, 2021. – 286 с.

Лисенкова А.А., Тульчинский Г.Л. Новые форматы мифологизации в цифровом пространстве // Человек. Культура. Образование. – 2017. – № 4 (26). – С. 20–31.

Мигла А.В. Некоторые проблемы теории прямой референции // Именование, необходимость и современная философия / отв. ред. В.В. Горбатов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2011. – 287 с.

Милль Дж.С. Система логики силлогистической и индуктивной: Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / пер. с англ., предисл. и прил. В.К. Финна. – Москва : ЛЕНАНД, 2011. – 832 с.

Рикер П. Я-сам как другой : пер с франц. – Москва : Издательство гуманитарной литературы, 2008. – 416 с.

Рикер П. Живая метафора. Седьмой очерк: метафора и референция / пер. с фр. Ф. Станжевского ; ред. Г.В. Вдовиной // HORIZON. Феноменологические исследования. – 2015. – Т. 4, № 1. – С. 175–219.

Рягузова Е.В. Homo Digitalis: запрос на новую конфигурацию индивидуальности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2021. – Т. 21, вып. 3. – С. 320–325.

Chalmers D.J. Virtual reality is genuine reality. – URL: https://www.theguardian.com/technology/2022/jan/17/virtual-reality-is-genuine-reality-so-embrace-it-says-us-philosopher (дата обращения: 17.05.2023).

Dempster D.J. Exemplification and the Cognitive Value of Art // Philosophy and Phenomenological Research. – 1989. – Vol. 49, N 3. – P. 390–405.

Goodman N. Routes of Reference // Critical Inquiry. – 1989. – Vol. 8, N 1. – P. 121–132.

Kevin Kelly. Virtual reality. An interview with Jaron Lanier // Whole earth review Fall. – 1989. – P. 108–119.

Kripke S. Naming and Necessity. – Oxford : Blackwell, 1980. – 288 p.

BallM. The Metaverse: What It Is, Where to Find it, and Who Will Build It. – URL: https://www.matthewball.vc/all/themetaverse (дата обращения: 15.05.2023).

References

Chalmers D.J. Virtual reality is genuine reality. – URL: https://www.theguardian. com/technology/2022/jan/17/virtual-reality-is-genuine-reality-so-embrace-it-says-us-philosopher (дата обращения: 17.05.2023)

Dempster D.J. Exemplification and the Cognitive Value of Art // Philosophy and Phenomenological Research. – 1989. – Vol. 49, N 3. – P. 390–405.

Goodman N. Routes of Reference // Critical Inquiry. – 1989. – Vol. 8, N 1. – P. 121–132.

Goodman N. Ways of Worldmaking / translated from English by A.L. Nikiforov, E.E. Lednikov, M.V. Lebedev, T.A. Dmitriev. – Moscow : Idea-Press : Logos : Praxis, 2001. – 376 p.

Gurov O.N. Metaverse – Flight From Dusk to Darkness? // The Art and Science of Television. – 2022. – Vol. 18 (1). – P. 11–46. (In Russian.)

Kevin Kelly. Virtual reality. An interview with Jaron Lanier // Whole earth review Fall. – 1989. – P. 108–119.

Kirik T.A. Virtual reality and its ontological prototypes: a monograph. – Kurgan : Kurgan State University, 2007. – 133 p. (In Russian.)

Kripke S. Naming and Necessity. – Oxford : Blackwell, 1980. – 288 p.

Kusliy P.S. Individuation of objects and direct reference // Naming, necessity and modern philosophy / ed. by V.V. Gorbatov. – SPb. : Aleteia, 2011. – P. 57–72. (In Russian.)

Kusliy P.S. Referential function of names // Logos. – 2009. – N 2 (70). – P. 67–83. (In Russian.)

Lisenkova A.A. Transformation of sociocultural identity in digital space : a monograph – Perm : PGIK, 2021. – 286 p. (In Russian.)

Lisenkova A.A., Tulchinsky G.L. New formats of mythologization in digital space // Human. Culture. Education. – 2017. – N 4 (26). – P. 20–31. (In Russian.)

Ball M. The Metaverse: What It Is, Where to Find it, and Who Will Build It. – URL: https://www.matthewball.vc/all/themetaverse (date of access: 15.05.2023)

Migla A.V. Some problems of the theory of direct reference // Naming, necessity and modern philosophy / ed. by V.V. Gorbatov. – SPb. : Aleteia, 2011. – 287 p. (In Russian.)

Mill J.S. A System of Logic: An exposition of the principles of proof in connection with the methods of scientific investigation / translated by V.K. Finn. – Moscow : LENAND, 2011. – 832 p. (In Russian.)

RicoeurP. I-self as the Other : translated from French. – Moscow : Humanitarian Literature Publishing House, 2008. – 416 p. (In Russian.)

Ricoeur P. Living Metaphor. The seventh essay: metaphor and referentiality / transl. from Fr. F. Stanzhevsky ; ed. by G.V. Vdovina // HORIZON. Phenomenological Studies. – 2015. – Vol. 4, N 1. – P. 175–219. (In Russian.)

Ryaguzova E.V. Homo Digitalis: a request for a new configuration of individuality // Izvestia Saratov University. New series. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy. – 2021. – Vol. 21, N 3. – P. 320–325. (In Russian.)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ. ЛИЧНОСТЬ УЧЕНОГО

УДК 51(091); 51(092) DOI 10.31249/scis/2023.03.08

Гуров О.Н.[*] [26]

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ И МУЗЫКАНТ Н.Я. ВЫГОДСКИЙ: ВРЕМЯ И СУДЬБА

Gurov O.N.

RESEARCHER OF MUSICAL CULTURE, PUBLIC FIGURE AND MUSICIAN N.Y. VYGODSKY: LIFETIME AND DESTINY

Аннотация. Данное исследование посвящено жизни и творчеству Николая Яковлевича Выгодского (1900–1939) – незаурядного музыковеда и культуролога, общественного деятеля и музыканта, чье имя сегодня практически забыто и чье наследие совершенно не изучено. Автор, двоюродный правнук Н.Я. Выгодского, обращался к различным архивам, открытым источникам и семейным воспоминаниям, чтобы нарисовать хотя бы самые общие контуры биографии талантливого и целеустремленного человека, павшего трагической жертвой бурных политических событий 1930-х годов XX в. Вместе с этим автор статьи делает попытку

[*][26] *Гуров Олег Николаевич*, кандидат философских наук, MBA, доцент философского факультета ГАУГН, доцент экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва, gurov-on@ranepa.ru

Gurov Oleg N. PhD in Philosophy, MBA, Associate Professor at the GAUGN, Associate Professor at Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow, gurov-on@ranepa.ru

наметить связи между индивидуальной судьбой неординарной личности и культурным контекстом современной ей эпохи.

Ключевые слова: Николай Выгодский; Марк Выгодский; Давид Мейчик; Дмитрий Шостакович; Сергей Рахманинов; Димитрий Гачев; Большой террор.

Abstract. This study is devoted to the life and work of Nikolai Yakovlevich Vygodsky (1900–1939), an outstanding musicologist and culturologist, public figure and musician, whose name is almost forgotten today and whose heritage has not been studied at all. The author, N.Y. Vygodsky brother's great-grandson, consulted various archives, open sources and family memories to draw at least the most general outlines of the biography of a talented and dedicated individual who fell a tragic victim to the turbulent political events of the 30 s of the twentieth century. At the same time, the author of the paper makes an attempt to outline the links between the individual destiny of an extraordinary individual and the cultural context of his contemporary era.

Keywords: Nikolai Vygodsky; Mark Vygodsky; David Meychik; Dmitri Shostakovich; Sergei Rachmaninoff; Dimitri Gachev; The Great Terror.

Если быть точным, невозможно твердо утверждать, что фигура исследователя музыкальной культуры, музыканта, композитора и научного редактора Николая Яковлевича Выгодского предана полному забвению. В Большой биографической энциклопедии и Музыкальной энциклопедии представлена информация о датах его жизни и смерти, а также некоторые отдельные факты, относящиеся к профессиональной деятельности [ББЭ; МЭ]. У букинистов можно приобрести, а в Интернете скачать «Методическую хрестоматию по курсу общего фортепиано», изданную в 1935 г., роковом для жизни и карьеры Н.Я. Выгодского [Выгодский, 1935]. Также в сети доступны для скачивания ноты «Н. Паганини. Вариации (обработка Н. Выгодского)». Кроме этого, имя Н.Я. Выгодского мельком упоминается в воспоминаниях Д.Д. Шостаковича, соловецких узников Ю.И. Чиркова и Л.С. Танюка, Д.И. Гачева, музыковеда и историка культуры, также репрессированного [Свидетельство … ; Чирков; Танюк; Гачев, 1989]. Во всех этих книгах буквально единогласно отмечаются способности и талант музыканта, подчеркивается его высокий профессиональный уровень.

Упоминается вскользь имя Н.Я. Выгодского и в некоторых современных научных изданиях, посвященных музыкальной культуре первой половины XX в. [Корабельникова, 1999; Кузякина, 2009]. Однако парадоксально, что чаще всего в публицистике последних лет встречаются ссылки на лишь на одну статью Н.И. Выгодского – «Небесная идиллия, или фашизм в поповской рясе», опубликованную в журнале «Пролетарский музыкант» в 1931 г., где автор жестко, в традициях своего времени, раскритиковал концерт, в программе которого звучало музыкальное произведение С.В. Рахманинова, оказавшегося в то время в оппозиции разворачивающейся советской идеологии во всех областях общественной жизни [Выгодский, 1931]. Таким образом, Н.Я. Выгодский в современной культуре представлен слишком однобоко, в большей степени в качестве ученого и активиста, бездумно и рьяно продвигающего пролетарскую повестку. С другой стороны, он ограниченно известен в музыкальных кругах как музыкант и композитор, и совершенно незнаком как культуролог и музыковед. Этому можно найти объяснение: траектория его работы и жизни безвременно и трагически прервалась, и представленных в настоящее время фактов явно недостаточно, чтобы составить хотя бы общий портрет этого деятеля науки и культуры.

Автор данной статьи, двоюродный правнук Н.Я. Выгодского, обращался за информацией к нескольким ученым, в том числе к видным специалистам по истории музыкальной культуры первой половины XX в., и от всех получил ответ, что об этом деятеле искусства и культуры что-то слышали, но при этом все опрошенные затруднились предоставить какие-либо детали. Таким образом, Н.Я. Выгодский превратился буквально в призрак, его фигура определяется лишь несколькими фактами биографии и отдельными точечными упоминаниями. С другой стороны, вокруг него сложилась определенная мифология, о чем мы напишем ниже, и этих разрозненных элементов недостаточно для формирования цельного и честного образа музыканта и исследователя.

Поэтому главным методом, применяемым в настоящей работе, является идеографический, который базируется на исследовании образа героя статьи через детали его личной и профессиональной жизни, что позволяет понять интересы, ценности и попытаться реконструировать в целом его мировоззрение. Ниже

представлены собранные и восстановленные факты биографии, результаты и профессиональные достижения, а также выводы, сделанные в результате анализа собранной информации. Концептуально работа выполнена в рамках разрабатываемого автором вместе с доктором культурологии Е.В. Сальниковой нового подхода – «культурологической эго-истории», применение которого может обеспечить новую степень погружения в историю культуры за счет изучения личного опыта, воспоминаний и рефлексии частной и семейной истории, что может быть полезным для понимания, в частности, определенных аспектов личности в контексте культурных трансформаций.

Целью настоящего исследования является, по сути, первая попытка собрать воедино те немногие факты о жизни Н.Я. Выгодского, которые автор нашел в различных архивах и открытых источниках, а также описать воспоминания родственников, чтобы наметить контуры биографии талантливого и яркого человека, безвременного сметенного с профессионального и жизненного пути яростными потоками советской политической и общественной жизни 1930-х годов. Также автор делает попытку показать, как может быть связана личная судьба креативного и талантливого человека с историческими и культурными событиями.

Итак, Н.Я. Выгодский родился 21 марта (3 апреля по новому стилю) 1900 г. в Петербурге [ГАРФ]. Он происходил из интеллигентной семьи. Его предки и близкие нередко проявляли разнообразные, в том числе музыкальные таланты. В его роду были и представители науки. Мать звали Любовь Давыдовна, девичья фамилия Мейчик. Она была учительницей музыки. Ее старшая сестра Анна (по рождению имя было Александра, впоследствии она взяла псевдоним) Давыдовна Мейчик стала оперной певицей мирового уровня. Закончив Петербургскую консерваторию, она и пела в Мариинском театре, и давала концерты по всему миру. Гастролировала в «Ла Скала» и «Метрополитен-опере», выступала на лучших площадках Европы, а с 1922 г. окончательно осталась в Нью-Йорке, где продолжила концертную деятельность, в частности в Карнеги-холле; также стала заниматься преподавательской деятельностью в собственной студии [Оперный Вавилон].

Двоюродный брат Л.Д. Выгодской, Марк Наумович Мейчик, был учеником А.Н. Скрябина. Он стал известным пианистом, пе-

дагогом, писателем и специалистом по теории музыки [Дрейден, 1970].

Илл. 1. Н.Я. Выгодский – выпускник гимназии. 1918 г.

Дедушка Н.Я. Выгодского по материнской линии, Давид Маркович Мейчик, был выпускником Московского университета.

Занимался юридической деятельностью и историей, служил адвокатом при судебных палатах Москвы и Минска (был присяжным поверенным), преподавал и впоследствии вошел в число основателей белорусской высшей школы [Сидляревский, 1922].

Отец Яков Ильич Выгодский получил высшее техническое образование, работал инженером-технологом и занимался бизнесом в различных регионах Российской империи. В течение своей жизни он жил в сначала в Минске, затем в Санкт-Петербурге, в Пятигорске и впоследствии в Баку (до конца своей жизни), где как служил по специальности, так и выступал в роли коммерсанта – в частности, владел книжным магазином в Пятигорске и одним из первых кинематографов в Баку. Отец до революции принадлежал к сословной группе почетных граждан.

Старший брат – Марк Яковлевич Выгодский – стал известным математиком и историком математики, автором популярных до сегодняшнего дня справочников и задачников по алгебре и геометрии.

Абсолютный музыкальный слух обнаружился у Н.Я. Выгодского в самом раннем детстве. Первые уроки фортепианной игры Н.Я. Выгодскому давала мать. Позднее, в I909 г., уже учась в Бакинской 2-й гимназии, он начал посещать музыкальные классы при Бакинском отделении Императорского русского музыкального общества по классу фортепьяно.

По окончании гимназии он получил высшее образование в Тифлисской консерватории по классу фортепьяно И. Айсберга, а после установления советской власти в Грузии переехал в Москву и продолжил обучение в Московской консерватории, где закончил исполнительский факультет по классу органа (1923–1927) и научно-музыкальный факультет по истории музыки (1926–1928). В те же годы на протяжении двух лет он также изучал композицию на композиторском факультете [Архив МГК]. Тогда культура и, в частности, музыкальная жизнь в Москве буквально кипела, молодые и талантливые люди плодотворно учились, работали и вели активную социальную жизнь, занимались творчеством. Д.И. Гачев вспоминает в одном из писем: «Секретарь нашего факультета, тоже студент и первый органист в консерватории, одновременно и очень хороший пианист (Н.Я. Выгодский), – еще в первый месяц пригласил меня к себе, мы уже добрые приятели; часто собираем-

ся, несколько студентов, у него и разбираем Баха, Бетховена и Вагнера. Часто после какого-нибудь концерта он приглашает нас к себе на чай, яблоки и медовые пряники и музыку. И так – до 3–4 часов утра» [Гачев, 1989]. Д.И. Гачев подчеркивает, что во время этих встреч приятели обсуждали научные вопросы, связанные с культурой, теорией и историей музыки.

С 1922 г. Н.Я. Выгодский работал преподавателем, а с 1932 г. – доцентом Московской консерватории, его специализацией была история музыки. Кроме этого он преподавал фортепиано студентам нефортепианных факультетов Московской консерватории.

Что касается именно музыкальной составляющей, то Н.Я. Выгодский стал одним из первых органистов, учившихся в послереволюционные годы. В то время орган считался громоздким и скучным инструментом и ассоциировался с чем-то устаревшим и неактуальным. Органная музыка исполнялась чаще всего в костелах и кирхах, и Н.Я. Выгодский со своим творческим подходом стремился изменить это представление. Однако он был не только талантливым органистом, но и автором фортепьянных и органных транскрипций. В своем творчестве он нередко удивлял слушателей необычной интерпретацией произведений и авторской регистровкой. Н.Я. Выгодский был широко образованным музыкантом, обладавшим уникальными навыками игры на органе и фортепьяно, и исследователем в области теории музыки. Его транскрипции для данных инструментов отмечены большим мастерством, однако, к сожалению, большинство из них было утеряно, и сейчас доступны только отдельные произведения [РГАЛИ].

С 1931 года он работал и редактором в Музгизе. Кроме этого активно занимался общественной деятельностью, был организатором и руководителем ряда кружков музыкальной самодеятельности, в том числе в Коммунистическом университете им. Свердлова (1921–1925) и на заводе «Каучук» (1933–1935).

Стремление нести музыку в массы всегда было целью жизни Н.Я. Выгодского. Именно поэтому он был активным участником «Российской ассоциации пролетарских музыкантов» (РАПМ) и других общественных организаций. Думается, что именно в рамках этого искреннего просветительского стремления, направленного на демократизацию культуры и искусства, он и написал ряд музыкальных критических статей в таких журналах, как «Проле-

тарский музыкант», «Советская музыка» и других, которые не в полной мере выдержали проверку временем. Необходимо отметить, что в начале 1930-х годов он написал целую серию статей, касающихся теории музыки и посвященных продвижению музыкальной культуры в массы. До настоящего времени данные публикации практически не исследованы, и можно сказать, что эта часть работы Н.Я. Выгодского недооценена или оценена неверно. При этом мы полагаем, что цель его музыковедческой деятельности была благородной – просвещение населения, популяризация музыки и повышение уровня культуры, в первую очередь музыкальной, в новом советском обществе. По иронии судьбы и, на наш взгляд, совершенно несправедливо, что в последние годы Н.Я. Выгодский ассоциируется в публицистике лишь с одной из целого ряда своих публикаций, причем анализ и критика, которую представляет автор, цитируется как вырванный из исторического и культурного контекста текст, совершенно не учитывающий истинное целеполагание автора.

Талант и человеческие качества Н.Я. Выгодского подтверждаются тем, что он находился в многолетнем тесном творческом и дружеском контакте с такими новаторами в области музыки и музыкальной критики, как А.А. Давиденко, М.В. Коваль, Б.С. Шехтер и другими. Н.Я. Выгодский близко общался и с А.В. Луначарским, который любил игру музыканта. Вел многолетнюю переписку о роли музыки в обществе Н.Я. Выгодский и с Нобелевским лауреатом, знаменитым писателем и музыковедом Р. Ролланом.

Профессиональное, творческое и карьерное развитие Н.Я. Выгодского продолжилось до середины 1930-х годов. В начале января 1935 г. он был арестован по ложному обвинению. Вспомним, что после убийства в декабре 1934 г. С.М. Кирова, одного из руководителей ленинградской партийной организации и члена Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ВЦИК СССР, законодательство ужесточилось, а процесс рассмотрения дел о террористических организациях и актах упростился. Еще ранее, в 1934 г., было создано Особое совещание при наркоме НКВД СССР, которому давалось право применять заключение в исправительно-трудовые лагеря на срок до пяти лет и другие виды наказаний. Законодательство было пересмотрено в связи со смертью Кирова, и результатом этих мер стало более жесткое рассмотрение дел и более се-

рьезные наказания для тех, кто совершал, или чаще обвинялся в подготовке и совершении террористических актов.

Илл. 2. Н.Я. Выгодский (справа) с друзьями.
1920-е годы

По Постановлению ЦИК СССР дела обвиняемых по таким преступлениям надлежало рассматривать в ускоренном порядке без участия сторон, исполнение приговоров к высшей мере наказания приводить незамедлительно, не допускать обжалования приговора [Постановление, 1934]. Вообще это постановление ознаменовало новый этап в политике репрессий, которые, как правило, начинались с «верхушки». Но репрессии против партийной номенклатуры, к которой применялось это постановление, были лишь вершиной айсберга, страдали и рядовые граждане, и не в последнюю очередь те, кто выделялся из серой массы и проявлял независимость и активность.

За что на самом деле был арестован Н.Я. Выгодский, можно только догадываться. Его карьера явно следовала по восходящей траектории, он был активным членом РАПМ, которая в те годы жестко «реформировала» Московскую консерваторию в соответствии с новыми требованиями к культуре [Власова, 2010]. Многие коллеги Н.Я. Выгодского по Ассоциации впоследствии заняли руководящие посты в советской культуре. По предположению видного специалиста по музыкальной культуре советской эпохи 1920–1930-х годов Е.С. Власовой, он мог быть арестован и осужден за дружеские и близкие деловые отношения с бывшим директором Московской консерватории Б.С. Пшебышевским, которого осудили в 1933 г. и расстреляли спустя несколько лет. Также вполне вероятно, поскольку тогда это была привычная практика, что истинной причиной ареста Н.Я. Выгодского послужил чей-то донос [Гуров, 2023]. Однако последний факт достоверно установить невозможно, поскольку в нижеописанных материалах данный факт не упоминается, поэтому предположение сделано по аналогии с другими похожими случаями тех лет.

Дальнейшие события реконструированы по материалам «Архивного следственного дела № Р-16109 в отношении Выгодского Николая Яковлевича», находящегося в архиве ФСБ [Архив ФСБ]. Формально арест произошел при следующих обстоятельствах. Ожидая в течение некоторого времени встречи с коллегой у Дорогомиловского моста, Н.Я. Выгодский привлек внимание милиционера, который задержал его и передал в органы госбезопасности. Записка о назначении встречи по стечению обстоятельств не дошла до адресата, и он не смог подтвердить договоренность. За этим последовал арест. Предположительно эти события стали для Н.Я. Выгодского неожиданностью, поскольку, как он указал на допросе, в его планах было поехать 2–3 февраля в Ленинград, чтобы выступить на конкурсе и концерте, к которым он серьезно готовился. Действительно в феврале-марте 1935 г. там проводился второй Всесоюзный конкурс музыкантов-исполнителей по специальностям: фортепиано, скрипка, виолончель, пение и др. В его квартире был проведен обыск, при котором были найдена личная переписка, записки, фотографии, книги Л.Д. Троцкого и Г.Е. Зиновьева (арестованного в декабре 1934 г.). Эти находки определили его дальнейшую судьбу.

По поводу одной из записок и фотографии Л.Д. Троцкого Н.Я. Выгодский указал, что «…предъявленный мне документ контрреволюционного содержания, написанный моей рукой на листе нотной бумаги, принадлежит мне. Этот документ является записью контрреволюционных высказываний, по моему мнению полусумасшедшей старухи, примерно 60–70 лет, навещавшей моих соседей по квартире, фамилии которых я не помню… фотокарточка Троцкого принадлежит мне, она мною получена в подарок 10–11 лет назад от одного из студентов Свердловского Университета. Фамилии лица, подарившего мне фотокарточку, я не помню…» [Архив ФСБ]. Стоит обратить внимание, что Н.Я. Выгодский нашел в себе смелость скрыть имена знакомых и друзей, чтобы не навлечь на них возможные репрессии, а также твердо отказался оговорить себя, признав контрреволюционером, занимавшемся террористической деятельностью. Наличие фотокарточки Л.Д. Троцкого он объяснил тем, что занимался изучением истории ВКП(б) в рамках своей междисциплинарной научной деятельности.

В пользу обвинений свидетельствовала и обнаруженная переписка с двоюродным братом отца Юделем Ефимовичем Выгодским, который в письмах, по словам следователя, позиционировал себя как сионист, и с сыном директора Тифлисской консерватории, музыкантом и «белоэмигрантом» А.Н. Черепниным. То, что переписка с последним велась до 1925 г. и касалась исключительно музыкальной и музыковедческой деятельности, очевидно, значения не имело. Что касается личности Ю.Е. Выгодского, на настоящий момент поиски в архивах не дали результатов, способных прояснить его личность.

По поводу же общения с А.Н. Черепниным необходимо сделать небольшой комментарий. Выгодские дружили с Черепниными семьями со времени рождения Н.Я. Выгодского, в то время обе семьи жили в Петербурге. Впоследствии Н.Я. Выгодский учился с А.Н. Черепниным вместе в Консерватории в Тифлисе, когда ею руководил отец его – Н.Н. Черепнин (к этому периоду уже легендарная личность – ученик Н.А. Римского-Корсакова, он был известным композитором и дирижером дягилевских «Русских сезонов», а позднее, оказавшись в эмиграции, станет директором Русской консерватории в Париже). Кстати, после того, как судьба

разделила семьи, дружба между Выгодскими и Черепниными продолжилась. В начале 1920-х А.Н. Черепнин посвятил одну из своих работ, «Океанийскую сюиту: цикл заклинаний К. Бальмонта», оперной певице Анне Мейчик, упомянутой выше тете Н.Я. Выгодского [Russian Composers …].

В 1923–1925 гг. А.Н. Черепнин действительно активно переписывался с Н.Я. Выгодским на разнообразные темы по теории музыкальной культуры. Как отмечает Л.Д. Корабельникова в биографии А.Н. Черепнина, «Некоторые письма – на 12–14 страницах. Иные – содержащие "разбор" полученных сочинений, – снабжены нотными примерами… Он живо интересуется и сочинениями недавнего соученика, и новой музыкой в целом, просит прислать из Парижа некоторые издания: "новые заграничные выпуски, к сожалению, не проникают сюда, и таким образом музыкальный мир Москвы, да и остальной России лишен возможности знакомиться с новейшими произведениями музыкального искусства и, следовательно, живо следить за ходом развития музыки. Это печально. Русских композиторов (наиболее видных) нет в России, и, таким образом, мы несколько отстаем (2 февраля 1923)"» [Корабельникова, 1999]. Отмечая невозможность размещения в книге развернутых цитат из писем Н.Я. Выгодского, она обращает внимание на то, что «многие тексты этого совершенно забытого интересного деятеля заслуживали бы отдельной публикации» [Корабельникова, 1999].

С учетом приведенной выше цитаты из переписки стоит предположить, что содержание писем могло быть представлено как дополнительное доказательство обвинения, и 10 апреля 1935 г. Особое Совещание при Народном Комиссариате Внутренних Дел СССР постановило заключить Н.Я. Выгодского за контрреволюционную деятельность в исправтрудлагерь сроком на пять лет. Вскоре он был отправлен в Белбалтлаг, где отбывал срок до 1939 г.

О его жизни в заключении известно крайне мало. Автор данной статьи обращался в ГИАЦ МВД, архивные подразделения МВД, ФСБ, ФСИН Архангельской области, Республики Карелия, ряда других регионов, куда могли были быть направлены архивные документы о заключении Н.Я. Выгодского, однако отовсюду пришли отрицательные ответы.

При этом память о последнем периоде жизни Н.Я. Выгодского не стерлась полностью. Д.Д. Шостакович, отдавая дань памяти талантливым людям, погибших в результате репрессий, пишет и о нем: «…Мы слишком быстро забыли о Жиляеве и других. Погиб Сергей Попов, очень талантливый человек… Или Николай Выгодский, талантливый органист. Та же самая история. Забыт Болеслав Пшибышевский, ректор Московской консерватории, сын известного писателя. Забыт и Дима Гачев. Он был хорошим музыковедом» [Свидетельство …].

Ю.И. Чирков в своих лагерных воспоминаниях называет Н.Я. Выгодского пианистом-виртуозом, ярким участником лагерной концертной бригады. Также он пишет о наступлении 1937 г., перед которым «…состоялся прекрасный новогодний концерт – последний в истории соловецкого театра. Все исполнители, предугадывая это, играли так, как перед смертью, отдавая все свои силы и вдохновение залу. Как пел Привалов, как исполнил Брамса и Рахманинова (2-й концерт) Выгодский! (Кстати, Рахманинов, как белоэмигрант, был запрещен для исполнения, и его подали как Чайковского)» [Чирков]. Есть некая ирония в том, что Н.Я. Выгодский запомнился Ю.И. Чиркову именно как талантливый исполнитель Рахманинова, о творчестве которого он так критично отзывался за несколько лет до этого [Гачев, 1989].

Л.С. Танюк свидетельствует о мифологизации образа Н.Я. Выгодского, «…который, будучи посажен в одиночку, якобы оторвал от нар доску, нарисовал на ней клавиатуру и часами играл на этом беззвучном инструменте. Прибежавший комендант, решив, что заключенный сошел с ума, отобрал у музыканта доску и перевел пианиста в Головленковскую крепость» [Танюк]. Речь идет о карцере, одном из средневековых «каменных мешков», расположенных в крепостных стенах и башнях Соловецкого монастыря, заключение куда во времена лагеря и тюрьмы (СЛОН и СТОН) считалось одним из самых тяжелых наказаний. Впрочем, далее автор добавляет, что, скорее всего, эта история является легендой.

Здесь уместно описать еще одну страшную семейную легенду, которая была рассказана автору старшими родственниками много лет назад. Согласно этому преданию, Н.Я. Выгодский, находясь в заключении, пользовался любыми возможностями,

чтобы заниматься музыкой, и нарушал существовавшие запреты. За это охранники его неоднократно избивали, а вовремя одной из таких экзекуций сломали ему пальцы, чтобы он не имел даже технической возможности заниматься музыкой. От этой травмы музыкант уже не смог оправиться, и она послужила катализатором, ускорившей его заболевание и безвременную гибель. Вообще для семьи Выгодских заключение и смерть Николая была страшной, неописуемой трагедией. После ареста его брат стремился облегчить судьбу и делал все возможное, чтобы узника освободили, и спустя десятилетия добился его посмертной реабилитации, заручившись поддержкой известных деятелей искусства, которые вместе с М.Я. Выгодским писали в различные инстанции на протяжении многих лет. Внука математика, сына дочери Нины, родившегося в 1953 г., единогласно назвали Николаем в память двоюродного деда.

Последние месяцы жизни Н.Я. Выгодского, как можно догадываться, были трагичными. В заявлении с просьбой посмертно реабилитировать брата, направленном в военную прокуратуру в январе 1955 г., он пишет, что «… весной 1939 года обострившийся костный туберкулез стал угрожать жизни брата…». Узнав об этом, М.Я. Выгодский и заслуженный деятель искусств Г.Г. Нейгауз обратились в НКВД с ходатайством о досрочном освобождении заключенного. Было принято решение о переводе Н.Я. Выгодского в больницу. Однако к этому моменту он уже умер, «…во Владимирской тюрьме, не выдержав длительного пути из Соловецкой тюрьмы, откуда заключенные эвакуировались в другие места заключения» [ГАРФ]. Н.Я. Выгодский умер 26 ноября 1939 г., не дожив почти полгода до сорокалетия.

Отдельно необходимо упомянуть о судьбе близких Н.Я. Выгодского. Его жена М.В. Уманская после осуждения мужа была исключена из ВКП(б) и вскоре отправлена в ссылку, где провела почти 20 лет: в 1937–1948 гг. в Киргизской республике, а позднее, вплоть до 1955 г. – в Казахстане. В заявлении в прокуратуру, датированным 23 мая 1956 г. (вскоре после XX съезда КПСС), с требованием ее официально реабилитировать, она не может скрыть эмоций: «… 20 лет ссылки – это очень тяжелое наказание. Это целая жизнь» [ГАРФ].

В 1935 г. произошли трагические события и в жизни брата, М.Я. Выгодского. Он был исключен из партии по результатам партпроверки, в которых был заклеймен как неискренний коммунист и недостаточно активный общественный деятель. В предыдущем году он опубликовал книгу «Галилей и инквизиция», и рецензия одиозного А.А. Максимова, выполненная в уничижительной и доносительской форме, послужила материалом для санкций в отношении математика. При этом, основываясь в первую очередь на воспоминаниях близких родственников М.Я. Выгодского, мы предполагаем, что по крайней мере частично именно факт ареста и осуждения брата оказал серьезное влияние на его последующую судьбу. Несмотря на то, что, на первый взгляд, исключение М.Я. Выгодского из партии не привело к фатальным последствиям, тем не менее, это стало значимым препятствием для дальнейшего развития его научной и общественной карьеры. Но при этом, как ни парадоксально, прерывание восходящей карьеры математика, научного и общественного деятеля перед самым пиком «Большого террора» могло оказаться спасительным для выживания его семьи и его самого: с учетом еврейской национальности, непролетарского происхождения, наличия родственников и друзей в эмиграции, среди которых были публичные персоны, а также «сомнительных» деталей биографии, шансы М.Я. Выгодского стать жертвой репрессий вслед за братом Н.Я. Выгодским были существенными.

В заключение автор хотел бы кратко рассмотреть образ Н.Я. Выгодского в культурно-историческом контексте. Как написано выше, он был активным участником оставившей недобрую славу РАПМ, однако мы полагаем, что при всей агрессивности, в историческом плане ее деятельность сыграла не только негативную и разрушительную для музыкальной культуры роль. Само по себе переосмысление музыкальной культуры, мероприятия, направленные на то чтобы сделать ее более доступной, стремление к демократизации музыки и искусства в целом, были позитивным и благородным делом. При этом деятельность в области обеспечения массовости музыкального образования с целью «подтянуть» уровень слушателей до достойного культурного уровня оказалась вполне успешной. Поэтому, несмотря на радикальную нетерпимость ко всему чуждому пролетариату, и то, что «суждения теоре-

тиков РАПМ страдали вульгарным социологизмом и часто бывали несправедливы по отношению к виднейшим представителям советской музыки и передовым художникам зарубежных стран…», теоретики и практики этой организации, в число которых входил и Н.Я. Выгодский, сделали и много хорошего для культуры, их деятельность принесла положительные плоды [МЭ]. В связи с этим мы склонны рассматривать фигуру Н.Я. Выгодского в первую очередь как одного из энтузиастов и робеспьеров в сфере искусства и культуры, которые в буквальном смысле пожертвовали жизнью за свою научную, общественную и творческую деятельность, обоснованную искренними убеждениями и верой в собственные идеалы.

Благодарность: автор выражает искреннюю благодарность А. Винтеру, Е. Власовой, Е. Зелинской, Т. Полянской, А. Яковлевой за неоценимую помощь в подготовке настоящей статьи.

Список литературы

Архивное следственное дело № Р-16109 в отношении Выгодского Николая Яковлевича. Центральный архив ФСБ.

Биографический очерк о Н.Я. Выгодском и список его произведений (1963). Фонд: 366. РГАЛИ.

Власова Е.С. 1948 год в советской музыке: документированное исследование. – Москва : Классика-XXI, 2010. – 455 с.

Выгодский Н.Я. // Музыкальная энциклопедия (МЭ). – URL: https://clck.ru/34ZkM5 (дата обращения: 30.04.2023).

Выгодский Н.Я. Методическая хрестоматия по курсу общего фортепиано. – ОГИЗ, 1935. – 191 с.

Выгодский Н.Я. Небесная идиллия, или фашизм в поповской рясе // Пролетарский музыкант. – 1931. – № 2 (20). – С. 27–28.

Выгодский, Николай Яковлевич // Большая биографическая энциклопедия (ББЭ). – URL: https://clck.ru/34ZkLR (дата обращения: 30.04.2023).

ГАРФ.Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 70530. Л. 2.

ГАРФ.Ф. Р-8131. Оп. 31. Д. 70530. Л. 2.

ГАРФ.Ф.Р-8131. Оп. 31. Д. 70530. Л. 18

Гачев Г.Д. Воспамятование об отцах : докум. повествование // Дружба народов. – 1989. – № 7. – С. 161–223.

Гуров О.Н. Марк Яковлевич Выгодский: штрихи к портрету ученого и человека своего времени // Науковедческие исследования. – 2023. – № 1. – С. 123–145.

Дрейден С. Музыка – революции. – Москва : Сов. композитор, 1970. – 670 с.

Корабельникова Л.Д. Александр Черепнин: долгое странствие. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 288 с.

Кузякина Н.Б. Театр на Соловках, 1923–1937. – Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009. – 175 с.

Н.Я. Выгодский. Личное дело. Архив МГК имени П.И. Чайковского.

Оперный Вавилон // БЕЛАРУСЬ СЕГОДНЯ. – URL: https://www.sb.by/articles/opernyy-vavilon.html (дата обращения: 10.08.2023).

Постановление ЦИК СССР, СНК СССР «Об Особом совещании при НКВД СССР» от 5 ноября 1934 № 22.

Российская ассоциация пролетарских музыкантов // Музыкальная энциклопедия (МЭ). – URL: https://clck.ru/34ZkHm (дата обращения: 30.04.2023).

Свидетельство. Воспоминания Дмитрия Шостаковича, записанные и отредактированные Соломоном Волковым // Свидетельство. – URL: http://testimony-rus.narod.ru/Testimony.pdf (дата обращения: 30.04.2023).

Сидляревский Л.Д. М. Мейчик. Некролог // Труды Белорусского государственного университета в Минске. – Минск, 1922. № 2/3. – С. 365–366.

Танюк Л.С. (без даты). «Березиль» под снегами : [Очерк]. Фонд: 2. Опись: 8. Дело: 149. Архивное хранение: б/м. НИПЦ Мемориал.

Чирков Ю.И. А было все так… // libcat. – URL: https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/348502-yurij-chirkov-a-bylo-vse-tak.html (дата обращения: 30.04.2023).

Russian Composers and Musicians: a Biographical Dictionary. Compiled by Alexandria Vodarsky-Shiraeff. New York. The H.W. Wilson Company. 1940 // Internet Archive. – URL: https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.151659/2015.151659.Russian-Composers-And-Musicians_djvu.txt (датаобращения: 01.09.2023).

References

Archival investigative file No. R-16109 regarding Nikolai Yakovlevich Vygodsky. Central Archive of the Federal Security Service.

Biographical essay on N.Y. Vygodsky and a list of his works (1963). Fond: 366. RGALI.

Vlasova E.S. 1948 in Soviet music: a documented study. – Moscow: Classics-XXI, 2010. – 455 p.

Vygodsky N.Ya. // Musical Encyclopedia (ME) URL: https://clck.ru/34ZkM5 (accessed: 01.09.2023).

Vygodsky N.Ya. Methodical chrestomathy on the course of general piano. – OGIZ, 1935. – 191 p.

Vygodsky N.Ya. Heavenly idyll, or fascism in the popish cassock // Proletarian Musician. – 1931. – N 2 (20). – P. 27–28.

Vygodsky, Nikolai Yakovlevich // Big Biographical Encyclopedia (BBE) URL: https://clck.ru/34ZkLR (accessed: 01.09.2023).

GARF.F.R-8131. Op. 31. D. 70530. S. 2.

GARF.F.R-8131. Op. 31. D. 70530. S. 2.

GARF.F. R-8131. Op. 31. D. 70530. S. 18.

Gachev G.D. Vospamyatanie about the forefathers : Documentary narrative // Druzhba Narodov. – 1989. – N 7. – P. 161–223.

Gurov O.N. Mark Vygodsky: A Few Insights into the Image of Scholar and His Personality// Science Studies. – 2023. – N 1. – P. 123–145.

Dreiden S. Music for revolution. – Moscow: Sov. Compositor, 1970. – 670 p.

Korabelnikova L.D. Alexander Cherepnin: Long Wandering. Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. – 288 p.

N.B. Kuzyakina Theater on Solovki, 1923–1937. – St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2009. – 175 p.

N.Y. Vygodsky. Personal file. Archives of the Tchaikovsky Moscow State Concert Hall.

Opera Babylon // BELARUS SEDNAY URL: https://www.sb.by/articles/opernyy-vavilon.html (accessed: 01.09.2023).

Resolution of the CEC of the USSR, SNK of the USSR "On the Special Meeting under the NKVD of the USSR" of November 5, 1934, N 22.

Russian Association of Proletarian Musicians // Musical Encyclopedia (ME) URL: https://clck.ru/34ZkHm (accessed: 01.09.2023).

Testimony. Memories of Dmitry Shostakovich, recorded and edited by Solomon Volkov // Testimony URL: http://testimony-rus.narod.ru/Testimony.pdf (accessed: 01.09.2023).

Sidliarevsky L.D.M. Meychik. Obituary // Proceedings of the Belarusian State University in Minsk. Minsk, 1922. nos. 2–3. Pp. 365–366.

Tanyuk L.S. (undated). "Berezil" under the snows: [Sketch]. Fund: 2. Inventory: 8. Case: 149. Archival storage: b/m. NIPC Memorial.

Chirkov Y.I. And everything was like this... // libcat URL: https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/348502-yurij-chirkov-a-bylo-vse-tak.html (accessed: 01.09.2023).

Russian Composers and Musicians: a Biographical Dictionary. Compiled by Alexandria Vodarsky-Shiraeff. New York. The H.W. Wilson Company. 1940 // Internet Archive URL: https://archive.org/stream/in.ernet.dli.2015.151659/2015. 151659.Russian-Composers-And-Musicians_djvu.txt (accessed: 01.09.2023).

ОБЗОРЫ, РЕФЕРАТЫ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 008 DOI 10.31249/scis/2023.03.09

Место, значение и сущность технологий в цифровом обществе. Рецензия на коллективную монографию: Социально-технологический дискурс в теориях и практиках цифрового тренда / под ред. Н.Г. Багдасарьян. – Москва : Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2022. – 167 с.

Современный мир все больше и больше погружается в цифровую эпоху. Это неизбежно влечет за собой огромное количество перемен, как в повседневных социальных практиках каждого человека, так и в структуре и динамике общества в целом. Это обстоятельство диктует острую необходимость подробного и детального анализа и осмысления такого рода перемен. Поэтому выход новой монографии под названием: «Социально-технологический дискурс в теориях и практиках цифрового тренда» представляется крайне своевременным и актуальным.

Монография написана коллективом авторов, которые давно занимаются социальными аспектами современных технологий, в том числе цифровых. По сути, мы имеем дело с так называемым «невидимым колледжем» в понимании Д Крейн, разработавшей свою концепцию на основе идей, высказанных Д.Дж. де С. Прайсом, так как рассматриваемая монография состоит из работ взаимодействующих друг с другом ученых, которые периодически встречаются и регулярно обмениваются идеями. Половина авторского коллектива – это ученые кафедры социологии и культурологии МГТУ им. Э.Н. Баумана. К диалогу о проблеме, вынесенной в название, также были приглашены ученые из ИФ РАН, ИНИОН РАН, Университета «Дубна», АГУ им. В.Н. Татищева. Инициатором и научным редактором книги выступила профессор Н.Г. Багдасарьян, давно и надежно зарекомендовавшая себя в области изучения техники и инженерной деятельности; культурологии, философии и социологии науки и образования. Заметим, что публикация монографии приурочена к 35-летию первой в технических вузах Российской Федерации кафедры социологии и культурологии, а также к 75-летнему юбилею ее основательницы Н.Г. Багдасарьян.

Монография начинается с предисловия, которое можно рассматривать как вполне самостоятельную постановочную часть. Оно вводит нас в сущность проблемы, представленную в рассматриваемой работе. Основная часть книги состоит из трех глав. Первая глава посвящена инженерии и техническим достижениям современного общества. Показана специфика процессов цифровизации и влияния их на социокультурную среду. В этой главе вы сможете узнать об инженерии, технологиях и технической среде как о специфической социальной реальности, с присущими ей практиками,

и ознакомится с эволюцией инженерных практик в ретроспективе, от ручного ремесла к цифровым технологиям; получить представление о формах конструирования цифровой реальности, об эволюции методологических подходов к социальной оценке инженерных практик, а также погрузиться в проблемы и противоречия этической составляющей коммуникации в сложно организованной киберсреде как виртуальной реальности.

Во второй главе идет речь об инженерных практиках в образовательной среде. В этой части работы рассмотрены перспективы основных векторов сопряжения инженерных практик с инженерным образованием, дан анализ цифровых образовательных практик как формы современной действительности и обзор представлений о стратегиях личностно-профессионального становления поколения, формирующегося в цифровую эпоху.

Нашлось место в монографии и проблемам цифровой культурологии, чему посвящена третья глава книги, имеющая дело с основными аспектами проблемного поля и методологическими новациями в этой области. Кроме того, здесь же рассматриваются проблемы производства культурных артефактов в нейросетях, и выясняется, как в новой антропотехнической реальности реализуются медиапроекты.

При прочтении книги все еще остаются вопросы, на которые монография не отвечает. Но это может быть легко объяснено тем, что идет дальнейшая активная научная работа авторов в обозначенном направлении, а также тем, что цифровая среда бурно развивается и постоянно влияет на современное общество. А это значит, что можно ожидать через некоторое время публикации новых, не менее интересных монографий на эту тему того же коллектива авторов. Здесь же заметим, что содержание книги в некотором смысле шире заданного названия, и она будет интересна не только специалистам по цифровым технологиям, но и всем тем, кто интересуется технологиями и их социальными аспектами.

В заключение следует сказать, что эта монография – значительный итог (надеюсь, не окончательный, а промежуточный) изучения социально-технологического дискурса в теориях и практиках цифрового общества. Есть все основания полагать, что книга не пройдет мимо как специалистов, давно работающих в этой области, так и молодых исследователей, делающих первые шаги в

направлении познания рассматриваемой проблемы. Эта монография, безусловно, будет полезна широкому кругу специалистов, а также всем тем читателям, которые интересуются современными цифровыми трендами и их социальными последствиями в современном обществе.

В.П. Бондарев,
доц., канд. геогр. наук, почетный работник ВПО ВФ,
ст. науч. сотр. географического факультета МГУ, им. М.В. Ломоносова,
доц. факультета социальных и гуманитарных наук МГТУ
им. Н.Э. Баумана

НАУКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

2023 – № 3

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор Д.Г. Валикова

Подписано к печати 07.11.2023

Формат 60×84/16 | Бум. офсетная № 1
Печать офсетная | Цена свободная
Усл. печ. 10,25 | Уч.-изд. л. 8,1
Тираж 300 экз. | Заказ №
(1–100 экз. – 1-й завод)

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
http://inion.ru

Адрес редакции:
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), 117418, Москва, Нахимовский пр-т, д. 51/21.
Сайт: http://sciencestudies.ru
e-mail для авторов: sciencestudies@inion.ru

Отдел печати и распространения изданий
Тел.: (925) 517-36-91
e-mail: inion-print@mail.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У